

ВЕСТИК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Том 15
Выпуск 3

2025
Сентябрь

ПСИХОЛОГИЯ

ВЕСТИК ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ОСНОВАН В АВГУСТЕ 1946 ГОДА
ЖУРНАЛ «ВЕСТИК СПбГУ. ПСИХОЛОГИЯ» ВЫХОДИТ В СВЕТ С МАРТА 2011 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	346
Preface.....	349
 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	
Гусельцева М. С. Трансформации современности: человек, мир, методология	352
Мухамедрахимов Р. Ж. Теории раннего вмешательства: перспектива интегративной модели	371
 ЭМПИРИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
Клементьева М. В. Взаимосвязь показателей формирующейся взрослости и смысложизненных ориентаций среди студентов	386
Фам А. Х., Козырева П. А. Качество выбора профессии и вуза: связь с экзистенциальной мотивацией.....	403
Волков Р. С., Сачкова М. Е. Связь самоотношения и групповой идентичности у юных спортсменов-боксеров: половозрастные особенности	418

© Санкт-Петербургский
государственный
университет, 2025

<i>Олейчик М. И., Шевченко О. П., Морева А. С., Олейчик И. В., Тхостов А. III.</i>	
Когнитивный профиль и личностные особенности пациентов юношеского возраста, страдающих депрессиями с несуицидальными самоповреждениями	432
<i>Крупина К. М. Особенности переживания одиночества и способы совладания с ним у женщин с разным статусом отношений в период взрослости.....</i>	455
<i>Шишикова А. М., Бочаров В. В., Нечаева А. И., Валиева Т. В., Громыко Д. И. Факторная структура методики «Уровень эмоционального выгорания родственников» на выборке родственников пациентов с химической и нехимической аддикцией</i>	476

На наш журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология»
можно подписаться по каталогу «Пресса России».
Подписной индекс 11279

Учредитель: Санкт-Петербургский государственный университет

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-75573
от 19 апреля 2019 г. (Роскомнадзор)

Главный редактор Н. В. Гришина, д-р психол. наук, проф.
Редактор А. М. Никитина
Корректор А. В. Фролова
Компьютерная верстка Е. М. Воронковой

Дата выхода в свет 04.12..2025.
Формат 70×100¹/16. Усл. печ. л. 11,8. Уч.-изд. л. 11,4. Тираж 40 экз. Заказ № Цена свободная.

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.
Адрес Издательства СПбГУ: 199004, С.-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11.
Тел./факс 328-44-22

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов.

Preface (In Russian)	346
Preface.....	349

THEORY AND METHODOLOGY OF PSYCHOLOGY

<i>Guseltseva M. S.</i> Ongoing transformations: Human, world, methodology	352
<i>Muhamedrahimov R. J.</i> Theories of early intervention: An integrative model perspective.....	371

EMPIRICAL AND EXPERIMENTAL RESEARCHES

<i>Klementyeva M. V.</i> The relationship between psychological parameters of emerging adulthood and life meaning orientations among students	386
<i>Fam A. H., Kozyreva P. A.</i> Quality of career and university choice: Relationship with existential motivation.....	403
<i>Volkov R. S., Sachkova M. E.</i> Relationship of self-attitude and group identity in young athletes-boxers: Gender and age features	418
<i>Oleychik M. I., Shevchenko O. P., Moreva A. S., Oleychik I. V., Tkhostov A. Sh.</i> [†] Study of the characteristics of the cognitive profile and personality traits of adolescent patients with non-suicidal self-injurious in depressive states	432
<i>Krupina K. M.</i> Characteristics of experiencing loneliness and ways of coping with it in women with different relationship statuses during adulthood.....	455
<i>Shishkova A. M., Bocharov V. V., Nечаева A. I., Valieva T. V., Gromyko D. I.</i> Factor structure of the “Level of Relatives’ Emotional Burnout” questionnaire on the sample of substance and non-substance addicted patients’ relatives.....	476

ПРЕДИСЛОВИЕ

Третий номер журнала «Вестник СПбГУ. Психология» открывается статьями, посвященными теоретическим и методологическим проблемам психологии, разработка которых имеет особенное значение для современной психологии.

В начале раздела публикуется статья М. С. Гусельцевой, одного из известных отечественных методологов, «Трансформации современности: человек, мир, методология», в которой обсуждаются основные тенденции трансформации современного мира и исследовательские стратегии их изучения. Современные нам изменения реальности являются одной из самых обсуждаемых тем последних десятилетий; описаны реальные и возможные последствия этих изменений, предлагаются их концептуальные модели и прогнозируются дальнейшие тенденции. По мере расширения обсуждаемой проблематики становится все более очевидным отсутствие релевантного методологического и терминологического аппарата для описания современных трансформаций, на что указывает в своей статье Гусельцева. Новые исследовательские стратегии требуют его разработки в формате меж- и трансдисциплинарности. На основе анализа методологических проблем изучения тенденций трансформации современного мира Гусельцева приходит к выводу, что фокусом приложения интеллектуальных сил в достижении релевантности их описания должны стать два встречных движения: (1) от текущей современности — к текущей методологии; (2) от изменяющегося мира — к изменяющемуся исследователю. Представленная публикация будет интересна широкому кругу психологов, работающих над проблематикой человека в современном мире.

Теоретические и методологические проблемы обсуждаются и в следующей статье номера — работе Р. Ж. Мухамедрахимова «Теории раннего вмешательства: перспектива интегративной модели». Мухамедрахимов является одним из ведущих отечественных специалистов в области раннего вмешательства, автором большого числа работ, посвященных различным аспектам данной проблематики. Его новая публикация посвящена обобщению отечественного и зарубежного опыта создания программ, направленных на развитие ребенка, поддержку семьи, обеспечение психического здоровья, социального и эмоционального благополучия детей. Результатом анализа существующих теоретических направлений и концептуальных описаний стала разработка Мухамедрахимовым теоретической интегративной модели, которая соединяет принципы подхода, ориентированного на снижение влияния неблагоприятных факторов среды, и подхода, фокусирующегося на повышении качества взаимодействия отношений «родитель — ребенок».

Раздел экспериментальных и эмпирических исследований открывается статьей М. В. Клементьевой «Взаимосвязь показателей формирующейся взрослости и смысложизненных ориентаций студентов». Проблема смысла жизни является частым предметом исследований, что отражает очевидную значимость этой темы в современной реальности. В публикации Клементьевой представлены результаты исследования, направленного на проверку гипотезы об особенностях формирующейся взрослости как предикторах смысложизненных ориентаций. На объемной выборке получены данные, подтверждающие гипотезу автора. Показано, что эти особенности могут выступать как в качестве ресурса развития смысложизненных ориентаций, так и в качестве барьера для их развития. Позитивные предикторы способствуют направленности на самореализацию, расширение социальных контактов, рост уверенности, способствуют развитию смысложизненных ориентаций, а такие особенности периода формирующейся взрослости, как нестабильность и негативность, становятся препятствием на пути их развития. Публикация М. В. Клементьевой представляет интерес не только для психологов, работающих над проблемами развития, но и в целом для психологии личности.

Следующая статья номера также посвящена молодежному возрасту — работа А. Х. Фам и П. А. Козыревой «Качество выбора профессии и вуза: связь с экзистенциальной мотивацией». Проблема мотивации при выборе профессии является предметом постоянного внимания в психологических исследованиях, однако авторам удалось найти свой оригинальный ракурс раскрытия данной темы. Они обозначают его как экзистенциально-деятельностный подход, в фокусе внимания которого — выбор как сложная внутренняя деятельность субъекта по самоопределению, рассматриваемая в соотнесении с фундаментальными экзистенциальными мотивациями. Результаты проведенного исследования подтвердили правомерность данного исследовательского подхода: качество профессионального выбора связано и с экзистенциальными мотивациями субъекта, и в целом с экзистенциальной исполненностью. В результате полученные данные совпадают с характерной для современной психологии личности тенденцией рассмотрения психологической феноменологии в более широком контексте, в данном случае — соотнесения профессионального самоопределения с жизненными ориентациями.

Тема молодежи продолжается и в следующей публикации номера — статье Р. С. Волкова и М. Е. Сачковой «Связь самоотношения и групповой идентичности у юных спортсменов-боксеров: половозрастные особенности». На большой выборке юных спортсменов авторам исследования удалось подтвердить гипотезу о связи психологических показателей самоотношения (самоуважения, уверенности и интереса к себе) с показателями групповой идентичности, конкурентности, являющейся значимым фактором спортивной деятельности. В статье описаны половозрастные особенности этой связи, демонстрирующие разную психологическую природу изучаемой феноменологии у мальчиков и девочек. Представляется, что полученные авторами исследования результаты интересны не только в рамках психологии спорта, но и в целом для психологии подросткового возраста.

Проблемы психологии юношеского возраста рассматриваются в следующей публикации номера — коллективной работе М. И. Олейчика, О. П. Шевченко, А. С. Моревой, И. В. Олейчик, А. Ш. Тхостова «Когнитивный профиль и личностные особенности пациентов юношеского возраста, страдающих депрессиями с несуи-

цидальными самоповреждениями». Для решения исследовательских задач авторами использовалась батарея методик и была сформирована выборка девушек в возрасте от 16 до 25 лет, включавшая подгруппы, позволившие провести сравнение по исследуемым параметрам. Результаты исследования подтвердили гипотезу авторов об особенностях когнитивного профиля и наличии выраженного когнитивного дефицита у пациенток юношеского возраста, страдающих депрессивными состояниями, сопровождающимися несуицидальными самоповреждениями. Также подтвердилось предположение о личностных особенностях данной группы пациенток, в том числе о наличии у них склонности к девиантному поведению.

Психологические проблемы периода взрослости находятся в центре внимания и следующей статьи номера — работы К. М. Крупиной «Особенности переживания одиночества и способы совладания с ним у женщин с разным статусом отношений в период взрослости». Выборка исследования включала три возрастные группы (от 18 до 54 лет) и была поделена практически поровну на две подгруппы с наличием или отсутствием партнера. На основе собранных данных был проведен анализ взаимодействия эффектов возраста и статуса отношений на параметры переживания одиночества, психологического благополучия и жизнестойкости. Полученные данные подтвердили предположения автора о влиянии факторов возраста и статуса отношений на психологические показатели. Негативно переживающие свое одиночество женщины из младшей возрастной группы, для них же характерны и более низкие показатели жизнестойкости. С возрастом они обретают большую зрелость, однако в случае отсутствия партнера негативное переживание одиночества к старшей возрастной группе становится выше, а показатели психологического благополучия и жизнестойкости — ниже.

Заключительная статья номера — коллективная работа А. М. Шишковой, В. В. Бочарова, А. И. Нечаевой, Т. В. Валиевой, Д. И. Громыко «Факторная структура методики “Уровень эмоционального выгорания родственников” на выборке родственников пациентов с химической и нехимической аддикцией». На большой выборке участников исследования авторами была проведена верификация факторной структуры разработанной ими методики по диагностике уровня эмоционального выгорания родственников пациентов с аддикцией. Значимость данного методического инструмента определяется психологическими проблемами, которые могут проявляться у людей, стремящихся справиться с аддикцией близких. Авторы справедливо указывают на недостаточную разработанность данной темы, в том числе из-за отсутствия методических решений. Предложенная ими диагностическая методика фокусируется на ресурсах личностного потенциала и деструктивных проявлениях в случае развития эмоционального выгорания у лиц, оказавшихся в сложной ситуации отношений с близкими из-за наличия у них аддиктивных проблем.

Третий номер журнала «Вестник СПбГУ. Психология» за 2025 г. демонстрирует широту тематики, над которой сегодня работают психологи, и открытость нашего журнала работам ученых в самых разных областях. Приглашаем коллег к публикации своих статей в нашем журнале!

Главный редактор журнала «Вестник СПбГУ. Психология»
Наталья Гришина

PREFACE

The third issue of the journal “Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology” opens with articles devoted to theoretical and methodological problems of psychology, the development of which is of particular importance for modern psychology.

At the beginning of the section, an article by M. S. Guseltseva, one of the famous Russian methodologists, “Ongoing transformations: Human, world, methodology” is published, which discusses the main trends in the transformation of the modern world and research strategies for their study. Changes in modern reality are one of the most discussed topics of recent decades, the real and possible consequences of these changes are described, conceptual models are proposed and further trends of changes are predicted. As the discussed issues expand, the lack of a relevant methodological and terminological framework for describing modern transformations becomes more and more obvious, as Guseltseva points out in her article. New research strategies require their development in the format of inter- and transdisciplinarity. Based on the analysis of methodological problems of studying trends in the transformation of the modern world, Guseltseva concludes that the focus of applying intellectual forces in achieving the relevance of their description should be two movements: (1) from liquid modernity to liquid methodology; (2) from a changing world to a changing researcher. The presented publication will be of interest to a wide range of psychologists working on human issues in the modern world.

Theoretical and methodological problems are also discussed in the next article of the issue, R. J. Muhamedrahimov's work “Theories of early intervention: An integrative model perspective”. Muhamedrahimov is one of the leading Russian experts in the field of early intervention, the author of a large number of works on various aspects of this issue. His new publication is devoted to the generalization of domestic and foreign experience in creating programs aimed at child development, family support, mental health, social and emotional well-being of children. Muhamedrahimov's analysis of existing theoretical trends and conceptual descriptions resulted in the development of a theoretical integrative model that combines the principles of an approach focused on reducing the impact of adverse environmental factors and an approach focusing on improving the quality of parent — child interaction.

The section of experimental and empirical research opens with M. V. Klementyeva's article “The relationship between psychological parameters of emerging adulthood and life meaning orientations among students”. The problem of the meaning of life is a frequent subject of research, which reflects the obvious importance of this topic in modern reality. Klementyeva's publication presents the results of a study aimed at testing the hypothesis about the features of emerging adulthood as predictors of meaningful life orientations. Data confirming the author's hypothesis was obtained from a large sample. It is shown that these

features can act both as a resource for the development of meaningful life orientations and as a barrier to their development. "Positive predictors" contribute to the focus on self-realization, the expansion of social contacts, the growth of confidence, contribute to the development of meaningful life orientations, and such a feature of the period of emerging adulthood as "instability and negativity" becomes an obstacle to their development. The publication of M. V. Klementyeva is of interest not only for psychologists working on developmental problems, but also for personality psychology in general.

The next article in the issue is also devoted to the age of youth — the work of A. H. Fam and P. A. Kozyreva "Quality of career and university choice: relationship with existential motivation". The problem of motivation for choosing a profession is the subject of constant attention in psychological research, but the authors managed to find their own original perspective on this topic. They designate it as an existential-activity approach, which focuses on choice as a complex internal activity of the subject for self-determination, considered in relation to fundamental existential motivations. The results of the study confirmed the validity of this research approach: the quality of professional choice is related to both the existential motivations of the subject and, in general, to existential fulfillment. In general, the data obtained coincide with the tendency characteristic of modern personality psychology to consider psychological phenomenology in a broader context, in this case, the correlation of professional self-determination with life orientations.

The topic of youth age continues in the next publication of the issue, the article by R. S. Volkov and M. E. Sachkova "The relationship between self-attitude and group identity in young boxer athletes: gender and age characteristics". Using a large sample of young athletes, the authors of the study were able to confirm the hypothesis that psychological indicators of self-relation (self-esteem, self-confidence, self-interest) are related to indicators of group identity and competitiveness, which is a significant factor in sports activity. The article describes the gender and age characteristics of this relationship, demonstrating the different psychological nature of the studied phenomenology in boys and girls. It seems that the results obtained by the authors of the study are interesting not only in the framework of sports psychology, but also in general for the psychology of adolescence.

The problems of adolescent psychology are discussed in the next publication of the issue — the collective work of M. I. Oleychik, O. P. Shevchenko, A. S. Moreva, I. V. Oleychik, A. Sh. Tkhostov "Study of the characteristics of the cognitive profile and personality traits of adolescent patients with non-suicidal self-injuries in depressive states". To solve research problems, the authors used a battery of techniques and formed a sample of girls aged 16 to 25 years, which included subgroups that allow comparison according to the parameters studied. The results of the study confirmed the authors' hypothesis about the features of the cognitive profile and the presence of severe cognitive deficits in adolescent patients suffering from depressive states accompanied by non-suicidal self-harm. The assumption about the personal characteristics of this group of patients, including their tendency to deviant behavior, was also confirmed.

The psychological problems of adulthood are also in the focus of the next article in the issue — the work of K. M. Krupina "Characteristics of experiencing loneliness and ways of coping with it in women with different relationship status during adulthood". The study sample included three age groups (from 18 to 54 years old) and was divided almost equally into two subgroups with or without a partner. Based on the collected data, an analysis of the interaction of the effects of age and relationship status on the parameters of experiencing

loneliness, psychological well-being and resilience was carried out. The data obtained confirmed the author's assumptions about the influence of age and relationship status factors on psychological indicators. Women from the younger age group experience their loneliness negatively, and they are also characterized by lower levels of resilience. With age, they gain greater maturity, however, in the absence of a partner, the negative experience of loneliness in the older age group becomes higher, and indicators of psychological well-being and resilience are lower.

The final article of the issue is the collective work of A. M. Shishkova, V. V. Bocharov, A. I. Nechaeva, T. V. Valieva, D. I. Gromyko "Factor structure of the 'The level of emotional burnout of relatives' in a sample of relatives of patients with chemical and non-chemical addiction". Based on a large sample of study participants, the authors verified the factor structure of the method they developed for diagnosing the level of emotional burnout in relatives of patients with addiction. The importance of this methodical tool is determined by the psychological problems that may manifest themselves in people who are trying to cope with the addiction of loved ones. The authors rightly point to the lack of elaboration of this topic, including due to the lack of methodical solutions. Their proposed diagnostic technique focuses on the resources of personal potential and destructive manifestations in the case of emotional burnout in people who find themselves in a difficult situation of relationships with loved ones due to their addictive problems.

The third issue of the journal "Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology" for 2025 demonstrates the breadth of the topics that psychologists are working on today and the openness of our journal to the work of scientists in various fields. We invite our colleagues to publish their articles in our journal!

Editor-in-chief of the journal "Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology"
Natalia Grishina

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

УДК 159.9

Трансформации современности: человек, мир, методология

М. С. Гусельцева

Федеральный научный центр психологических
и междисциплинарных исследований (Психологический институт),
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, 9

Для цитирования: Гусельцева М. С. Трансформации современности: человек, мир, методология // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 3. С. 352–370.
EDN ITVKUQ

Обсуждаются ключевые трансформации современности, изменения человека и мира; проблемы, связанные с исследовательскими стратегиями их изучения. Среди факторов, ответственных за текущие изменения, ученые прежде всего выделяют процессы глобализации и цифровизации, а также феномен смешивания различных тенденций, известный под названиями «гибридизация», «креолизация», «микширование». Изменения, усложнение, диверсификация, турбулентность сделались фокусом внимания и предметом рефлексии социальных наук. Однако уже на рубеже ХХ–ХХI вв. встал вопрос об отсутствии релевантного методологического и терминологического аппарата для описания современных трансформаций. У человека и мира появились свойства, которые не видимы или в полной мере не отражаются моделями, выстроенным в логике прежних представлений о реальности. Осмысление современности в аспектах становления, процессуальности, текущих изменений человека и мира нашло отражение в ряде общенаучных концепций, таких как концепция метамодерна, концепция текущей современности, концепция сверхсложности, концепция сверхразнообразия, концепции перегретого мира и идеального шторма. Авторы этих концепций сходятся в том, что изучение изменений нуждается в новых методологических стратегиях, более тонком аналитическом инструментарии. Эти новые методологические стратегии так или иначе направлены на разработку меж- и трансдисциплинарности. В статье посредством анализа обозначенных выше концепций обосновываются идеи, касающиеся релевантности методологических стратегий при изучении современных трансформаций. Утверждается, что фокусом и точкой приложения интеллектуальных сил в достижении релевантности должны стать два челночных движения: 1) от текущей современности — к текущей методологии; 2) от изменяющегося мира — к изменяющемуся исследователю. Трансдисциплинарность в действии (*transdisciplinarity in action*)

раскрывается как механизм осознанного самообучения исследователя непосредственно в ходе исследования.

Ключевые слова: методология, человек и мир, изменения, сверхсложность, сверхразнообразие, идентичность, трансдисциплинарность в действии.

Введение

Информационная перегруженность эпохи кристаллизуется в поиски новых образовательных и методологических стратегий. Идеи о трансформации современности, изменениях человека и мира, идентичности, методологии, разработке меж- и трансдисциплинарности, разнообразии способов познания буквально носятся в воздухе, предвосхищая рождение новой парадигмы, в стремлении угадать основные ее очертания. При этом специфику текущих изменений довольно трудно сформулировать языком уже известных парадигм. Представления о реальности как отдельных субъектов, так и научного сообщества в целом формируются в ходе становления их собственных жизненных миров, а потому естественная установка — при осмыслении нового помещать его в прежние схемы мышления. Однако признаком расхождения когнитивных карт и изменившейся местности служит нарастающая тревога¹, проявляющаяся в новых веяниях искусства или интеллектуальном стремлении узреть проникающие в повседневность протуберанцы, обнаружить в изменениях повседневных практик отблески грядущей эпохи. Наиболее же конструктивной реакцией на перемены, на наш взгляд, становится осознанная смена методологической оптики (Гусельцева, 2012; Гусельцева, 2015).

Начиная с рубежа XX–XXI вв. в психологии и других социальных науках множится количество публикаций, рассуждающих об изменениях человека и мира, росте сложности, неопределенности и разнообразия. Среди ответственных за изменения факторов исследователи выделяют в первую очередь процессы глобализации, цифровизации, а также феномен смешивания различных тенденций, известный под названиями «гибридизация» (hybridization), «креолизация» (creolization), «микширование» (mixing) и пр. (Dotlich et al., 2009; Eriksen, 2003; Eriksen, 2007; Vertovec, 2014; и др.).

Изменения, усложнение, диверсификация, турбулентность сделались фокусом внимания и предметом рефлексии социальных наук. Однако довольно скоро выяснилось, что описание новой реальности нуждается в разработке более релевантного словаря, а для изучения изменений необходимы иные методологические стратегии, более тонкий аналитический инструментарий². В методологии науки новые исследовательские стратегии чаще всего обсуждаются сегодня в терминах полипарадигмальности, интегративных подходов, меж- и трансдисциплинарности (Бажанов, Щольц, 2015; Гусельцева, 2016; Frodeman, 2017; Hirsch Hadorn et al., 2008; Lange van, 2006; и др.).

¹ С алармистскими ожиданиями связаны научные, философские и художественные произведения, которые можно отнести к жанру «закатов Европы» и/или критики нравов подрастающих поколений.

² Так, например, «в последние годы Светлана Бойм разрабатывала теоретическую концепцию Off-Modern, создавая новые термины и методологию для изучения различных политических, культурных, литературных и визуальных явлений современности» (Бойм, 2025, с. 11) (курсив мой. — М. Г.).

На общенаучном уровне социального знания возник ряд концепций, пытающихся осмыслить социокультурные и социально-психологические феномены в процессе их становления. Среди этих концепций отметим прежде всего концепцию текучей современности (liquid modernity) социолога З. Баумана (Z. Bauman)³; концепцию метамодернизма (metamodernism), разработанную нидерландским философом Р. ван ден Аккером (R. van der Akker), норвежским искусствоведом Т. Вермюленом (T. Vermeulen) и британским концептуалистом Л. Тернером (L. Turner); концепцию сверхсложности (supercomplexity), ассоциированную с именем философа и теоретика образования Р. Барнетта (R. Barnett); концепцию сверхразнообразия (superdiversity), предложенную социологом, этнологом и исследователем в области транснациональной антропологии С. Вертовеком (S. Vertovec); концепцию «перегрева» (overheating) норвежского антрополога Т. Х. Эриксена (T. H. Eriksen); и концепцию «идеального шторма» (perfect storm) Д. Л. Дотлича (D. L. Dotlich), П. К. Кэйро (P. K. Kairo) и С. Х. Райнсмита (S. H. Rhinesmith), признанных американских экспертов в области лидерства и управления (Бауман, 2008; Barnett, 2000; Dotlich et al., 2009; Eriksen, 2016; Eriksen, Schober, 2016; Akker van den et al., 2017; Vertovec, 2007; Vertovec, 2014).

Само по себе приведенное выше перечисление концепций и имен ученых свидетельствует о транснациональности и трансдисциплинарности современной науки в действии. Однако важнее обратить внимание на иное обстоятельство. В описании современности проявились тренды, нашедшие выражение в удвоении понятий или изобретении новых терминов: ускорение ускорения (acceleration of acceleration); изменение изменений (change of changes); сверхразнообразие (superdiversity) как разнообразие разнообразия, или диверсификация/усложнение разнообразия; сверхсложность (supercomplexity) как новый уровень и тип сложности; «перегрев» (overheating) как ускорение и перемешивание (blending, mixing) изменений; «идеальный шторм» (perfect storm) как интерференция неопределенности, сложности и разнообразия. За этими опытами описания текущих трансформаций человека и мира прослеживаются не только поиски нового взгляда и нового языка, но и сознательные усилия ученых, направленные на изменение привычных схем и способов мышления.

Цель данной статьи — посредством сравнительного анализа названных выше концепций обосновать идеи, касающиеся релевантных методологических стратегий изучения человека и мира в трансформациях современности. Выраженные словами, эти идеи нередко звучат как лозунги, поскольку их реализация требует само-рефлексивности, сознательных усилий и напряженной работы. Суть же их в том, что релевантные методологические стратегии строятся, как минимум, из двух человеческих движений:

- 1) от текучей современности — к текучей методологии;
- 2) от изменяющегося мира — к изменяющемуся исследователю.

Механизмом их реализации является трансдисциплинарность в действии (transdisciplinarity in action).

³ Термин З. Баумана — liquid modernity — оказался весьма удачен в переводе на русский язык, выделив не жидкое, а именно текучее состояние современности.

Метамодерн как предчувствие иной парадигмы

Метамодерн разрабатывается как философская, социокультурная и эстетическая концепция, описывающая современное состояние человека и мира, а также поиск новых способов мышления, колеблющихся между модернизмом и постмодернизмом (Гусельцева, 2018; Павлов, 2018; Akker van den et al., 2017; Vermeulen, Akker van den, 2010). Это практика сложного и текущего мышления, которое балансирует между убежденностью и сомнением; учитывает многослойность, противоречивость, антиномичность, неоднозначность реальности; стремится совместить рациональное и эстетическое, одновременно использовать иронию и искренность. Ключевое понятие метамодерна — колебание (oscillation). Понятие разработано для интеграции опыта и знаний в условиях антиномичного, текущего, диверсифицированного, информационно перенасыщенного мира. Оно предполагает маятниковое, но и с каждым колебанием наращающее смыслы движение, охватывающее разнообразие идей, подходов и стилей. Колебание, или осцилляция, — конструкт, соответствующий зыбкости социокультурной реальности; времени, вышедшему из пазов; неустойчивой идентичности человека, пребывающего в ситуации изменений, где сами перемены стали новой нормальностью современного образа жизни. В свою очередь, Б. Г. Демпси (B. G. Dempsey), изучая метамодернизм как культурную логику, переосмысливающую предшествующие эпохи и создающую мультиперспективный взгляд на мир, отмечает рост саморефлексивности. Он использует термин «децентрирование» (decentering) — критическое переосмысление предшествующих культурных логик с целью их интеграции и аналитически отстраненного взгляда из метаперспективы (Dempsey, 2023).

Концепция метамодерна выступила одной из попыток сформулировать новую парадигму, уловить ее основные черты в процессе становления. Также здесь зафиксировано изменение изменений. Оно выражалось в том, что прежние смены парадигм обозначались посредством префиксов «пост-», «анти-», «не-» или «нео-» (например, постструктурализм — то, что после структурализма; антимодернизм — критика модернизма; неоклассика — то, что отталкивалось от классики, и т. п.). Изменения в механизмах смены парадигм отразились в изменении префиксов: «транс-» подчеркивает подвижность и текучесть бытия и познания; «мета-» характеризует тенденции к интеграции (Гусельцева, 2015; Гусельцева, 2016).

Метаморфозы и трансформации сделались сутью новой эпохи. Акценты сместились с бытия на становление. Однако новые правила жизнеустройства не установлены, они находятся в процессе формирования, они неизвестны и непонятны. Смятение (turmoil) выступает в этой ситуации еще одним свойством новой нормальности.

Далее логично было бы рассмотреть концепцию текучей современности З. Баумана, однако в связи с ее популярностью и ограниченным объемом статьи удовольствуемся кратким изложением. З. Бауман подчеркнул такие черты современности, как гибкость, неустойчивость, постоянство изменений; вынужденность пересборки идентичности под давлением меняющихся жизненных обстоятельств; неравномерный рост свободы и неравенство возможностей; психологические проблемы тревожности, неуверенности и одиночества (Бауман, 2008).

Концепция сверхсложности как программа осознанных изменений

В 2000 г. Р.Барнетт, философ и аналитик в сфере образования, в книге «Осмысление университета в эпоху сверхсложности» (Realizing the University in an Age of Supercomplexity) ввел это понятие (Barnett, 2000). Термин «сверхсложность» (supercomplexity) понадобился для описания нового качества современности, в которой:

- усилилась неопределенность;
- традиционные способы познания более не вели к релевантному пониманию человека и мира;
- возникло множество конкурирующих интерпретаций;
- разные взгляды и ценности вступали в противоречие;
- познавательная деятельность, совершающаяся в стенах университетов, утрачивала четкие дисциплинарные границы.

Усиливающие друг друга неопределенность, текучесть и изменчивость окружающей среды делали сложившиеся представления о реальности сомнительными, а стабильные схемы мышления — неэффективными. Также проблематичным в эпоху постмодернизма стало понятие идентичности, ибо человек оказался вовлечен в круговороты изменчивости и неопределенности современной эпохи (Barnett, 2000).

Согласно Р.Барнетту, сверхсложность есть состояние современности, в основе которого лежат четыре взаимосвязанных фактора: неопределенность (uncertainty); непредсказуемость (unpredictability); оспариваемость, готовность подвергать все основы сомнению (challengeability); дискуссионность, возможность множества интерпретаций (contestability). Помимо этого, сверхсложность включает сплав нестабильности и риска, тревоги и непостоянства: аксиомы и постулаты, на которых держался видимый мир, сделались зыбкими и поставлены под вопрос.

Р.Барнетт объясняет, почему для характеристики текущего состояния человека и мира недостаточно термина «сложность». Сверхсложность — это трансформация и усложнение, изменение самого типа сложности. В современности более нет надежных опор. «Мы пребываем в ситуации сверхсложности, где сами рамки, созданные для того, чтобы сделать этот мир понятным, проблематизированы» (Barnett, 2000, р. 76). Познание состоит из множества конкурирующих интерпретаций, где наши представления постоянно подвергаются сомнению и переосмысливаются. Иными словами, Р.Барнетт пытается развить идеи текущего познания, трансформирующихся способов понимания, релевантных трансформациям человека и мира⁴. Отдельно он указывает на проблему человекоразмерности измене-

⁴ В этой связи необходимо упомянуть и концепцию сложного мышления Э. Морена (E. Morin) (Морен, 2005; Морен, 2019). И Р.Барнетт, и Э.Морен обосновывают методологические стратегии, релевантные текучести, неустойчивости и многогранную противоречивость человека и мира в условиях современности. Сложное мышление течет. Метод в концепции Э.Морена есть путь в том смысле, что метода заранее не существует, он создается в ходе исследовательского процесса. Сложное мышление (la pensée complexe) как бы флансирует между философией, естествознанием и социальными науками, избегая доминирования той или иной дисциплины (Морен, 2005; Морен, 2019). В дальнейшем такие идеи стали обсуждаться под именем трансдисциплинарности (Hirsch Hadorn et al., 2008).

ний, ибо человеческая психика с трудом приспосабливается к растущей скорости современных трансформаций.

На протяжении всей книги Р.Барнетт доказывает, что ответом на вызов сверхсложности должна стать перестройка системы высшего образования, призванная ориентировать учащихся не на переработку информации, а на жизнестроительство в мире, где более нет окончательных ответов. Университету следует не транслировать знания, а развивать способность к критическому мышлению и готовность к работе с неопределенностью. «Современный университет строится на осознании того, что практически все в окружающем мире подвержено сомнению» (Barnett, 2000, p. 99), познание нуждается в переосмыслении. Барнетт подчеркивает, что, хотя рассуждения о жизни в сложном, меняющемся, непредсказуемом мире уже сделались трюизмом, реальная мера сложности этой работы не осознается. Переосмысления требуют все утверждения, теории и практики, институты и технологии, а также априорные структуры, в рамках которых создаются и реализуются теории, формируются ценности, производятся технологии и институты (Barnett, 2000). Согласно Барнетту, университет выступает тем социальным пространством, где не только сверхсложность обнаруживается наиболее выпукло, но и человек находит средства с ней справляться. Однако для этого университет должен быть трансформирован. Р.Барнетт намечает программу этой трансформации, состоящую из шести аспектов:

- 1) критическая междисциплинарность (critical interdisciplinarity)⁵;
- 2) коллективный самоанализ (collective self-scrutiny) как развивающаяся форма рефлексии⁶;
- 3) целенаправленное обновление (purposive renewal);
- 4) подвижные границы (moving borders);
- 5) взаимодействие с сообществами за рамками университета, пребывание в постоянном диалоге (engagement);
- 6) коммуникативная толерантность (communicative tolerance) и коллективная самоирония⁷ (Barnett, 2000, p. 104–109).

Рассуждения Р.Барнетта о том, что ученым следует стать «практикующими эпистемологами», строить жизнь, не ограничиваясь рамками научного сообщества, проецировать результаты своих исследований на окружающую реальность, сближают его концепцию с идеями участующей антропологии (engaging anthropology) Т.Х.Эриксена (Eriksen, 2006), а также с методологией трансдисциплинарности (Hirsch Hadorn et al., 2008).

⁵ «Пространство дисциплины не может быть дистилированным, оно потенциально подвержено вторжению с любой стороны» (Barnett, 2000, p. 104). Современный университет является пространством столкновения множества дискурсов. «Университет должен не просто реагировать на неопределенность, но и взаимодействовать с ней», быть открытым к новым перспективам (Barnett, 2000, p. 104).

⁶ «Сверхсложность провоцирует рефлексивность. Когда утрачивается определенность, фундаментальные концепции и структуры должны подвергаться перепроверке. Рефлексивное общество является неизбежным результатом сверхсложности» (Barnett, 2000, p. 105).

⁷ «Сознание зачастую выживает только благодаря иронии» (Barnett, 2000, p. 111).

Концепция «перегретого мира» и кризис идентичности

Среди социальных наук антропология оказалась едва ли не наиболее чувствительна к изменениям человека и мира; здесь же появились первые концептуализации трансформирующейся современности и методологии ее исследований (Eriksen, 2003; Hannerz, 1997). С 1990-х гг. Т.Х. Эриксен разрабатывал концепцию перегрева. Проблемы идентичности современного человека в его работах соотнесены с экономической, социокультурной и экологической динамикой современного мира. Среди наиболее значимых процессов современности он рассматривает кризис идентичности, изменения климата и глобализацию. Методологической находкой Т.Х. Эриксена стало использование антиномий:

- анализ глобальных проблем в преломлении жизни локальных сообществ;
- осмысление текущих процессов в единстве роста и упадка;
- сочетание рациональности и иррациональности;
- глобализации и локализации;
- потерь и обретений идентичности;
- стандартизации и персонализации;
- ускорения и замедления;
- предсказуемости и неожиданности;
- креативности и утраты творческого потенциала и т. п.

«Эти процессы не просто негативны или позитивны для тех, кого они затрагивают: то, что некоторые воспринимают как кризис, для других вполне может представлять собой возможность, и всегда существует потенциал для спонтанных трансформационных моментов» (Eriksen, Visentin, 2024, p. XIX).

В отсутствии сложившегося научного языка на помощь ученым, как правило, приходят метафоры. Перегрев (overheating) как метафорический конструкт⁸ объединяет разноплановые реальности: потепление планеты, ускорение социокультурных трансформаций, рост социального напряжения, возникновение «горячих точек», вспышки политических и межкультурных конфликтов. Концепция перегрева описывает современность, в которой изменения не просто стремительны, но совершаются с разной скоростью в различных областях жизни. Все это сопровождается десинхронизацией: например, во время недавней пандемии там, где физический мир замедлялся, цифровой продолжал ускоряться. Фокусом анализа здесь становятся не просто новые, порождающие перегрев факторы, а одновременное несбалансированное «соприсутствие различных асимметричных масштабов, времен и сложностей, которые становятся все более и более неразрывными» (Eriksen, Visentin, 2024, p. X). При этом для соотнесения разных уровней анализа и масштабов событий в потоках трансформаций человека и мира такая концептуальная модель нуждается в трансдисциплинарном подходе.

⁸ Т.Х. Эриксен раскрывает смысл введенного им понятия следующим образом: «Термин “перегрев” привлекает внимание как к ускоренным изменениям, так и к напряженности, конфликтам и трениям, которые они порождают; он также — неявно — сигнализирует о необходимости исследования посредством диалектического отрицания, замедления или охлаждения» (Eriksen, 2022, p. 404).

Концепция «идеального шторма» и средства навигации

Эксперты в области лидерства и управления Д. Л. Дотлич, П. К. Кэйро и С. Х. Райнсмит на страницах своей книги развиваются концепцию «идеального шторма» и разрабатывают средства навигации в мире неопределенности, сложности и разнообразия (Dotlich et al., 2009). В сходном с Т. Х. Эриксеном ключе они выделяют ведущие факторы современных трансформаций — сочетание возросшей на рубеже веков скорости технологических инноваций с разнообразием точек зрения и растущих возможностей самореализации человека в мире, а также климатических угроз и нестабильности. В трансформациях современности соавторы выделяют три волны «идеального шторма»: сложность, неопределенность и разнообразие⁹. Метафора идеального шторма охватывает ситуацию современности, где прежним представлениям о человеке и мире отказано в релевантности, в дискуссиях громко звучат новые голоса, а повседневность вовлечена в водовороты хаоса и турбулентности. Мир сделался более специализированным и более сложным, технологически изощренным и фрагментированным (Dotlich et al., 2009, p. 45). «Мы находимся в эпицентре революции разнообразия» (Dotlich et al., 2009, p. 22). В стремительно меняющемся мире «на следующий день или в следующую минуту» происходят события, делающие исследования устаревшими, а ресурсы недостаточными (Dotlich et al., 2009, p. 23). Тревоги и страхи искажают наше видение. Привычные способы действия ведут лишь к умножению трудности и беспокойства, и даже самые опытные эксперты утрачивают ориентиры для продвижения «в этой нестабильной и не-предсказуемой среде» (Dotlich et al., 2009, p. 6).

Основная идея книги: трансформации современности и вызванные ими кризисы требуют изменения поведенческих и методологических стратегий. Д. Л. Дотлич и соавторы проводят мысль, что ключевые вызовы современности — сложность, разнообразие и неопределенность — заслуживают релевантного ответа. Сложность (complexity) современности проявляется в многослойности проблем, с которыми не совладать без перестройки мышления. Эффективными способами управления сложностью является использование парадоксов (ср.: со сложным мышлением Э. Морена; антиномиями Т. Х. Эриксена) и смена методологической оптики. Разнообразие (diversity), связанное с жизнью в мультикультурной и нестабильной среде, подталкивает к выработке новых способов взаимодействия. Среди последних наиболее существенную роль играет сочетание коммуникативной рациональности и эмпатии. Понимание иных культур, способность встать на точку зрения чужака, готовность создавать стратегические альянсы выступают важными ресурсами развития сотрудничества. Если прежде разнообразие рассматривалось как проблема, то сегодня оно представляет собой возможность. Сплав разнообразия и инклюзивности создает основы для творчества. Неопределенность (uncertainty) означает, что в условиях нестабильности традиционные прогнозы и стратегии более не эффективны, но здесь на помощь приходят открытость к новым идеям, готовность к риску и инновациям. Перестройка поведенческих стратегий требует от человека са-

⁹ Обратим внимание на отнюдь не удивительное сходство с заголовком статьи «Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия» А. Г. Асмолова, который, насколько мне известно, не был знаком с работой названных авторов, однако довольно четко выделил ключевые моменты современных трансформаций (Асмолов, 2018, с. 13–26).

морефлексии и осознанности, стойкости и выработки внутреннего локуса контроля. Опора «на свои личные убеждения, ценности и целеустремленность» (Dotlich et al., 2009, p. 11) создает островки надежности в потоке трансформаций. В мире, охваченном хаосом и турбулентностью, важно культивировать личную автономию, осознанность и понимание. Буфером против непредсказуемости служат крепкие социальные связи. Все это вместе есть средства навигации во время идеального шторма (Dotlich et al., 2009).

От текущей современности — к текущей методологии

Рассмотренные концепции отличает общность представлений и методологических установок:

- озадаченность релевантностью исследовательского инструментария;
- явная или латентная трансдисциплинарность;
- стремление к антропологически целостным представлениям о человеке и мире;
- сложное мышление посредством антиномий;
- соотнесение локальных и глобальных перспектив и др.

Сравнительный анализ концепций представлен в виде таблицы (табл. 1). В этих подходах формируются и новые качества исследовательской деятельности: установка на подвижность, калейдоскопичность картины мира; гибкость познавательных инструментов; умение посмотреть на предмет с разных углов зрения и по новому сконфигурировать представления о реальности; быть готовым отказаться от сложившейся картины мира, собирая каждый раз ее заново. Разумеется, это требует ресурсов и повышенных интеллектуальных усилий. Таким образом, если исследования текущей современности повлекли за собой разработку текущей методологии, то для реализации последней востребованы готовые изменяться в процессе исследования ученые¹⁰.

Практически все вышеназванные концепции так или иначе описывают стремительные трансформации человека и мира, обусловленные глобализацией, взрывом технологий и ускорением социокультурных изменений. Изменение жизненной среды, нестабильность, противоречивость и неопределенность ведут к кризису прежних форм идентичности и методов познания, к необходимости вырабатывать новые способы ориентации в меняющемся мире, развивать гибкие, готовые к переосмыслинию и самообучению формы. Сложность и разнообразие побуждают к отказу от застывших истин (критика «окаменевших мыслей» в концепции Э. Морена), принятию как новой нормальности множественных точек зрения, антиномичных и конфликтующих взглядов на мир. Однако наиболее значимыми достижениями является разработка терминологии и методологических стратегий, направленных на трансдисциплинарную интеграцию; признание, что исследователь вынужден

¹⁰ Качествам ученого, вынужденного или способного справляться с изменившимся условиями жизни и познания, могла бы быть посвящена отдельная статья, пока же отошлем читателя к обзору книги нобелевского лауреата по физиологии и медицине К. Карико (K. Karikó) «Прорыв. Моя жизнь в науке» («Breaking Through: My Life in Science») (Karikó, 2023), где развивается эта тема (Гусельцева, 2025).

Таблица 1. Сравнительный анализ концепций, описывающих ключевые трансформации современности

Концепция	Изменчивость, гибкость, текучесть	Ускорение процессов	Антиномичность, противоречивость	Неопределенность, непредсказуемость	Сложность, разнообразие, множественность перспектив	Кризис идентичности
Текущая современность	Текущесть, нестабильность, постоянные трансформации	Ускорение изменений, растворение разного рода границ	Рост свободы и неравенства возможностей	Неустойчивость, ненадежность, вызывающие рост тревоги	Фрагментированность современности	Разрушение социальных связей, одиночество, пересборки идентичности
Мегамодернизм	Колебания, осиляция, культурная и интеллектуальная гибкость	Ускорение в смене культурных эпох и стилей	Сочетание искренности и иронии, убежденности и сомнений	Недостижимая истина как процесс восхождения к ней	Рост саморефлексивности, интеграция полярных мировоззрений	Новые стратегии в поисках смысла
Сверхсложность	Трансформации бытия и познания	Рост объема знаний, информационная перенасыщенность	Противоречия между традицией и новыми вызовами, между скоростью изменений и способностью человеческой психики адаптироваться	Кризис знания, невозможность окончательной истины	Разнообразие курсов и точек зрения	Нечеловекоразмерность изменений, ответственность университетов за обучение пребыванию в изменениях и неопределенности
Сверхразнообразие	Социокультурные трансформации, текучесть и гибкость структур	Ускорение социальной мобильности, миграционные потоки как норма жизни	Пересечение множества этнических, культурных и социальных факторов	Риски конфликтов из-за смешивания и возросшего темпа изменений	Ибридность смешивания культурных традиций	Творчество новых форм идентичности, риски сегрегации
«Перетрев»	Слишком быстрые трансформации человека и мира	Глобальное ускорение социальных процессов, экспоненциальный рост технологических и климатических изменений	Конфликт традиций и глобализации	Трансформационная спонтанность, рост стресса из-за темпа и инерференции изменений	Смешивание локальных и глобальных дискурсов	Давление глобализации на локальные идентичности, креолизация как ответ на вызов
«Иdealный шторм»	Вызовы глобальных и технологических измениений	Ускорение глобальных и технологических изменений	Несоответствие между скоростью изменений и готовностью отвечать на эти вызовы	Рост стресса из-за сложности, неопределенности, разнообразия и темпа изменений	Смешивание трех волн идеального шторма — неопределенности, сложности, разнообразия	Готовность или не готовность отвечать на вызовы неопределенности, сложности и разнообразия

меняться, переосмысливать профессиональный опыт, перетряхивать схемы мышления, заново самообучаться в процессе исследования¹¹.

Исследование сложных и саморазвивающихся реальностей происходит сегодня в режиме текущести познания, где встречаются пресловутый изменяющийся мир, изменяющийся человек в изменяющемся мире и изучающий все это изменяющийся исследователь, который к тому же использует смешанные методы, развивает подвижные и гибкие исследовательские стратегии, оперирует разнообразием инструментов познания и методологических оптик. В этом процессе, подразумевающем осознание лабильности собственной картины мира, включающем принципы саморефлексивности, рекурсивности, процессуальности и контекстуальности, изменяющееся исследование течет и меняется вместе с изучаемой реальностью и изучающим ее ученым (Гусельцева, 2015; Гусельцева, 2016).

Подобно хирургу, проводящему сложную операцию с помощью разнообразных инструментов, или художнику, набрасывающему на полотно разные краски, ученый подбирает познавательные орудия и методологические оптики, отыскивая более адекватные для меняющейся реальности в ходе исследовательского процесса. Исследование такого рода течет, не озадачиваясь своими границами, а, напротив, стремится к открытости. Подвижное изменяющееся исследование изменяющегося человека в изменяющемся мире — суть новых методологических стратегий. Предчувствие новой парадигмы уже отразилось в фокусировке внимания психологов на аспектах рекурсивности, многомерности, транзитивности, процессуальности и контекстуальности изучаемой реальности (Асмолов, 2018; Гришина, 2018; Гришина, Костромина, 2021; Леонтьев, 2010; Марцинковская, 2015; и др.). Однако к двухсоставной схеме — развивающийся человек в развивающемся мире, «подвижное в подвижном» и т. п. — сегодня необходимо добавить дополнительные компоненты: изменяющееся, текущее исследование, саморазвивающееся вместе с изучаемой реальностью, включающее разнообразные познавательные инструменты, и меняющийся, самообучающийся, пересматривающий и перестраивающий свое представление об изучаемой реальности исследователь. Неопределенность, сложность, текущесть и разнообразие — уже не столько вызовы, сколько органичные условия познания человека и мира. Эволюция познания разворачивалась через усложнение и наращивание дополнительных измерений: от изучения объектов (успехи естествознания XIX в.) к изучению и объектов, и субъектов в их взаимоотношениях с миром (развитие социальных наук на протяжении XX в.), в дальнейшем — к саморефлексии и фокусировке на методологических аспектах (от движения смешанных методов до меж- и трансдисциплинарности в XXI в.).

Итак, ответом на осмысление современности в категориях неопределенности, сложности, разнообразия, текущести, перегрева и турбулентности становится выработка релевантных поведенческих и методологических стратегий, отвечающих микшированному, непрерывно трансформирующемуся состоянию человека и мира. Для изучения текущей современности и меняющегося человека в изменяющемся мире понадобились текущая методология и меняющийся исследователь. Однако то, что легко провозгласить, трудно реализовать на практике. Ведь сама

¹¹ Ср. с принципом творческой самодеятельности С. Л. Рубинштейна: в творческой деятельности рождается творец.

человеческая психика, стабилизирующая окружающий мир в мировоззрении, со- противляется потоку изменений.

Если переходить от лозунгов к механизмам реализации, то способом, позволяющим ученому осуществлять самообновление и практиковать гибкие методологические стратегии, становится трансдисциплинарность в действии (transdisciplinarity in action).

Трансдисциплинарность в действии

В современной науке представлено несколько моделей интеграции знания. «Для различения форм и функций пересечения дисциплинарных границ были придуманы различные термины, такие как междисциплинарность, кроссдисциплинарность, трансдисциплинарность и другие. К сожалению, эти термины не всегда имеют одинаковое значение из-за независимых разработок и различных связанных мотивов» (Hirsch Hadorn et al., 2008, p. 25). Кроссдисциплинарность есть пересечение дисциплин без их объединения. Чаще же всего речь идет о полипарадигмальных подходах, а также о мульти-, поли-, меж- и трансдисциплинарности. «Рассмотрение возможностей использования нескольких уровней как потенциально аналитически плодотворных открывает методологические возможности» (Vertovec et al., 2022, p. 228).

В наши дни практики меж- и трансдисциплинарности из экзотических постепенно становятся почти рутинными. Однако, прежде чем обратиться к рассмотрению трансдисциплинарности в действии, зафиксируем основные различия между стратегиями интеграции знания в виде таблицы (табл. 2).

Из таблицы видно, что наиболее релевантной методологией для изучения трансформаций человека и мира, феноменов сверхсложности и сверхразнообразия на сегодняшний день выступает трансдисциплинарный подход. Он позволяет не только интегрировать наработки различных дисциплин, фокусируясь на решении той или иной проблемы, но и объединять знания из области науки, искусства и философии; соединять академические и прикладные исследования; налаживать сотрудничество и диалог ученых с потребителями их разработок; использовать потенциал «гражданской науки» (citizen science) и т. п. (Hirsch Hadorn et al., 2008).

Между тем и современные концептуализации трансдисциплинарности, и реализованные трансдисциплинарные подходы тоже весьма различны. Преодоление границ между дисциплинами может быть мотивировано представлением о единстве знания в целом; пониманием сложности конкретных вопросов; инновациями в фундаментальных исследованиях, например в молекулярной биологии (Hirsch Hadorn et al., 2008, p. 25). В социальном плане необходимость в трансдисциплинарности возникает при сочетании познавательной неопределенности и повышенной значимости проблемы; ее оспариваемости (challengeability) и дискуссионности (contestability); ценностной нагруженности участвующих в решении проблемы лиц. В методологическом плане трансдисциплинарность структурирует проблемные области так, чтобы «а) охватить сложность проблем, б) принять во внимание разнообразие жизненного мира и научного восприятия проблем, с) соединить абстрактное и конкретное знание для частного случая, д) соотнести знания и практики с категорией общего блага» (Hirsch Hadorn et al., 2008, p. 30).

Таблица 2. Ключевые различия между мульти-, поли-, меж- и трансдисциплинарностью

Понятие	Интеграция знаний	Взаимодействие дисциплин	Примеры исследований	Результат или методологический фокус
Мультидисциплинарность (Multidisciplinarity)	Низкая степень интеграции (механическая интеграция на этапе общего отчета или коллективной монографии). Интеграция со стороны внешнего наблюдателя	Исследование совершается параллельно специалистами из различных дисциплин, их взаимодействие возможно, однако не обязательно	Городские исследования, где антропологи, психологи, социологи, экологи и экономисты работают независимо, однако результаты их исследований могут быть объединены в общем отчете	Рассмотрение одной проблемы с разных точек зрения, но без задачи объединения результатов в единное знание. Целостное знание возможно на основе множества дисциплинарных перспектив, но с позиции внешнего наблюдателя
Полидисциплинарность (Polydisciplinarity)	Низкая степень интеграции (механическая интеграция на этапе общего отчета или коллективной монографии). Интеграция со стороны внешнего наблюдателя	Исследование совершается параллельно специалистами из различных дисциплин, их взаимодействие возможно, однако не обязательно	Изучение изменений климата с привлечением автономно работающих биологов, химиков, метеорологов, экономистов и политологов	Охват более широкой исследовательской области вне строгой координации между дисциплинами. Целостное знание на основе множества дисциплинарных перспектив
Междисциплинарность (Interdisciplinarity)	Средняя интеграция. Знание интегрируется в пределах одной из дисциплин	Взаимодействие исследователей, творческий обмен методами, подходами и концепциями	Клинические исследования врачами, биологами и химиками — изучение проблемы с позиций и инструментами разных наук	Интеграция знаний из нескольких дисциплин для решения конкретной задачи. Занимательование методов и подходов; рост креативных решений на стыке наук
Трансдисциплинарность (Transdisciplinarity)	Высокая интеграция. Познание преодолевает дисциплинарные границы, возникает новый метауровень интеграции знания	Совместная работа, взаимодействие и диалог исследователей, формирование в ходе исследования новых подходов, методов и исследовательских стратегий за пределами отдельных дисциплин	Изучение устойчивого развития, глобальных вызовов, проблем идентичности в «перегром мире». Подходы, методы и методологии создаются в ходе исследования.	Фокус на сложных и глобальных проблемах. Движение сквозь дисциплины, открытие, гибкость и текущесть исследования Объединение теоретического и прикладного знания Новое целостное понимание изучаемой проблемы

На сегодняшний день трансдисциплинарные исследования представляют собой поисковую модель текущих методологий. В Оксфордском справочнике по трансдисциплинарным исследованиям проанализированы конкретные реализации такого подхода к решению глобальных и социальных проблем (Hirsch Hadorn et al., 2008). При этом каждое исследование уникально: опыт не передается, однако служит моделью или отправной точкой для другого оригинального исследования. В ходе трансдисциплинарных исследований происходит самообучение и изменение участников. В этом суть трансдисциплинарности в действии. «Основной задачей трансдисциплинарного исследования является рекурсивная интеграция разнообразных научных и общественных взглядов на проблемы в ходе исследовательского процесса» (Hirsch Hadorn et al., 2008, p. 414).

Трансдисциплинарные исследования крайне разнообразны, но, чтобы выделить технологии, касающиеся подвижной интеграции знания, текущести и гибкости исследовательских стратегий, приведем несколько конкретных описаний. Первое взято из Оксфордского справочника по сверхразнообразию (речь здесь идет о практически безграничном потенциале инновационного дизайна трансдисциплинарных исследований): «Использование музыки в качестве отправной точки позволяет проникнуть в социальные образования, которые делают возможными новые и гибридные формы самовыражения. Художественные коллаборации могут раскрыть новые уровни понимания структуры и агентности в условиях высокого культурного разнообразия, показать, как музыка взаимодействует с дискурсами, циркулирующими в обществе, или сопротивляется им, а также какие встречи эти художественные и выразительные формы делают возможными в публичном и интимном пространстве. Наконец, такой подход позволяет получить доступ к аффективному уровню реальности для понимания социальной сложности — как в отношении воплощенного эмоционального опыта, вызываемого музыкой, так и в качестве способа осмыслиения множества форм жизни в условиях сверхразнообразных городов. Такое исследование могло бы объединить этнографические методы с методами, основанными на искусстве, для достижения выразительных и аффективных аспектов реальности, а также количественные данные и анализ на уровне сообществ или популяции для описания множества действующих лиц и категорий, взаимодействующих в заданном локальном контексте» (Vertovec et al., 2022, p. 228).

Второе описание принадлежит перу Д. Бахманн-Медик, исследующей каскады культурных поворотов (Бахманн-Медик, 2017). В ее интерпретации средством обеспечения подвижности и интеграции знания становится перевод, который «осознается как важнейшая аналитическая категория и необходимая характеристика социального действия как такового»; становится «категорией, чувствительной к разладам и трениям глобального мира (и одновременно ответственной за них), облегчающей микроанализ конфликтных взаимодействий между этносами, странами, классами, гендерными позициями и формами правления» (Бахманн-Медик, 2013). Взятый же в качестве интегрирующей методологической стратегии перевод выявляет процесс, где образы, воплощенные в тех или иных феноменах культуры, становятся внутренними образами субъекта.

Какое отношение все это имеет к психологической науке? В наших работах ранее было показано, что саморефлексия психологии как современной науки в контексте трансдисциплинарного поворота ведет к осознанию значимости сотруд-

ничества с антропологией и переосмыслению психологии как одного из акторов в интеллектуальной сети социогуманитарного знания. Это означает, что, если психология изучает не абстрактного индивидуума, а человека, включенного в локальные группы и сообщества; живущего в той или иной культуре; совершающего поступки и исторические деяния; порождающего тексты; и т. п., — то она не может отгородиться от антропологии, этнографии, истории, литературоведения, социологии, филологии и т. д. Она вынуждена сменить некогда прогрессивную установку междисциплинарного исследования (обмена знаний между психологией и антропологией) на установку психологии как антропологии. Последнее означает именно текучесть познания — движение, расширение, прорастание психологического исследования в антропологическое, историческое, культуральное, литературоведческое и т. д. — в зависимости от исследуемой проблемы и необходимости осмысливания ее отражений в зеркалах смежных наук (Гусельцева, 2012).

Новая нормальность (так обозначены происходящие сейчас трансформации нормативности) охватывает и меняющие образы жизни людей, и познавательные практики. Общим местом сделались транснациональность науки и профессиональные миграции ученых, открытые коды, информационные потоки и обмены знания, меж- и трансдисциплинарность.

Трансдисциплинарный подход создает концептуальную рамку, где познавательные инструменты способны модернизироваться непосредственно в процессе исследования, а ученые — самообучаться. Таким образом, изменяющемуся человеку в изменяющемся мире отвечает сегодня как текучая методология, так и сам исследователь, владеющий разными ракурсами анализа, меняющий фокусировки взгляда на исследуемую реальность в процессе ее изучения. Яркой иллюстрацией такого рода может послужить знакомство с творческой биографией К. Карико (Karikó, 2023). В своей научной деятельности она придерживалась жесткого принципа: если человек — ученый, то он обязан знать, что делают его коллеги в смежных областях знания и в целом представлять передовые рубежи современной науки как таковой.

Заключение

Хотя внимание представителей социальных наук направлено на то, как меняется мир и идентичность человека в современном мире, не менее важную роль играют вопросы: как меняется методология? насколько релевантны исследовательские стратегии и практики? как ученому выстроить свою работу и профессиональную идентичность, чтобы адекватно понимать происходящие с человеком и миром трансформации? а в каких аспектах ученый, напротив, должен оставаться аутентичным и верным самому себе?

Следствием анализа особенностей современности, описанных как сверхсложность, сверхразнообразие, ускорение изменений, перегрев, идеальный штурм и т. п., стало понимание учеными ограниченной объяснительной силы имеющихся в распоряжении теорий, описывающих сегодня человека и мир, а также интенсивные разработки новой терминологии и концептуального аппарата; поиски методологической оптики, чувствительной к текучим трансформациям современности. Между тем ученому, как и всячому человеку, нелегко изменить уже сложившиеся

когнитивные привычки и способы видения, если только это не происходит в контексте решения новых задач. Потому реальной практикой текущей методологии и самообучающего познания становится трансдисциплинарное исследование — трансдисциплинарность в действии.

Литература

- Асмолов А. (ред.). *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен*. М.: Языки славянской культуры, 2018.
- Бажанов В., Шолыц Р.В. (ред.). *Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы*. М.: Навигатор, 2015.
- Бахман-Медик Д. *Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре*. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- Бауман З. *Текущая современность*. СПб.: Питер, 2008.
- Бойм С. *Ребята, нас обманули! (Жизнь в рассказах)*. М.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2025.
- Гришина Н.В. Проблема концептуализации контекста в современной психологии // Соц. психол. и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 10–20.
- Гришина Н.В., Костромина С.Н. Процессуальный подход: устойчивость и изменчивость как основание целостности личности // Психол. журн. 2021. Т. 42. № 3. С. 39–51.
- Гусельцева М. С. Антропологическая оптика в психологии и гуманитаристике // Вопросы психологии. 2012. № 5. С. 3–18.
- Гусельцева М. С. Метамодернизм в психологии: новые методологические стратегии и изменения субъективности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2018. Т. 8 (4). С. 327–340.
- Гусельцева М. С. Обзор книги Katalin Karikó «Breaking Through: My Life in Science» // Новые психологические исследования. 2025. № 2. С. 261–286. https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2025_05_02_12
- Гусельцева М. С. Принцип развития в современной психологии: вызовы полипарадигмальности и трансдисциплинарности // Разработка и реализация принципа развития в современной психологии / под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Ин-т психологии РАН, 2016. С. 31–51.
- Гусельцева М. С. Психология и новые методологии: эпистемология сложного // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. С. 11. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/530/276> (дата обращения: 17.02.2025).
- Леонтьев Д. А. Личность в непредсказуемом мире // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. Вып. 3. С. 120–140.
- Марцинковская Т.Д. Современная психология — вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 42. С. 1. <https://doi.org/10.54359/ps.v8i42.533>
- Морен Э. О сложности. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2019.
- Морен Э. Метод. Природа природы. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
- Павлов А. Образы современности в XXI веке: метамодернизм // Логос: философско-литературный журнал. 2018. Т. 28. № 6. С. 1–19.
- Akker van den R., Gibbons A., Vermeulen T. (eds). *Metamodernism: Historicity, affect, and depth after post-modernism*. London: Rowman & Littlefield International, 2017.
- Barnett R. *Realizing the university in an age of supercomplexity*. Philadelphia: Society for Research into Higher Education & Open University Press, 2000.
- Dempsey B. G. *Metamodernism: Or, The cultural logic of cultural logics*. Baxter: ARC Press. 2023.
- Dotlich D. L., Cairo P. C., Rhinesmith S. H. *Leading in times of crisis: Navigating through complexity, diversity, and uncertainty to save your business*. San Francisco: Wiley, 2009.
- Eriksen T. H. *Creolization in anthropological theory and in Mauritius* // Walnut S. Ch. (ed.). *Creolization: History, ethnography, theory*. Creek: Left Coast Press, 2007. P. 154–177.
- Eriksen T. H. *Engaging anthropology: The case for a public presence*. Oxford: Berg Publishers, 2006.
- Eriksen T. H. *Overheating. An anthropology of accelerated change*. London: Pluto Press, 2016.
- Eriksen T. H. *The anthropology of transnational flows: Methodological issues*. London: Pluto Press, 2003.

- Eriksen T.H.* Transformations, complexity, and rapid change // S. Vertovec, N. Sigona, F. Meissner (eds). The Oxford handbook of superdiversity. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 403–415.
- Eriksen T.H., Schober E.* Identity destabilized: Living in an overheated world. London: Pluto Press, 2016.
- Eriksen T.H., Visentin M.* Acceleration and cultural change: Dialogues from an overheated world. Berlin: Springer, 2024.
- Frodean R., Klein J. T., Mitcham C. (eds).* The Oxford handbook of interdisciplinarity. Oxford: Oxford University Press, 2017.
- Hannerz U.* Flows, boundaries and hybrids: Keywords in transnational anthropology // Mana (Rio de Janeiro). 1997. Vol. 3 (1). P. 7–39.
- Hirsch Hadorn G., Hoffmann-Riem H., Biber-Klemm S., Grossenbacher-Mansuy W., Joye D., Pole Ch., Wiesmann U., Zemp E. (eds).* Handbook of transdisciplinary research. Berlin: Springer, 2008.
- Karikó K.* Breaking through: My life in science. New York: Crown, 2023.
- Lange van P.A. M. (ed.).* Bridging social psychology: Benefits of transdisciplinary approaches. Mahwah: Erlbaum, 2006.
- Vermeulen T., Akker van den R.* Notes on metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. 2010. Vol. 2. URL: <http://www.aestheticsandculture.net/index.php/jac/article/view/5677> (дата обращения: 06.08.2025).
- Vertovec S.* Super-diversity and its implications // Ethnic and Racial Studies. 2007. Vol. 30 (6). P. 1024–1053.
- Vertovec S. (ed.).* Routledge international handbook of diversity studies. New York: Routledge, 2014.
- Vertovec S., Sigona N., Meissner F. (eds).* The Oxford handbook of superdiversity. Oxford: Oxford University Press, 2022.

Статья поступила в редакцию 24 февраля 2025 г.;
рекомендована к печати 12 мая 2025 г.

Контактная информация:

Гусельцева Марина Сергеевна — д-р психол. наук; <https://orcid.org/0000-0002-0545-0612>,
mguseltseva@mail.ru

Ongoing transformations: Human, world, methodology

M. S. Guseltseva

Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research (Psychological Institute),
9, ul. Mokhovaya, Moscow, 125009, Russian Federation

For citation: Guseltseva M. S. Ongoing transformations: Human, world, methodology. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2025, vol. 15, issue 3, pp. 352–370. EDN ITVKUQ (In Russian)

The article discusses the key transformations of the present era, the changes occurring in humanity and the world, as well as the challenges associated with research strategies for studying these processes. Among the primary factors driving these transformations, scholars highlight globalization and digitalization, along with the phenomenon of blending various trends, known under different names: hybridization, creolization, and mixing. Change, complexity, diversification, and turbulence have become the focus of attention and reflection in the social sciences. However, at the turn of the 20th and 21st centuries, the issue of an inadequate methodological and terminological framework for describing contemporary transformations emerged. Both humanity and the world have developed characteristics that are either invisible or not fully reflected in models built on previous conceptions of reality. The understanding of the present in terms of becoming, processuality, and ongoing changes in humanity and the world is reflected in several overarching scientific concepts, such as the metamodernism paradigm, the concept of liquid modernity, the theory of supercomplexity, the notion of superdiversity, the “overheated world” framework, and the “perfect storm” model. The authors

of these concepts agree that studying change requires new methodological strategies and a more refined analytical toolkit. These new methodological approaches are ultimately aimed at developing inter- and transdisciplinarity. Through an analysis of the aforementioned concepts, the article substantiates ideas regarding the relevance of methodological strategies in studying contemporary transformations. It argues that achieving methodological relevance should be centered around two interdependent movements: (1) from liquid modernity to liquid methodology and (2) from a changing world to a changing researcher. Transdisciplinarity in action is presented as a mechanism of conscious self-learning by the researcher directly in the process of investigation.

Keywords: methodology, human and the world, transformation, supercomplexity, superdiversity, identity, transdisciplinarity in action.

References

- Akker, van den R., Gibbons A., Vermeulen T. (eds). (2017). *Metamodernism: Historicity, affect, and depth after postmodernism*. London, Rowman & Littlefield International.
- Asmolov, A. (ed.) (2018). *Mobilis in mobili: personality in an era of change*. Moscow, YaSK Publ. (In Russian)
- Barnett, R. (2000). Realizing the university in an age of supercomplexity. Philadelphia, Society for Research into Higher Education & Open University Press.
- Bachmann-Medic, D. (2017). *Cultural turns. New landmarks in cultural sciences*. Moscow, New Literary Review Publ. (In Russian)
- Bauman, Z. (2008). *Liquid modernity*. St. Petersburg, Piter Publ. (In Russian)
- Bazhanov, V., Shol'ts, R. V. (eds). (2015). *Transdisciplinarity in philosophy and science: Approaches, problems, prospects*. Moscow, Navigator Publ. (In Russian)
- Boym, S. (2025). *Guys, we've been deceived! (Life in stories)*. Moscow, Academic Studies Press / Bibliorossika Publ. (In Russian)
- Dempsey, B. G. (2023). *Metamodernism: Or, the cultural logic of cultural logics*. Baxter, ARC Press.
- Dotlich, D. L., Cairo, P. C., Rhinesmith, S. H. (2009). *Leading in times of crisis: Navigating through complexity, diversity, and uncertainty to save your business*. San Francisco, Wiley.
- Eriksen, T. H. (2007). Creolization in anthropological theory and in Mauritius. In: Stewart, Ch. (ed.). *Creolization: History, ethnography, theory* (pp. 154–177). Walnut Creek: Left Coast Press.
- Eriksen, T. H. (2016). *Overheating. An Anthropology of accelerated change*. London, Pluto Press.
- Eriksen, T. H. (2006). *Engaging anthropology: The case for a public presence*. Oxford, Berg Publishers.
- Eriksen, T. H. (2003). *The anthropology of transnational flows: Methodological issues*. London, Pluto Press.
- Eriksen, T. H., Visentin, M. (2024). Acceleration and cultural change: Dialogues from an overheated world. Berlin, Springer.
- Frodeman, R., Klein, J. T., Mitcham, C. (eds). (2017). *The Oxford handbook of interdisciplinarity*. Oxford, Oxford University Press.
- Hannerz, U. (1997). Flows, boundaries and hybrids: Keywords in transnational anthropology. *Mana (Rio de Janeiro)*, 3 (1), 7–39.
- Hirsch Hadorn G., Hoffmann-Riem H., Biber-Klemm S., Grossenbacher-Mansuy W., Joye D., Pole Ch., Wiesmann U., Zemp E. (eds.). (2008). *Handbook of transdisciplinary research*. Berlin, Springer.
- Grishina, N. V., Kostromina, S. N. (2017). Personality psychology: Rethinking traditional approaches in context challenges of modern reality. *Psichologicheskie issledovaniia*, 10 (52), 1. <https://doi.org/10.54359/ps.v10i52.385> (In Russian)
- Guseltseva, M. S. (2012). Anthropological optics in psychology and humanitarian science. *Voprosy psichologii*, 5, 3–18. (In Russian)
- Guseltseva, M. S. (2018). Metamodernism in psychology: New methodological strategies and changes of subjectivity. *Vestnik of St. Petersburg University. Psychology*, 8, 4, 327–340 (In Russian)
- Guseltseva, M. S. (2025). Review on the book “Breaking through: My life in science” by Katalin Kárikó. *New Psychological Research*, 2: 261–286. https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2025_05_02_12 (In Russian)
- Guseltseva, M. S. (2016). The principle of development in modern psychology: Challenges of polyparadigmality and transdisciplinarity. In: Zhuravlev, A. L., Sergienko E. A. (eds). *Development and im-*

- plementation of the principle of development in modern psychology (pp. 31–51). Moscow, Institute of Psychology RAS Press. (In Russian)
- Karikó, K. (2023). *Breaking through: My life in science*. New York, Crown.
- Lange, van P. A. M. (ed.) (2006). *Bridging social psychology: Benefits of transdisciplinary approaches*. Mahwah, Erlbaum.
- Leont'ev, D. A. (2010). Personality in an unpredictable world. *Metodologiya i istoriya psichologii*, 5 (3), 120–140. (In Russian)
- Martsinkovskaya, T. D. (2015). Modern psychology — challenges of transitivity. *Psichologicheskie issledovaniya*, 8 (42), 1. <https://doi.org/10.54359/ps.v8i42.533> (In Russian)
- Vermeulen T., Akker van den R. (2010). Notes on metamodernism. *Journal of Aesthetics & Culture*, 2, Available at: <http://www.aestheticsandculture.net/index.php/jac/article/view/5677> (accessed: 06.08.2025).
- Vertovec, S. (2007). Super-diversity and its implications. *Ethnic and Racial Studies*, 30 (6), 1024–1053.
- Vertovec, S. (ed.) (2014). *Routledge international handbook of diversity studies*. New York, Routledge.
- Vertovec, S., Sigona, N., Meissner, F. (eds). (2022). *The Oxford handbook of superdiversity*. Oxford, Oxford University Press.

Received: February 24, 2025

Accepted: May 12, 2025

Author's information:

Marina S. Guseltseva — Dr. Sci. in Psychology; <https://orcid.org/0000-0002-0545-0612>,
mguseltseva@mail.ru

Теории раннего вмешательства: перспектива интегративной модели

Р. Ж. Мухамедрахимов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Мухамедрахимов Р.Ж. Теории раннего вмешательства: перспектива интегративной модели // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 3. С. 371–385. EDN CXINOU

Научные исследования в области раннего вмешательства привели в течение последних десятилетий к созданию и распространению в различных странах мира междисциплинарных программ, ориентированных на развитие ребенка и поддержку семьи, и программ, направленных на сопровождение становления психического здоровья детей, их социального и эмоционального благополучия. Определение ранней помощи детям и их семьям, закрепленное в Федеральном законе РФ, объединяет положения, характерные для этих направлений раннего сопровождения детей и их семей, что соответствует наблюдаемой в научной литературе тенденции их обсуждения в едином научном поле. Настоящая работа посвящена анализу исследований, представляющих разные теоретические положения и модели раннего вмешательства, их обсуждению с учетом дополнительных научных данных и созданию объединенной теоретической модели раннего вмешательства. Результаты работы свидетельствуют, что при разных теоретических подходах в области раннего вмешательства существует общее понимание множественности контекстов, влияющих на развитие и психическое благополучие ребенка, важности внимания к семье как ведущему контексту развития, к контексту отношений ребенка. Представленная в работе на основании результатов анализа разных подходов интегративная теоретическая модель сочетает положения, характерные как для междисциплинарного раннего вмешательства, ориентированного на снижение влияния на семью и ребенка потенциальных стрессоров контекстов развития, так и раннего вмешательства в области психического здоровья, направленного на повышение качества взаимодействия и отношений в системе «родитель — ребенок».

Ключевые слова: дети, младенческий и ранний возраст, семья, раннее вмешательство, ранняя помощь, теории, интегративная модель.

Научные исследования, проведенные международным профессиональным сообществом в различных областях изучения детей младенческого и раннего возраста, привели в течение последних десятилетий к развитию в мире раннего вмешательства (early intervention), представленного двумя поколениями междисциплинарных программ, ориентированных на развитие ребенка и поддержку семьи (Guralnick, 1997; Dunst, 2002; Meisels, Shonkoff, 2000), а также раннего вмешательства, направленного на сопровождение становления психического здоровья, социального и эмоционального благополучия детей, см., например: (Zeanah, 2009; Steele, Steele, 2018). Междисциплинарные программы первого поколения, берущие свое

начало в специальном образовании, исходили из представлений о последовательности этапов детского развития и использовали в основном модель предоставления услуг, направленных на ребенка (Guralnick, 1997; Hickman et al., 2011). Программы второго поколения стали развиваться со времени получения информации о роли контекста, прежде всего семьи, в развитии ребенка и, в отличие от программ первого поколения, направлены на предоставление индивидуально ориентированных услуг, учитывающих как сильные стороны ребенка, так и потребности семьи, с целями, созданными в результате совместного принятия решений членами семьи и специалистами как равноправными партнерами (Dunst, 2002). Раннее вмешательство, направленное на поддержание психического благополучия детей, в целом ориентировано на содействие проявлению отвечающего потребностям ребенка родительского поведения, повышению качества их взаимодействия и отношений. Теоретическими основами этого подхода являются концепция развития ребенка в системе взаимодействия с матерью (заменяющим ее близким взрослым) (Stern, 1985), теория привязанности (Bowlby 1969; Ainsworth et al., 1978) и представления о психическом здоровье детей младенческого и раннего возраста (Zeanah, Zeanah, 2019).

Определение ранней помощи детям и их семьям (российский аналог раннего вмешательства), закрепленное в Федеральном законе, сочетает положения, характерные как для междисциплинарного раннего вмешательства, так и ориентированного на поддержание психического здоровья детей (№ 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» с изменениями от 25.12.2023, ст. 9³). Первое содержит утверждение о направленности ранней помощи на содействие физическому и психическому развитию детей, их вовлеченности в естественные жизненные ситуации, включение в среду сверстников и общество, повышение компетентности родителей, формирование среды жизнедеятельности; второе представляет содействие формированию позитивного взаимодействия и отношений детей и родителей, детей и других непосредственно ухаживающих за ребенком лиц, в семье в целом. Выделенные положения дополняют друг друга и объединяют различные стороны раннего вмешательства в единую систему направлений представления услуг детям и их семьям. Эта линия объединения направлений раннего вмешательства соответствует наблюдаемой в научной литературе тенденции их обсуждения в едином научном поле (Odom, Wolery, 2003; McCormick, 2021), выделения общих областей (Early Childhood Technical Assistance Center, 2022). Такое объединение предполагает проведение исследования, ориентированного на поиск общей, интегративной теоретической модели раннего вмешательства.

Анализ научной литературы свидетельствует, что к настоящему времени системные, наиболее распространенные и разделяемые международным профессиональным сообществом теоретические положения и модели раннего вмешательства представлены в концепции раннего вмешательства и специального образования (Odom, Wolery, 2003), модели систем развития (Guralnick, 1997; Guralnick, 2001; Guralnick, 2020), концепции раннего вмешательства на основе представлений о взаимодействии в системе «ребенок — близкий взрослый» (Stern, 1995; Stern-Bruschweiler, Stern, 1989), теории привязанности (Steele, Steele, 2018; Dozier, Bernard, 2019; Juffer et al., 2023; Van IJzendoorn et al., 2023), а также в принципах раннего вмешательства исходя из данных психологии развития и психоаналитических пред-

ствлений (Emde, Robinson, 2000). При этом в известной нам литературе наблюдается недостаток работ, посвященных анализу этих теоретических исследований и созданию на основе результатов анализа модели, по возможности объединяющей междисциплинарное направление, нацеленное на содействие развитию ребенка и поддержку семьи, и направление, ориентированное на поддержание психического здоровья детей. Цель настоящего исследования заключалась в анализе теоретических работ, представляющих различные направления раннего вмешательства, и разработке интегративной теоретической модели. Задачи включали последовательное изложение, анализ и обсуждение выделенных выше работ с учетом дополнительных научных данных, в том числе полученных в последние годы, и представление теоретической модели, объединяющей различные направления раннего вмешательства.

Результаты

Единая концепция методов раннего вмешательства / раннего специального образования (РВ/РСО). На основании анализа литературы С. Одом (S. Odom) и М. Волери (M. Wolery) пришли к заключению, что в РВ и РСО сформировалось единое поле научно обоснованных программ и методов, в основе которых лежат несколько представленных ниже базовых положений (Odom, Wolery, 2003).

Семья и домашние условия являются первичным контекстом развития ребенка, и роль профессионалов заключается в поддержке семьи, предоставлении ресурсов и индивидуальной и гибкой помощи с опорой на сильные стороны и компетенции семьи.

Маленькие дети развиваются и учатся, воздействуя на окружающую среду и наблюдая за ней, в связи с чем необходимо поощрение инициатив, интересов, вовлеченности ребенка, создание отвечающего его потребностям физического и социального окружения, осуществление вмешательства в естественных для ребенка условиях.

Взрослые являются посредниками в процессе приобретения детьми опыта, соответственно, большинство методов вмешательства следует использовать во время игр, повседневных активностей, в соответствующих контекстах развития.

Детям необходимо участие в более продвинутом инклюзивном окружении, которое положительно влияет на их развитие за счет когнитивно, лингвистически и социально стимулирующей среды; для успешного участия рекомендуется представлять поддержку со стороны взрослых.

Укрепление позитивных отношений между родителями, ребенком, его сверстниками и специалистами является частью РВ/РСО.

Переход ребенка из одной программы в другую при поддержке персонала программ, с одним или несколькими людьми, с которыми они были в предыдущей программе, с планированием, подготовкой детей к переходу и оказания им профессиональной поддержки.

Семьи и программы находятся под влиянием более широкого контекста, что предполагает необходимость учета культурального аспекта и языкового разнообразия детей, семей и сообществ, разработки соответствующих индивидуальных планов ранней помощи, программ и методов.

PB/PCO индивидуально и динамично ориентировано на достижение целей, установленных родителями и специалистами, с учетом особенностей детей, результатов оценки их развития и академических навыков, вклада родителей в достижение целей, мониторинга и корректировки целей, индивидуального подхода при взаимодействии с семьей с точки зрения ее структуры, функционирования, ресурсов, истории и опыта.

Модель систем развития. Теоретическая модель, предложенная М. Гуральником (M. Guralnick), построена на трех основных принципах, связанных с необходимостью учета семейной системы, в которой развивается ребенок, интеграции усилий (ведомств, организаций, профессионалов и родителей) и создания инклюзивного сообщества (Guralnick, 1997; Guralnick, 2001; Guralnick, 2020). Семейная система включает качество транзакций родителя и ребенка, организацию опыта ребенка, создание условий его безопасности и здоровья. Согласно модели, семейные паттерны взаимодействия и, соответственно, развитие ребенка связаны с воздействием потенциальных стрессоров. Для широкого круга детей это могут быть факторы, связанные с неоптимальными характеристиками семьи: специфические особенности родителей, ограниченные финансовые ресурсы, недостаток социальной поддержки, индивидуальные характеристики ребенка (например, темперамент). Для семей детей биологического риска или с установленным нарушением это стресс, связанный с недостатком информации, ресурсов, с угрозой потери уверенности в выполнении родительской роли, межличностный стресс. При этом сочетанное воздействие стрессоров ведет к увеличению нарушений развития ребенка (Sameroff et al., 1987). В соответствии с моделью, направленные на эти стрессоры программы раннего вмешательства будут способствовать оптимальным уровням семейных паттернов взаимодействия и, следовательно, развитию ребенка (Guralnick, 2001). Эффективными окажутся программы, которые, работая в партнерстве с семьями, способны организовать набор ресурсных и социальных поддержек, а также информацию и услуги, обращенные к стрессорам, с которыми столкнулась семья.

Два других основных принципа модели — интеграция и инклюзивность — направлены на обеспечение координации на всех уровнях системы и поощрение участия детей и семей во всех аспектах общественной жизни. К дополнительным заложенным в модель принципам относятся важность раннего выявления особенностей развития, тщательной оценки развития, мониторинга, построения системы вмешательства в соответствии с индивидуальными особенностями ребенка и семьи, учета культуральных различий и их последствий для развития ребенка, наличия доказательной основы рекомендаций и прикладной работы, и использования системного подхода.

С учетом влияющих на развитие ребенка контекстов и задачи минимизации стрессоров модель М. Гуральника предполагает определенную последовательность этапов раннего вмешательства, среди которых скрининг нарушений развития, направление в программу, комплексное междисциплинарное обследование ребенка и семьи, принятие решения о включении в программу, оценка стрессоров, разработка и реализация всеобъемлющей программы вмешательства, мониторинг и оценка результатов вмешательства, планирование перевода ребенка и семьи в следующую программу. Предлагаемые автором общие рекомендации к реализации раннего вмешательства включают гибкость, открытость новой информации

и соответствующим изменениям (например, в связи с данными об эффективности конкретных методов вмешательства для четко определенных подгрупп детей, об определенных стратегиях для достижения долгосрочных результатов, о большем внимании к вопросам социальной компетентности детей, их социально-эмоциональному развитию).

Модель динамического взаимодействия поведения и репрезентаций матери и ребенка. В модели, предложенной Д. Стерном (D. Stern) и Н. Стерн-Брушвейлер (N. Stern-Bruschweiler), отношения матери (основного ухаживающего взрослого) и ребенка младенческого и раннего возраста рассматриваются в терминах динамического взаимодействия четырех базовых элементов модели: объективно наблюдаемое поведение ребенка (**P_р**) и матери (**M_р**), составляющие две взаимовлияющие стороны одного взаимодействия (**P_р ↔ M_р**); репрезентация взаимодействия матери (**M_р**) и ребенка (**P_р**) (Stern, 1995; Stern-Bruschweiler, Stern, 1989). Репрезентация взаимодействия (субъективный опыт) матери включает ее представления о ребенке, себе, муже, своей матери, отце, семье, о замещающих ее взрослых (бабушке, тете, сестре), а также представления, основанные на событиях в ее истории, и культуральные представления. Репрезентация взаимодействия ребенка — это генерализованное обобщение сохраняемого в памяти субъективного опыта взаимодействия (как он воспринимает, помнит о действиях и чувствах, интерпретирует взаимодействие). Согласно модели, все четыре элемента всегда присутствуют и активны, взаимозависимы и составляют базовую систему динамического взаимодействия поведения и репрезентаций матери и ребенка (**P_р ↔ M_р ↔ M_р ↔ P_р**) так, что изменение одного из элементов приводит к изменению каждого другого элемента.

В случае рассмотрения триады ребенок — мать — отец к этим элементам добавляются наблюдаемое поведение (**O_р**) и репрезентации (**O_р**) отца, и модель включает базовые элементы модели семейной системы. Финальными элементами модели являются поведение (**T_р**) и репрезентации (**T_р**) терапевта (специалиста в области вмешательства с его субъективным личным и профессиональным опытом, образованием, специализацией, теоретической направленностью) (рис. 1).

Направления вмешательства, построенные на различных теоретических подходах (психоаналитический, поведенческий, системный семейный и др.), могут рассматриваться с точки зрения различий элементов базовой модели по источникам получения информации, локусам направленности вмешательства и его модальности (интерпретация, прояснение, моделирование, подкрепление, образование,

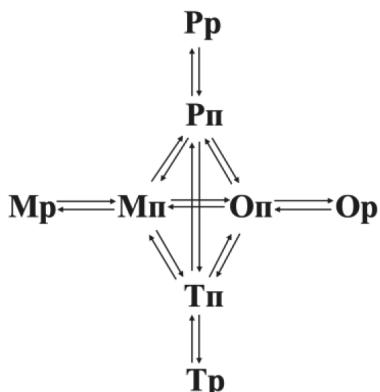

Рис. 1. Схематическое представление системы динамического взаимодействия наблюдаемого поведения и репрезентаций ребенка, матери и отца с включением в систему поведения и репрезентаций терапевта

Составлено по: Stern, 1995; Stern-Bruschweiler, Stern, 1989.
Примечания: Р — ребенок, М — мать, О — отец, Т — терапевт (специалист раннего вмешательства); **р** — наблюдаемое поведение, **р** — репрезентации; стрелками обозначены взаимодействия между элементами системы.

поддержка, совет, перенос). Использование тех или иных локусов вмешательства может привести к общим клиническим результатам, поскольку терапевтическое действие распространяется по всей системе вне зависимости от того, как, почему и где было проведено первоначальное изменение (Stern, 1995; Stern-Bruschweiler, Stern, 1989).

Модель раннего вмешательства, направленного на содействие формированию привязанности. В научной литературе подробно описаны более 20 программ вмешательства, основанных на положениях теории привязанности, с научными исследованиями результатов (Steele, Steele, 2018). Ниже в сжатом виде представлены две из них: «ABC» (Dozier, Bernard, 2019) и с применением видео обратной связи (Juffer et al., 2023), относящиеся к кратковременным программам вмешательства. В соответствии с положением теории привязанности о необходимости чувствительности родителя для формирования безопасной привязанности и благополучного развития ребенка (Ainsworth et al., 1978), для повышения качества привязанности ребенка эти программы нацелены прежде всего на поддержку чувствительности родителя. Результативность этих программ для различных групп детей и родителей поддержана данными всесторонних научных исследований (Dozier, Bernard, 2019; Van IJzendoorn et al., 2023).

Программа «ABC». Основными целями программы являются формирование чувствительности матери к сигналам ребенка, повышение качества привязанности, а также уровня психического развития ребенка. Основным инструментом вмешательства являются осуществляемые в формате домашних визитов своевременные позитивные комментарии со стороны специалиста («помощника»), описывающие поведение матери в ответ на сигналы ребенка. Комментарии направлены на повышение чувствительности матери, синхронности ее взаимодействия с ребенком, усиление проявляемого с удовольствием и радостью следование за инициативами и поведением ребенка, на уменьшение проявления навязчивого и пугающего ребенка поведения и, тем самым, усиление и поддержку способствующего повышению качества привязанности ребенка родительского поведения (Dozier, Bernard, 2019).

Программа вмешательства с использованием видео обратной связи нацелена, с одной стороны, на поддержку чувствительности, с другой — на проявление деликатного дисциплинирования со стороны родителя (VIPP-SD) (Juffer et al., 2023). Представленная авторами круговая модель, демонстрирующая влияние на расположенное в центре круга чувствительное родительствование со стороны ее сегментов (приемов вмешательства, используемых специалистом, и соответствующих этим вмешательствам изменений в поведении и представлении родителей) включает следующие элементы:

- использование паузы или повтора видеофрагментов взаимодействия (позволяет родителю распознать сигналы ребенка, которые обычно остаются незамеченными);
- применение «говорения родителем от имени ребенка» (стимулирует родителя увидеть взаимодействие со стороны ребенка);
- выделение цепочек чувствительного взаимодействия (сигнал со стороны ребенка, ответ со стороны родителя, реакция ребенка на этот ответ — дает родителям возможность увидеть обратную связь со стороны ребенка);

- фокусирование на усилиях ребенка по установлению контакта, выполнению сложных заданий или требований (может стимулировать родительскую эмпатию, понимание желаний ребенка, его потребностей в привязанности);
- просмотр видеофрагментов с проявлением нечувствительного или неадекватного родительского поведения с обсуждением альтернативных вариантов с использованием ненасильственных реакций на трудное поведение ребенка (может помочь родителям переосмыслить убеждения, осознать свою роль во взаимодействии с ребенком, заложить основу для повышения способности размышлять о себе и других и стимулировать рефлексивное родительское функционирование);
- демонстрация и повторение эпизодов позитивного взаимодействия (представляет признание компетентности родителей, их знания собственного ребенка) (Van IJzendoorn et al., 2023).

Руководящие принципы раннего вмешательства с позиций психологии развития и психоанализа. Р.Эмде (R. Emde) и Й. Робинсон (J. Robinson) на основе современных системных позиций в области психологии развития и психоанализа сформулировали выделенные ниже руководящие принципы раннего вмешательства, сосредоточившись в них на представлениях специалистов о развивающемся ребенке, его взаимодействиях, процессе вмешательства (Emde, Robinson, 2000).

Внимание к индивидуальности ребенка, возрастающей по мере развития в биологическом и социокультурном контексте, что предполагает чувствительность специалиста к сложности индивидуальности ребенка, уникальности его путей развития, создания смыслов из обстоятельств общения со значимыми людьми, к становлению сильных сторон индивидуальности ребенка, его опыта, в том числе в связи с культуральными особенностями окружения.

Внимание к врожденным способностям ребенка: к активности, познанию окружения, саморегуляции; инициированию, поддержанию и прекращению социальных взаимодействий; эмоциональному контролю. Внимание к его ранним моральным способностям в виде усвоения правил, стремления правильно воспринимать окружающий мир, склонности к сопереживанию и ожиданию взаимности.

Внимание к значению эмоций, что предполагает эмоциональную доступность взрослого — открытость и принятие чувств и потребностей ребенка, обеспечивающее базу для регулирования эмоционально-коммуникативной системы ребенка и способствующее повышению уверенности родителей в своей компетентности. Для многих родителей сопереживающее участие является естественным следствием того, что они сами общались с доступными родителями. Отсутствие такого опыта может создавать риски на всем периоде развития ребенка, и эмоциональная доступность специалиста становится важнейшей моделью для нуждающегося в этом родителя.

Внимание к значению роли заботливых отношений. Признание того, что все виды вмешательства предполагают влияние одних отношений на другие, позволяет выделить как поддерживающие, так и конфликтные, требующие внимания отношения; определить приоритетные направления работы (не отдельно на матери или ребенке, а на отношениях между ними и на отношении специалиста к их отношениям), эффективные цели вмешательства. При этом отношения с матерью являются для ребенка первыми, формирующими, и в раннем возрасте адаптивные

функции ребенка встроены в контекст таких отношений и не могут рассматриваться независимо от них.

Диагностика как непрерывный, а не фиксированный процесс, что связано с быстрыми изменениями развития в младенческом и раннем возрасте, влиянием множества факторов на психическое здоровье и развитие ребенка, что предполагает рассмотрение расстройств психического здоровья и развития детей не как категорий, а в процессе адаптации, и не как присущих отдельным людям, а в контексте отношений.

Рассмотрение при оценке результатов раннего вмешательства долгосрочной перспективы развития, что связано со сложностью и неопределенностью контекстуальных переменных, которые могут влиять на промежуточные результаты, с действием нелинейных связей между причинами и результатами, и существенным отличием путей развития у детей в зависимости от биологических особенностей и экологического стресса. В связи с этим принципом предлагается избегать преждевременного завершения вмешательства, и для охвата всего процесса развития и на основании данных о преемственности раннего опыта и результатов вмешательства ориентироваться в работе с родителями и ребенком на будущее, рассматривать долгосрочную перспективу вплоть до периода его родительства по отношению к своему ребенку.

Изменение ориентации на профилактические вмешательства с учетом предотвращения возникновения рисков развития и проблем адаптации и укрепления индивидуальных путей развития ребенка.

Создание условий, при которых ребенок может приобрести опыт использования альтернатив в решении повседневных жизненных сложностей, поскольку способность предвидеть альтернативные возможности признана отличительным признаком адаптации, тогда как ригидность и отсутствие воображения являются ключевым элементом патологии, когда индивид проявляет неспособность адаптироваться к новым ситуациям. В связи с этим специалисту в области раннего вмешательства необходимо быть способным поощрять или вовлекать ребенка и родителя в творческую активность.

Обсуждение

В настоящей работе представлены широко известные теоретические положения и модели раннего вмешательства. Несмотря на различия методологических подходов, авторов этих моделей объединяет общее понимание множественности контекстов, влияющих на развитие ребенка, важности внимания к семье как ведущему контексту развития, к контексту отношений ребенка. Наряду с базовыми положениями (Odom, Wolery, 2003) и руководящими принципами (Emde, Robinson, 2000), которые необходимо учитывать в профессиональной работе в области раннего вмешательства, разработаны модели, позволяющие анализировать ситуацию развития ребенка, выделять направления вмешательства и оценивать его результаты в контексте системы «родитель — ребенок» (Stern, 1995; Stern-Bruschweiler, Stern, 1989; Dozier, Bernard, 2019; Juffer et al., 2023; Van IJzendoorn et al., 2023) и в более широком контексте (Guralnick, 1997; Guralnick, 2001; Guralnick, 2020).

Модель, предложенная Д. Стерном и Н. Стерн-Брушвейлер, включает такие базовые элементы, как наблюдаемое поведение и репрезентации участников взаимодействия (Stern, 1995; Stern-Bruschweiler, Stern, 1989). При этом результаты многих исследований свидетельствуют о значительном изменении взаимодействия матери и ребенка, формирования привязанности и социально-эмоционального развития ребенка при негативном изменении эмоционального состояния матери, см., например: (Goodman, Brand, 2009; Campbell et al., 2004; Lahtela et al., 2024) и связанном с ним изменении эмоционального состояния ребенка (Tronick, 1989; Luby, 2009; Valdes et al., 2025). Кроме того, данные исследований показывают значительное негативное изменение эмоционального состояния, социально-эмоционального поведения и привязанности у детей в условиях материнской депривации и проживании в институциональном окружении (Spitz, Wolf, 1946; Luby, 2009; Zeanah, Gleason, 2014; Мухамедрахимов и др., 2020). С нашей точки зрения, результаты этих работ свидетельствуют о необходимости добавления в систему взаимодействия еще одного базового элемента — состояния участников взаимодействия. Схематическое изображение динамического взаимодействия в семейной системе после добавления состояния участников взаимодействия (**Mc, Pc, Os**) представлено на рис. 2. При включении в систему терапевта (специалиста раннего вмешательства) добавляется элемент, отражающий его состояние (**Tc**). Соответственно, ранее выделенные локусы направленности вмешательства дополняются локусом направленности на состояние, как отдельно, так и в сочетании с другими локусами. Модальности вмешательства могут быть расширены добавлением модальностей, связанных с выделенной Р. Эмде и Й. Робинсон эмоциональной доступностью, вниманием к эмоциям как одному из принципов раннего вмешательства (Emde, Robinson, 2000).

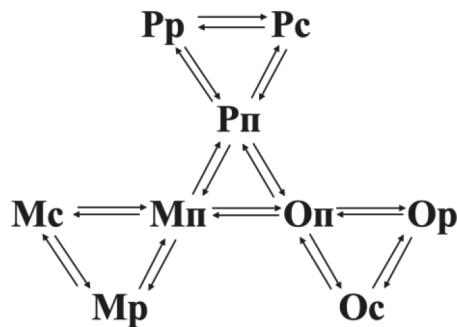

Рис. 2. Схематическое представление семейной системы динамического взаимодействия наблюдаемого поведения, репрезентаций и состояния ребенка, матери и отца

Примечание: с — состояние.

Теоретическая модель, предложенная М. Гуральником, включает блок семейных паттернов взаимодействия, от которых зависит развитие ребенка, и группу влияющих на семью потенциальных стрессоров так, что направленность программы раннего вмешательства на стрессоры будет способствовать оптимизации паттернов взаимодействия и, следовательно, развитию ребенка (Guralnick, 1997; Guralnick, 2001;

Guralnick, 2020). В модели представлены стрессоры, связанные с неоптимальными характеристиками семьи, а также возникающие при рождении ребенка биологического риска или с установленным нарушением, которые охватывают, с нашей точки зрения, стрессоры базовых контекстов развития, связанных с особенностями ребенка, семьи и ее социального окружения. В то же время данные научных исследований свидетельствуют о значительном негативном влиянии на состояние матерей совокупности стрессовых событий в период беременности (Valdes et al., 2025), а также стресса, связанного с масштабными и продолжительными угрозами, изменяющими условия жизни и среду обитания. Так, изучение привязанности свидетельствует о негативных изменениях распределения паттернов привязанности у детей в обстоятельствах социально-экономического риска, изменения общественных условий (Мухамедрахимов, Туманьян, 2022). Исследования в период пандемии COVID-19 выявили значительные негативные изменения эмоционального состояния беременных женщин (Аникина и др., 2021), повышение депрессии и горя и, по сообщению матерей, снижение связи с ребенком (Firestein et al., 2022). Результаты этих и других работ свидетельствуют о необходимости расширения группы стрессоров, потенциально влияющих на членов семьи, их взаимодействия и отношения, включения стрессоров, связанных с общественными условиями и факторами среды обитания.

Описанные М. Гуральником семейные паттерны взаимодействия включают качество транзакций родителя и ребенка, что в этой части его представлений соответствует динамической модели (Stern, 1995; Stern-Bruschweiler, Stern, 1989) и моделям вмешательства на основе теории привязанности (Dozier, Bernard, 2019; Van IJzendoorn et al., 2023), подчеркивают необходимость создания семьей условий безопасности и сохранения здоровья ребенка, организации его исследовательской активности и широкого социального опыта (Guralnick, 1997; Guralnick, 2001). С нашей точки зрения, при представлении влияющих на развитие ребенка младенческого и раннего возраста характеристик семьи важно для каждого члена семьи учесть всю группу взаимосвязанных элементов семейной системы, включающих поведение, состояние и репрезентации, в том числе репрезентации ребенка (согласно теории привязанности — рабочие модели привязанности) формирующиеся в процессе взаимодействия с матерью и отцом.

Интегративная многоуровневая модель раннего вмешательства. На основании анализа и обсуждения известных в литературе моделей раннего вмешательства, мы предлагаем интегративную теоретическую модель (рис. 3), которая включает динамическую семейную систему взаимодействия (Stern, 1995; Stern-Bruschweiler, Stern, 1989) с добавлением нового элемента — состояния участников взаимодействия, а также представления о потенциальном влиянии на семью стрессоров контекстов развития ребенка (Guralnick, 1997; Guralnick, 2001) с дополнением стрессоров, связанных с общественными условиями и факторами среды обитания. Согласно этой модели, развитие (Odom, Wolery, 2003; Guralnick, 1997; Guralnick, 2001; Guralnick, 2020; Emde, Robinson, 2000) и психическое здоровье ребенка (Emde, Robinson, 2000; Zeanah, Zeanah, 2019) определяется качеством взаимодействия в семейной системе, которая потенциально может находиться под влиянием стрессоров контекстов развития.

Программа раннего вмешательства должна быть направлена на организацию ресурсов и поддержек, снижение воздействия потенциальных стрессоров

(Guralnick, 1997; Guralnick, 2001; Guralnick, 2020) и тем самым содействовать семье в выполнении функций обеспечения безопасности и здоровья ребенка, поддержания заботливого окружения, эмоционального благополучия, опыта близких отношений, исследований, и, в целом, развития и психического здоровья ребенка как в контексте его индивидуальных особенностей, особенностей семьи, так и в контексте общества, культуры и окружающей среды. Снижение воздействия на семью и ребенка потенциальных стрессоров предполагает работу, осуществляющую на различных уровнях: на уровне межведомственного взаимодействия, на уровне междисциплинарной команды специалистов и на уровне отдельного специалиста. Охват всей совокупности стрессоров и повышающих ресурсы семьи и развитие ребенка протективных факторов является сложной задачей для отдельного специалиста, но может быть осуществлен (при должном решении межведомственных вопросов) командой специалистов в различных областях работы с ребенком и семьей (рис. 3). Наряду с общим пониманием широкого круга контекстов развития, члены междисциплинарной команды должны разделять общее представление о важности качества взаимодействия в семейной системе для развития и психического здоровья ребенка, учитывать изменение контекстов развития со временем (Bronfenbrenner, 1979; Sameroff et al., 1987), и включать в рассмотрение результатов вмешательства долгосрочные перспективы развития вплоть до периода создания семьи и родительства по отношению к своему ребенку (Emde, Robinson, 2000).

На уровне отдельного члена команды каждый, будучи специалистом в своей или нескольких областях и разделяя общие для команды представления о ранней помощи и ее результатах, в основном и в рамках своей специализации работает

Рис. 3. Схематическое представление интегративной многоуровневой теоретической модели раннего вмешательства

Примечание. Ось времени представляет изменение ребенка и контекстов его развития во времени.

с семьей и тем самым в процессе вмешательства присоединяется к системе динамического взаимодействия наблюдаемого поведения, состояния и репрезентаций ребенка, матери и отца. В зависимости от образования и приоритетного методологического и методического подхода члены команды могут отличаться по источникам получения информации в процессе работы с ребенком и родителями, модальности и локусу(ам) вмешательства (например, направленности на поведение, состояние, репрезентации ребенка, матери, отца; на сочетание локусов вмешательства). Важным для этой части предлагаемой нами интегративной теоретической модели раннего вмешательства является, во-первых, понимание членами команды того, что каждый из них работает с динамической семейной системой; во-вторых, осознание себя, своего поведения, состояния и представлений в процессе вмешательства как части общей системы динамического взаимодействия; в-третьих, осмысление каждым специалистом используемых источников информации, локуса(ов) и модальности вмешательства; в-четвертых, понимание того, что, согласно закономерностям работы системы, результаты вмешательства отражаются на всех ее элементах; и, в-пятых, понимание изменения семейной системы, себя и своего взаимодействия с ней во времени.

Выводы

Представленные в литературе теоретические положения и модели раннего вмешательства созданы на основе различных методологических подходов; при этом их объединяет общее понимание множественности контекстов, влияющих на развитие ребенка, важности внимания к семье как ведущему контексту развития, к контексту отношений ребенка.

Научные данные свидетельствуют о необходимости добавления в систему динамического взаимодействия поведения и репрезентаций родителя и ребенка базового элемента в виде состояния участников взаимодействия, а также включения в группу стрессоров, потенциально влияющих на семью, стрессоров контекстов развития ребенка, связанных с общественными условиями и факторами среды обитания.

Интегративная теоретическая модель раннего вмешательства сочетает положения, характерные как для междисциплинарного раннего вмешательства, ориентированного на поддержку семьи и развитие ребенка, так и для раннего вмешательства в области психического здоровья, социального и эмоционального благополучия детей, направленного на повышение качества взаимодействия и отношений в системе «родитель — ребенок».

Интегративная модель объединяет различные уровни реализации раннего вмешательства (на уровне межведомственного взаимодействия, междисциплинарной команды специалистов, отдельного специалиста) и подчеркивает необходимость единой многоуровневой системы снижения воздействия на семью и ребенка потенциальных стрессоров, усиления протективных факторов, обеспечения для развития и психического здоровья ребенка безопасного и качественного окружения, что с прикладной точки зрения может служить ориентиром при разработке программы ранней помощи ребенку и семье, повышения ее результативности.

Подготовка специалистов в области раннего вмешательства должна включать формирование общих, вне зависимости от специализации, профессиональных представлений и компетенций, соответствующих работе с действующей в условиях множества контекстов семейной системой, с пониманием себя и других членов междисциплинарной команды как части системы динамического взаимодействия с родителями и ребенком, с определением используемых источников информации, локусов и модальностей вмешательства, пониманием изменения системы при воздействии на ее отдельные элементы, а также с течением времени.

Литература/References

- Ainsworth, M. D.S., Blehar, M., Waters, E., Wall, S. (1978). *Patterns of attachment: A psychological study of the Strange Situation*. Hillsdale, Erlbaum.
- Anikina, V.O., Savenysheva, S. S., Blokh, M. E. (2021). Women's mental health during pregnancy under the COVID-19 coronavirus pandemic: A review of foreign studies. *Sovremennaia zarubezhnaia psichologii*, 10 (1): 70–78. (In Russian)
- Bowlby, J. (1969). *Attachment and loss, vol. 1: Attachment*. New York, Basic Books.
- Bronfenbrenner, U. (1979). *The ecology of human development*. Cambridge, Harvard University Press.
- Campbell, S. B., Brownell, C. A., Hungerford, A., Spieker, S. I., Mohan, R., Blessing, J. S. (2004). The course of maternal depressive symptoms and maternal sensitivity as predictors of attachment security at 36 months. *Developmental Psychopathology*, 16 (2): 231–252.
- Dozier, M., Bernard, K. (2019). *Coaching parents of vulnerable infants: Attachment and biobehavioral catch-up approach*. New York, Guilford Press.
- Dunst, C. J. (2002). Family-centered practices: Birth through high school. *Journal of Special Education*, 36 (3): 139–147.
- Early Childhood Technical Assistance Center (2022). *Briefing paper: Infant and early childhood mental health and early intervention (Part C)*. FPG Child Development Institute. Chapel-Hill, University of North Carolina. Available at: <https://ectacenter.org/topics/iecmh/iecmh-partc.asp> (accessed: 31.03.2025).
- Emde, R. N., Robinson, J. (2000). Guiding principles for a theory of early intervention: A developmental-psychoanalytic perspective. In: J. P. Shonkoff, S. J. Meisels (eds). *Handbook of early childhood intervention* (pp. 160–178). Cambridge, Cambridge University Press.
- Firestein, M., Dumitriu, D., Marsh, R., Monk, C. (2022). Maternal mental health and infant development during the COVID-19 pandemic. *JAMA Psychiatry*, 79 (10): 1040–1045.
- Goodman, S. H., Brand, S. R. (2009). Infants of depressed mothers. Vulnerabilities, risk factors, and protective factors for the later development of psychopathology. In: Ch. H. Zeanah (ed.). *Handbook of Infant Mental Health*. 3rd ed. (pp. 153–169). New York, Guilford Press.
- Guralnick, M. J. (1997). Second-generation research in the field of early intervention. In: M. J. Guralnick (ed.). *The effectiveness of early intervention* (pp. 3–20). Baltimore, Paul H. Brookes.
- Guralnick, M. J. (2001). A developmental systems model for early intervention. *Infants and Young Children*, 14 (2): 1–18.
- Guralnick, M. J. (2020). Applying the developmental systems approach to inclusive community-based early intervention programs: Process and practice. *Infants and Young Children*, 33 (3): 173–183.
- Hickman, R., McCoy, S. W., Long, T. M., Rauh, M. J. (2011). Applying contemporary developmental and movement science theories and evidence to early intervention practice. *Infants and Young Children*, 24 (1), 29–41.
- Juffer, F., Bakermans-Kranenburg, M. J., van IJzendoorn, M. H. (2023). Promoting positive parenting. An introduction. In: F. Juffer, M. J. Bakermans-Kranenburg, M. H. van IJzendoorn (eds). *Promoting positive parenting. An attachment based intervention* (pp. 36–44). New York, Routledge.
- Lahtela, H., Flykt, M., Nolvi, S., Kataja, E.-L., Eskola, E., Tervahartiala, K., Pelto, J., Carter, A. S., Karlsson, H., Karlsson, L., Korja, R. (2024). Mother — infant interaction and maternal postnatal psychological distress associate with child's social-emotional development during early childhood: A Finnish

- Brain birth cohort study. *Child Psychiatry & Human Development*, April 16. <https://doi.org/10.1007/s10578-024-01694-2>
- Luby, J. L. (2009). Depression. In: Ch. H. Zeanah (ed.). *Handbook of infant mental health*. 3rd ed. (pp. 409–420). New York, Guilford Press.
- Meisels, S. J., Shonkoff, J. P. (eds). (2000). *Handbook of early childhood intervention*. 2nd ed. Cambridge, Cambridge University Press.
- McCormick, M. C. (2021). Early intervention and mental health: Evidence review from premature and disadvantaged infants. *Pediatric Medicine*, 4: 4. <https://doi.org/10.21037/pm-20-65>
- Odom, S. L., Wolery, M. (2003). A unified theory of practice in early intervention/early childhood special education: Evidence-based practices. *The Journal of Special Education*, 37 (3): 164–173.
- Muhamedrahimov, R. J., Tumanian, K. G. (2022). Attachment in young children in different periods of Russian society. *Psichologicheskij zhurnal*, 43 (4): 27–35. (In Russian)
- Muhamedrahimov, R. J., Tumanian, K. G., Chernego, D. I., Aslamazova, L. A. (2020). Attachment in children with institutionalization experience. Part I. Attachment in children living in institutions. *Psichologicheskij zhurnal*, 41 (6): 60–68. (In Russian)
- Sameroff, A., Seifer, R., Barocas, R., Zax, M., Greenspan, S. (1987). Intelligence quotient scores of 4-year-old children: Socio-environmental risk factors. *Pediatrics*, 79: 343–350.
- Spitz, R. A., Wolf, K. M. (1946). Anacritic depression: An inquiry into the genesis of psychiatric conditions in early childhood. *Psychoanalytic study of the child*, 2: 313–342.
- Steele, H., Steele, M. (eds). (2018). *Handbook of attachment-based interventions*. New York, Guilford Press.
- Stern, D. N. (1985). *The interpersonal world of the infant. A view from psychoanalysis and developmental psychology*. New York, Basic Books.
- Stern-Bruschweiler, N., Stern, D. N. (1989). A model for conceptualizing the role of the mother's representational world in various mother-infant therapies. *Infant Mental Health Journal*, 10 (3): 142–156.
- Stern, D. N. (1995). *The motherhood constellation: A unified view of parent-infant psychotherapy*. New York, Basic Books.
- Tronick, E. Z. (1989). Emotions and emotional communication in infants. *American Psychologist*, 44 (2), 112–119.
- Valdes, V., Craighead, L. W., Nelson, C. A. 3rd, Bosquet Enlow, M. (2025). Longitudinal interactions between maternal depression symptoms and familial stressful life events on child anxiety symptoms at 5 years of age. *Infancy*, 30 (1): e12628. <https://doi.org/10.1111/infra.12628>
- Van IJzendoorn, M. H., Schuengel, C., Wang, Q., Bakermans-Kranenburg, M. J. (2023). Improving parenting, child attachment, and externalizing behaviors: Meta-analysis of the first 25 randomized controlled trials on the effects of video-feedback intervention to promote Positive Parenting and Sensitive Discipline. *Development and Psychopathology*, 35 (1): 241–256.
- Zeanah, Ch. H. (ed.). (2009). *Handbook of infant mental health*. 3rd ed. New York, The Guilford Press.
- Zeanah, Ch. H., Gleason, M. M. (2014). Annual research review: Attachment disorders in early childhood — clinical presentation, causes, correlates and treatment. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 56 (3): 207–222.
- Zeanah, Ch. H. Jr., Zeanah, P. D. (2019). Infant mental health: The clinical science of early experience. In: Ch. H. Zeanah (ed.). *Handbook of infant mental health*, 4th ed. (pp. 5–24). New York, The Guilford Press.

Статья поступила в редакцию 22 марта 2025 г.;
рекомендована к печати 23 мая 2025 г.

Контактная информация:

Мухамедрахимов Рифкат Жаудатович — д-р психол. наук, проф.;
<https://orcid.org/orcid.org/0000-0003-3532-5019>, rjm@list.ru

Theories of early intervention: An integrative model perspective

R. J. Muhamedrahimov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Muhamedrahimov R. J. Theories of early intervention: An integrative model perspective. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2025, vol. 15, issue 3, pp. 371–385. EDN CXINOU (In Russian)

Studies in the field of early intervention has led over the past decades to interdisciplinary programs for infants and young children and their families, and programs aimed to promote children's mental health. The definition of early care for young children and their families, included in the Federal Law of the Russian Federation, combines characteristics of these directions of early intervention, which corresponds to observed in the literature trend to discuss them in a joint scientific field. This work is aimed analyzing studies representing different theoretical principles and models of early intervention, discussing them taking into account additional research information and presenting a unified theoretical model of early intervention. The results show that, with different theoretical approaches in the field of early intervention, there is a common understanding of the variety of factors affecting a child's development and well-being, the importance of attention to the family as the leading context of development, to the context of the child's relationships. The presented integrative model combines principles of both interdisciplinary early intervention, focused on reducing the impact of potential stressors for families, and infant mental health intervention, aimed at improving the quality of interaction and relationships in the parent-child system.

Keywords: children, infancy and early childhood, families, early intervention, theories, integrative model.

Received: March 22, 2025

Accepted: May 23, 2025

Author's information:

Rifkat J. Muhamedrahimov — Dr. Sci. in Psychology, Professor;
<https://orcid.org/orcid.org/0000-0003-3532-5019>, rjm@list.ru

ЭМПИРИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 159.9

Взаимосвязь показателей формирующейся взрослости и смысложизненных ориентаций среди студентов

М. В. Клементьева

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Российская Федерация, 125167, Москва, Ленинградский пр., 49

Для цитирования: Клементьева М. В. Взаимосвязь показателей формирующейся взрослости и смысложизненных ориентаций среди студентов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 3. С. 386–402. EDN CZRDIR

Поиск и принятие смыслов жизни является задачей личностного развития в начале взрослой жизни — новом переходном периоде формирующейся взрослости, однако мало данных о становлении смысложизненных ориентаций в связи с психологическими показателями формирующейся взрослости. В этом исследовании изучены особенности формирующейся взрослости (исследование идентичности и сосредоточенность на себе, негативность и нестабильность, личная свобода, эксперименты и возможности, чувство «между», ориентация на других) как предикторы смысложизненных ориентаций среди российских студентов. Выборку составили данные, полученные от 410 российских студентов 18–25 лет (39,7 % — мужчины; 61,3 % — женщины; средний возраст — 19,8). В исследовании измерялись показатели формирующейся взрослости (IDEA-R) и смысложизненных ориентаций (СЖО). В анализе использован коэффициент корреляции Пирсона, множественная регрессия и многомерный дисперсионный анализ. Обнаружено, что негативность и нестабильность, личная свобода, эксперименты и возможности, ориентация на других выступают предикторами смысложизненных ориентаций. Полученные результаты указывают, что в начале взрослости ресурсом осмысленности жизни является ориентированность личности на эксперименты и возможности, личную свободу, ориентацию на других, а барьером — «негативность и нестабильность». Пол и возраст влияют на связь показатели формирующейся взрослости и смысложизненных ориентаций. Выявлена тенденция более раннего преодоления переходного периода («чувство «между»») в сочетании с интенсивным повышением осмысленности жизни у женщин в период от 18 до 25 лет по сравнению с молодыми мужчинами. Материалы исследования помогают понять процессы, лежащие в основе эзистенциально-личностного развития современной молодежи, и могут вдохновить

© М. В. Клементьева, 2025

на разработку новых методов психологических интервенций по поддержке личности в начале взрослой жизни. Кроме того, результаты могут быть использованы в межкультурных сравнениях особенностей развития личности в период перехода к взрослой жизни.

Ключевые слова: личность, формирующаяся взрослость, смысложизненная направленность, смысложизненные ориентации, смысл жизни, развитие, социальная ситуация развития.

Введение

Переход к цифровой экономике, растущая социально-экономическая неопределенность современного мира наряду с массовизацией высшего образования затрагивают процессы развития личности, удлиняя и усложняя период перехода к взрослой жизни молодежи. Предложенный Дж. Арнетт (J. Arnett) в 2000 г. новый конструкт формирующейся взрослости описывает комплекс психологических и социально-демографических особенностей перехода к взрослой жизни в 18–25 лет людей, проживающих в индустриально развитых странах, обладающих правами вести взрослый образ жизни, но не определяющих себя как взрослых (Murray et al., 2019). Утрачивая поддержку со стороны социальных институтов, формирующиеся взрослые чувствуют недостаток собственных ресурсов в совладании с трудностями социального перехода и в достижении жизненных целей (Halfon et al., 2018), испытывают неуверенность и используют предоставленное обществом право отсрочить начало самостоятельной взрослой жизни до 25–35 лет (Arnett, Mitra, 2020). В России формирующиеся взрослые, откладывая социальные роли и обязательства взрослого, получают образование, стремятся к самопознанию, достижению идентичности, исследованию возможностей, биографическому экспериментированию, оптимистично верят в безграничные возможности будущего, но с тревогой и беспокойством относятся к затянувшемуся переходу ко взрослости, испытывают неуверенность и уязвимость в меняющемся мире (Ерофеева, 2023; Клементьева, 2023).

Между тем конструкт формирующейся взрослости вызывает дискуссии, касающиеся его психологической концептуализации и научного статуса. Наметились разные точки зрения на понимание отличительных особенностей формирующейся взрослости:

- как универсальной возрастной стадии развития (Halfon et al., 2018; Murray et al., 2019);
- особой «траектории взросления» (Yerofeyeva et al., 2024);
- особой ситуации развития личности в период от 18 до 25 лет (Клементьева, Иванова, 2023).

Во-первых, универсальность возрастной стадии формирующейся взрослости в 18–25-тилетнем возрасте эмпирически подтверждают нейробиологические исследования продолжающегося созревания психических функций (Hochberg, Konner, 2020), комплексный характер особенностей формирующейся взрослости (исследование идентичности и сосредоточенность на себе, негативность и нестабильность, эксперименты и возможности, чувство «между») в сопоставлении со смежными возрастными периодами (Arnett, Mitra, 2020; Halfon et al., 2018) и их межкультурная устойчивость (Bleidorn, Schwaba, 2017).

Во-вторых, объясняя особую «траекторию взросления» исследователи обнаруживают значительные вариации в структуре и содержании формирующейся взрослости, зависимость от культурных (Yerofeyeva et al., 2024) и социально-экономических условий жизни молодежи (Landberg et al., 2018), уровня и статуса образования (Kuang et al., 2023) и возраста (Reifman, Niehuis, 2023). Объяснение противоречивых эмпирических данных ряд исследователей видят лишь в процедурных и методических особенностях психометрических исследований (Ерофеева, 2023; Sánchez-Queija et al., 2020), что, на наш взгляд, представляется необоснованным.

И, наконец, в-третьих, используя объяснительный потенциал конструкта «социальная ситуация развития» в определении содержания и направления развития личности (Выготский, 2004), авторы подчеркивают, что «особенности формирующейся взрослости отражают культурно-опосредованные отношения молодых людей с социальным миром, укорененные в сложившихся условиях и традициях. Ключевое противоречие социальной ситуации развития складывается в пространстве «отложенной взрослости»» (Клементьева, Иванова, 2023, с. 74) и разрешается в преодолении ее границ. На наш взгляд, такой подход снимает имеющееся противоречие в интерпретации эмпирических данных, касающихся социально-экономической вариабельности, культурной детерминации, диффузной структуры, объясняет распад комплекса отличительных особенностей формирующейся взрослости после 25-летнего возраста.

Понимание особенностей формирующейся взрослости как источников и детерминант личностного развития позволяет понять роль «отложенной взрослости» в становлении личностных новообразований. Одной из главных задач развития личности в период формирующейся взрослости признается становление смысложизненной направленности личности — комплекса смысложизненных ориентаций, интегрирующего стремление к значимой цели, самопринятию и удовлетворенности жизнью, который формируется в период 18–25 лет (Попова и др., 2021), а также поиск и принятие смысла жизни (Maysless, Keren, 2014). Следствием «отложенной взрослости» стал мораторий на поиск и принятие (переживание) смыслов жизни (Crocetti et al., 2022; Landau et al., 2022), имеющий значительные негативные последствия для благополучия взрослых людей.

Смысл жизни — обобщенный психологический конструкт, выражающий субъективное отношение личности к своей жизни, включая понимание согласованности происходящего в жизни, ясности целей и неотъемлемой ценности жизни (Martela, Steger, 2023), стремления к достижению цели, убежденность в том, что жизнь в целом и отдельные жизненные ситуации имеют смысл, свершение ответственных действий и удовлетворенность жизнью (Wong, 2012), смысловые ориентации личности на будущее, прошлое и настоящее жизни, чувство себя и свободного контроля над ходом жизни (Асмолов и др., 2023). Смысл жизни прогностически связан с социально-психологическим благополучием личности (Карпинский, 2019; Arunjit et al., 2024), психическим (Zhou et al., 2022) и физическим здоровьем (Czekierda et al., 2017) взрослых людей.

Шаги, сделанные в исследовании процессов осмыслиения жизни формирующихся взрослых, проясняют некоторые механизмы развития смысловой сферы личности современной молодежи, однако материалы эмпирических исследований противоречивы.

Попытка соотнести показатели поиска смысла жизни и формирующейся взрослости предпринята в единственном известном нам исследовании (Kohútová et al., 2021): на словацкой выборке (возраст участников — 18–29 лет) показано, как поиск идентичности вносит незначительный вклад в изменчивость шкалы поиска смысла жизни, а предикторами его принятия выступают показатели формирующейся взрослости — ясность ценностей и стабильность — в положительном значении, и поиск идентичности — в отрицательном значении. В целом авторы делают очевидный вывод, что нестабильность, неопределенность ценностей и затянувшийся мораторий идентичности, являясь особенностями формирующихся взрослых, затрудняют поиск смысла жизни и препятствуют его принятию.

В большинстве исследований процессов и явлений осмыслинности жизни возраст интерпретируется как хронологический, социально-демографический или поколенческий фактор, оставляя спорадичным вопрос о вкладах в развитие смысловой сферы личности возрастно-психологических механизмов взросления.

В ряде зарубежных исследований отмечены высокие показатели поиска смысла жизни и низкие показатели принятия смысла жизни у формирующихся взрослых (Czyżowska, 2021). Показано повышение с возрастом веры в то, что жизнь имеет смысл за счет стремления к достижению новых жизненных целей и оптимистичного восприятия будущего (Reker, 2005). Интенсивный поиск смыслов жизни сопровождает изменения в сферах межличностных отношениях, трудовой занятости, образовании 18–25-летних, что увеличивает нестабильность формирующейся взрослости (Buecker et al., 2021), снижает психологическое благополучие (Soucase Lozano et al., 2023). В других зарубежных исследованиях, напротив, показано, что поиск смысла жизни у молодых людей связан с позитивной временной перспективой (Baikeli et al., 2021), открытостью к новому опыту и толерантностью к неопределенности, мотивируя молодежь к личностному росту (Borawski et al., 2022). Современные молодые люди успешно компенсируют в виртуальных средах смысловую дефицитность (Karayigit, Wood, 2021; Zhao et al., 2020), испытывая трудности в поиске смысла в реальной среде, когда в трудных жизненных ситуациях утрата смысла сопряжена с повышением тревоги, эскапизма и одиночества (Arslan et al., 2022; Fraser et al., 2023). П. Рекер (P. Reker) в 2005 г. объяснял различия в функции поиска смысла жизни двойственной природой механизма поиска, который может быть вызван как стремлением к жизнеутверждению и преодолению трудностей, так и фruстрацией (Reker, 2005). Однако вопрос о предикции функциональных различий поиска смысла жизни еще не имеет ясного ответа (Landau et al., 2022). Состояние принятия смысла жизни, как подчеркивают исследователи, сопряжено с самодостаточностью, аутентичностью и идентичностью молодых людей (Hong et al., 2024), и в этом аспекте нет разногласий.

В отечественной концепции смысложизненных ориентаций (Асмолов и др., 2023; Попова и др., 2021) подчеркнуты позитивные связи сформированной смысложизненной направленности у молодых личностно зрелых и уверенных (Анисимова, Крушельницкая, 2023; Карпинский, 2019), психологически благополучных и удовлетворенных жизнью (Самохвалова и др., 2022; Осин, Кошелева, 2020). В российской концепции подчеркиваются механизмы смысложизненного развития личности, ассоциированные с психологическим благополучием. Так, в трудных жизненных ситуациях, связанных с ростом неопределенности, отмечено пролон-

тированное повышение осмысленности жизни за счет роста уверенности, целестремленности и результативности преодоления жизненных трудностей (Цветкова и др., 2021).

В русле динамического подхода сформировано представление оialectическом механизме экзистенциального развития: «...чтобы сохранить устойчивость определенных своих параметров, особо важных для ее существования именно как личности, — жизненных целей, ценностей, принципов, морально-нравственных качеств, — она должна в условиях быстро и многообразно меняющейся социальной действительности менять свои различные психологические качества» (Анцыферова, 2006, с. 39). Согласно Н. Р. Салиховой, регуляторный механизм развития смысловой сферы личности видим в разрешении напряжения, возникшего в результате несовпадения экзистенциальных ожиданий личности и возможностей их реализации в среде («барьерность — реализуемость»), как поиск, принятие, конструирование личностью тех смыслов, качеств, отношений и пр., которые помогают, изменяясь, достигать желаемого в конкретных условиях среды (Салихова, 2010).

Близкую идею предлагает Н. В. Гришина, с точки зрения которой «уровневая дифференциация целевой регуляции <...> предстает как решаемые задачи при взаимодействии с конкретными ситуациями, как собственно цели в жизненном контексте и как смыслы при взаимодействии с экзистенциальной реальностью» (Гришина, 2023, с. 310). Автор подчеркивает контекстуальность жизненных целей и их субъективную оценку в ценностно-смысловом пространстве достижимости и значимости, где последнее определяется готовностью личности преодолевать внешние и внутренние барьеры (Гришина, 2023, с. 310).

Вышеизложенное проясняет место смысложизненных ориентаций, процессов поиска и принятия смысла жизни в системе отношений личности с социальной действительностью. Очевидно, что принятие смысла и сформированные смысложизненные ориентации сопряжены с психологическим благополучием и личностной зрелостью. Вместе с тем удлинение переходного периода вхождения во взрослость усиливает тенденции нестабильности в развитии смысловой сферы, повышает неопределенность поиска смысла жизни, снижая общую осмысленность жизни среди формирующихся взрослых. И хотя число теоретико-эмпирических исследований экзистенциально-психологической проблематики непрерывно растет, но отсутствуют исследования смысложизненных ориентаций, ассоциированные с психологическими показателями формирующейся взрослости.

Мы вносим свой вклад в обсуждение научного статуса конструкта формирующейся взрослости, предлагая понимание его особенностей как источников смысложизненных ориентаций личности, делая попытку объяснить механизм осмыслиния жизни в начале взрослой жизни.

Программа исследования

Гипотеза эмпирического исследования — показатели формирующейся взрослости выступают предикторами смысложизненных ориентаций в возрасте 18–25 лет.

Цель эмпирического исследования — изучить смысложизненные ориентации, ассоциированные с показателями формирующейся взрослости.

Выборка. В исследовании участвовали 410 студентов, обучающихся в вузах Москвы и Тулы, в возрасте 18–25 лет (39,7 % — мужчины; 61,3 % — женщины; средний возраст — 19,8).

Методики:

1) оценка смысложизненных ориентаций (СЖО), которая «состоит из четырех субшкал (цели, процесс, результат, локус контроля), демонстрирующих высокую надежность и не пересекающихся по составу утверждений, <...> обнаруживают дискриминантную валидность по отношению к другим индикаторам субъективного благополучия и позитивного функционирования» (Осин, Кошелева, 2020, с. 150);

2) оценка показателей формирующейся взрослости — IDEA-R, которая «содержит 31 исходный пункт и имеет шестифакторную структуру: “Исследование идентичности / сосредоточенность на себе”, “Негативность/нестабильность”, “Личная свобода”, “Эксперименты/возможности”, “Чувство ‘между’”, “Ориентация на других”» (Клементьева, 2023, с. 164). Методика адаптирована для российской выборки и является надежной (α Кронбаха $\geq 0,70$) и структурно валидной — показатели КФА: $\chi^2/df = 1,92$; RMSEA = 0,07; CFI = 0,85; $n = 410$). Методика обнаруживает внешнюю валидность по отношению к показателям субъективного благополучия, временной перспективе, стратегиям совладающего поведения (Клементьева, Иванова, 2023).

Данные собраны анонимно заочно. От респондентов получено согласие на участие в исследовании, исследование добровольно, без вознаграждения.

Стратегия анализа. Анализ линейных связей между переменными осуществлен с использованием г-критерия Пирсона. Оценка вкладов показателей «формирующейся взрослости» в вариативность показателей смысложизненных ориентаций выполнена с использованием множественной линейной регрессии (методом наименьших квадратов — МНК). Оценка эффектов влияния пола и возраста на переменные выполнена с помощью многомерного дисперсионного анализа (MANOVA).

Результаты

Описательные статистики, представленные в табл. 1, демонстрируют показатели переменных, соответствующие нормативным.

В результате корреляционного анализа обнаружены связи между смысложизненными ориентациями и особенностями формирующейся взрослости (табл. 2).

Полагаем, что согласованность корреляций показателей поддерживает идею функциональной связи. Вероятно, молодые люди, ориентированные на интенсивный поиск идентичности и самоисследование, готовые к биографическому экспериментированию, чувствующие личную свободу самовыражения и осознающие возможности жизненного проектирования, демонстрируют более осмысленную жизнь, по сравнению с теми формирующими взрослыми, которые испытывают тревожное чувство «переходности», нестабильности и беспокоятся о неопределенности выбора жизненных стратегий в жизни.

Таблица 1. Среднее арифметическое значение, стандартное отклонение и статистика критерия Колмогорова — Смирнова для шкал формирующейся взрослости и смысложизненных ориентаций ($n = 410$)

Показатели		M (SD)	ρ -уровень критерия Колмогорова — Смирнова
Формирующаяся взрослость	Исследование идентичности / сосредоточенность на себе	35,5 (3,5)	0,051
	Негативность/нестабильность	22,0 (4,3)	0,170
	Личная свобода	13,5 (2,2)	0,056
	Эксперименты/возможности	14,2 (1,5)	0,053
	Чувство «между»	6,9 (1,0)	0,051
	Ориентация на других	8,5 (1,1)	0,052
Смысложизненные ориентации	Цели в жизни	25,1 (6,2)	0,055
	Процесс жизни	22,5 (5,1)	0,270
	Результат жизни	20,3 (5,1)	0,360
	Локус контроля	19,9 (4,6)	0,410
	Осмысленность жизни (общий показатель)	104,3 (17,4)	0,920

Таблица 2. Корреляции между показателями формирующейся взрослости и смысложизненными ориентациями ($n = 410$)

Показатели «формирующейся взрослости»	Смысложизненные ориентации (г-критерий)				
	цели в жизни	процесс жизни	результат жизни	локус контроля	общий показатель осмысленности жизни
Исследование идентичности / сосредоточенность на себе	0,11*	0,11*	0,10*	0,25**	0,23**
Негативность/нестабильность	-0,47**	-0,5**	-0,47**	-0,52**	-0,53**
Личная свобода	0,44**	0,47**	0,38**	0,53**	0,48**
Эксперименты/возможности	0,26**	0,3**	0,15**	0,36**	0,3**
Чувство «между»	-0,9*	-0,08	-0,08	-0,1*	-0,09*
Ориентация на других	0,05	-0,05	0,02	0,01	0,02

Примечания: * Двусторонний критерий значимости $p \leq 0,05$. ** Двусторонний критерий значимости $p \leq 0,01$.

Регрессионный анализ позволил выявить вклады показателей формирующейся взрослости в вариативность показателей смысложизненных ориентаций. В табл. 3 представлены статистически значимые данные регрессионного анализа, где зависимые переменные — показатели смысложизненных ориентаций, а независимые переменные — показатели формирующейся взрослости.

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа показателей формирующейся взрослости и смысложизненных ориентаций ($n = 410$)

Предикторы	Показатели модели			
	статистика F-критерия	статистика t-критерия	β-коэффициент	статистика R ²
Зависимая переменная — цели в жизни				
Негативность/нестабильность	$F = 18,31$ ($p = 0,000$)	$t = -7,77$ ($p = 0,000$)	-0,42	0,38
Личная свобода		$t = 3,55$ ($p = 0,001$)	0,30	
Ориентация на других		$t = 2,70$ ($p = 0,01$)	0,22	
Зависимая переменная — процесс жизни				
Негативность/нестабильность	$F = 26,09$ ($p = 0,000$)	$t = -4,54$ ($p = 0,000$)	-0,38	0,39
Личная свобода		$t = 4,01$ ($p = 0,000$)	0,34	
Зависимая переменная — результат жизни				
Негативность/нестабильность	$F = 19,44$ ($p = 0,000$)	$t = -4,24$ ($p = 0,000$)	-0,37	0,27
Личная свобода		$t = 2,92$ ($p = 0,004$)	0,26	
Зависимая переменная — локус контроля				
Негативность/нестабильность	$F = 13,94$ ($p = 0,000$)	$t = -4,54$ ($p = 0,000$)	-0,41	0,52
Эксперименты/возможности		$t = 2,97$ ($p = 0,004$)	0,30	
Личная свобода		$t = 2,12$ ($p = 0,04$)	0,17	
Зависимая переменная — общий показатель осмыслинности жизни				
Негативность/нестабильность	$F = 12,15$ ($p = 0,000$)	$t = -4,67$ ($p = 0,000$)	-0,43	0,50
Личная свобода		$t = 2,80$ ($p = 0,006$)	0,29	

Видим, что шкалы «эксперименты/возможности», «личная свобода», «ориентация на других» являются позитивными предикторами смысложизненных ориентаций, а переживание нестабильности и негативизма — негативными предикторами. Принимая во внимание статистику показателей (β -коэффициент), можем отметить, что в среднем смысложизненные ориентации повышаются в диапазоне от 2 до 4 % на каждый 1 % изменения показателей негативности/нестабильности, личной свободы, ориентации на других и экспериментов/возможностей; несмотря на некоторую неопределенность этой оценки, вероятность случайного наблюдения указанной зависимости чрезвычайно мала.

В ходе дисперсионного анализа подтвердились связи между возрастом, полом, смысложизненными ориентациями и особенностями формирующейся взрослости. В табл. 4 представлены только значимые данные дисперсионного анализа, где зависимыми переменными выступали показатели смысложизненных ориентаций и формирующейся взрослости. Представлены только переменные, имеющие значимые показатели.

Таблица 4. Дисперсионный анализ (MANOVA) для показателями формирующейся взрослости, смысложизненных ориентаций с возрастом и полом ($n = 410$)

Переменные	Показатели значимости модели		Примечание
	F-критерий	p-уровень	
Возраст			
Эксперименты/возможности	3,49	0,001	Уменьшается с возрастом
Негативность/нестабильность	2,40	0,02	
Ориентация на других	2,51	0,01	
Пол			
Процесс жизни	7,96	0,006	Женщины > мужчины
Локус контроля	3,54	0,02	
Исследование идентичности / сосредоточенность на себе	6,00	0,01	

Подтверждены связи между возрастом, особенностями формирующейся взрослости, полом, смысложизненными ориентациями. Мы обнаружили, что возрастной градиент осмысленности жизни и переживания переходного периода более выражен у женщин, чем у мужчин: процессы «вхождения во взрослость» молодых женщин в большей степени сопряжены со снижением переживания личинальности и повышением осмысленности жизни в целом, целеустремленности и интереса к жизни по сравнению с молодыми мужчинами.

Обсуждение результатов

Исследование уточняет и дополняет материалы предшествующих исследований в области психологии развития личности в начале взрослости, предлагая авторский взгляд на особенности «формирующейся взрослости» как измеримые параметры социально-психологической ситуации развития в 18–25-летнем возрасте, интерпретируемые в качестве источников смысложизненных ориентаций личности.

В настоящей работе подтверждено предположение об обусловленности психологическими особенностями формирующейся взрослости вариативности смысложизненных ориентаций, одной из составляющих центрального новообразования возраста — смысложизненной направленности личности. На эмпирическом материале показано, что не только возраст, сколько особенности отношения к процессам взросления современных молодых людей определяют становление смысложизненных ориентаций. Гипотеза о том, что показатели формирующейся взрослости выступают предикторами смысложизненных ориентаций в возрасте 18–25 лет, полностью подтвердилась.

Существенным представляется дифференцированная роль особенностей формирующей взрослости в развитии смысложизненных ориентаций. Предположительно, отличительные особенности формирующейся взрослости могут иметь как функцию ресурса развития смысложизненных ориентаций — психологического средства (отношения, качества и пр.), которое личность может использовать

для достижения желаемого, так и функцию барьера развития смысложизненных ориентаций — психологического препятствия, которое мешает личности достичь желаемого. Ресурсами развития выступают позитивные предикторы: «личная свобода», «эксперименты и возможности», «ориентация на других», — расширяя социальные контексты и источники обретения целей жизни, стимулируя асертивность и уверенность, поддерживая удовлетворенность самореализацией и сопричастность общественной жизни. Барьером же развития становится негативный предиктор — «нестабильность и негативность», вызванные субъективной оценкой сложившейся ситуации развития как неопределенной, сомнениями в выборе направления личностного развития и тревожным ожиданием взрослости (принятия социальных ролей и обязательств взрослого человека).

Полученные материалы согласуются с выводами других исследований (Arnett, Mitra, 2020; Borawski et al. 2022; Martela, Steger, 2023; Reifman, Niehuis, 2023; и др.) и подтверждают нашу гипотезу об особенностях формирующейся взрослости как комплекса характеристик особой социально-психологической ситуации развития, складывающейся в 18–25 лет и определяющей осмысленность жизни личности. Комплексный характер отличительных особенностей отношения молодых людей к социальной действительности, выраженный в измеримых показателях формирующейся взрослости, представляет одновременно и ресурс, и барьер развития смысложизненных ориентаций, трудности преодоления которого, по нашему мнению, объясняют механизм разрешения противоречия сложившейся ситуации развития. Обращает внимание тот факт, что показатели формирующейся взрослости выступают предикторами для целого ансамбля смысложизненных ориентаций, что свидетельствует о системном влиянии формирующейся взрослости на осмысленность жизни.

Результаты настоящего исследования отличаются от эмпирических данных сходного словацкого исследования (Kohútová et al., 2021): предикторами явлений смысла жизни в словацкой выборке стали ясность ценностей, стабильность и поиск идентичности, а в нашем — личная свобода, эксперименты и возможности, ориентация на других, негативность и нестабильность. Различия, по нашему мнению, обусловлены особенностями смещенной по возрасту (18–25 — в настоящем исследовании, 18–29 — в словацком), ограниченной и комплементарной словацкой выборки, а также значительными отличиями факторной структуры словацкой психометрической методики от оригинальной. Несмотря на эмпирические расхождения, наши данные подтверждают вывод словацких коллег о блокирующей роли негативности и нестабильности в развитии смысловой сферы личности в начале взрослой жизни и дополняют накопленные знания представлениями о ресурсных функциях свободы выбора, биографических экспериментов, открытых возможностей, ориентации на других как отличительных особенностях «формирующейся взрослости» в развитии смысложизненных ориентаций личности.

Возраст и пол, по-видимому, являются условными факторами динамики смысловой сферы личности, опосредованными жизненными ситуациями, что согласуется с предыдущими исследованиями (Карпинский, 2019; Mayseless, Keren, 2014; Reker, 2005): предположительно более интенсивная динамика смысловых явлений у женщин обусловлена лучшим адаптационным потенциалом (Попова и др., 2021; Самохвалова и др., 2022; Arunjit et al., 2024) и более ранним взрослением женщин по сравнению с мужчинами.

Ограничения

Обобщение результатов ограничено гомогенной выборкой. Кроме того, ограничение связано с выбранным исследовательским планом, в рамках которого нельзя делать выводы о лонгитюдных изменениях смысложизненных ориентаций.

Заключение

Понимание отличительных особенностей формирующейся взрослости как характеристик особой социальной ситуации развития проясняет механизм развития смысложизненных ориентаций. Ресурсами осмысленности жизни формирующихся взрослых являются: оптимизм и исследование разных возможностей выстроить жизнь по своему плану (эксперименты и возможности); независимость в реализации своих возросших возможностей без ограничений (личная свобода); отношение к другому человеку, основанное на ожидаемом поведении и взятых на себя обязательствах перед другими (ориентация на других); а барьером — беспокойство от неопределенности выбора жизненной стратегии и жизненных изменений (негативность и нестабильность). Смысловое пространство «отложенной взрослости» современных молодых людей рассмотрено через призму интеграции идей культурно-исторической психологии, динамического подхода к личности и неоэриксоновской культурной теории развития. Высвечивая логику развития личности в контексте социально-психологической ситуации развития и подчеркивая противоречие возрастного перехода, можем сделать вывод: обладая возможностями «быть взрослыми», молодые люди не считают себя таковыми, испытывают неуверенность и тревогу. В рамках эмпирического исследования проанализированы барьеры и ресурсы развития смысложизненных ориентаций личности, ассоциированные с особенностями формирующейся взрослости. Результаты настоящего исследования подтверждают важность характеристик формирующейся взрослости для развития смысложизненных ориентаций личности. В целом полученные материалы убеждают в том, что смысловое пространство «отложенного взросления» выполняет регулирующую функцию в субъективном осмысливании жизни, предоставляя беспрецедентные ресурсы свободы выбора смыслов жизни, снимая барьеры личностного развития, связанные с неуверенностью и тревожным ожиданием достижения взрослости.

Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать вывод о том, что в своей целостности психологические характеристики формирующейся взрослости в период 18–25 лет выполняют функцию ресурса позитивного развития, являясь предиктором осмысленности жизни на этапе молодости, преодолевая беспокойство от неопределенности жизненных изменений как барьер субъективного благополучия. Материалы могут вдохновить на разработку новых методов психологической помощи личности в период вхождения во взрослость и быть использованы в межкультурных исследованиях.

Литература

Анисимова Е. В., Крушельницкая О. Б. Взаимосвязь способности к эмпатии и ценностно-смысловых ориентаций у школьников и студентов // Социальная психология и общество. 2023. № 14 (3). С. 64–84. <http://dx.doi.org/10.17759/sps.2023140305>

Анцыферова Л. И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Институт психологии РАН, 2006.

Асмолов А. Г., Битюцкая Е. В., Братусь Б. С., Леонтьев Д. А., Ушаков Д. В. Диалоги о/в поле смыслов: к 120-летию со дня рождения Алексея Николаевича Леонтьева // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2023. № 46 (2). С. 5–22. <http://dx.doi.org/10.11621/LPJ-23-13>

Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Смыслы, 2004.

Гришина Н. В. Целевая регуляция поведения человека // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. № 13 (3). С. 310–323. <http://dx.doi.org/10.21638/spbu16.2023.302>

Ерофеева В. Г. Черты становящейся взрослости: адаптация опросника в российской культуре // Социальная психология и общество. 2023. № 14 (3). С. 187–204. <http://dx.doi.org/10.17759/sps.2023140312>

Карпинский К. В. Смысложизненное состояние как показатель субъектного развития личности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2019. № 9 (1). С. 7–20. <http://dx.doi.org/10.21638/spbu16.2019.101>

Клементьева М. В. Российская версия шкалы оценки формирующейся взрослости (IDEA-R): особенности развития студентов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. № 13 (2). С. 164–180. <http://doi.org/10.21638/spbu16.2023.203>

Клементьева М. В., Иванова В. И. Копинг-стратегии в период формирующейся взрослости у российских студентов // Культурно-историческая психология. 2023. № 19 (3). С. 72–80. <http://dx.doi.org/10.17759/chp.2023190309>

Осин Е. Н., Кошелева Н. В. Тест смысложизненных ориентаций: новые данные о структуре и валидности // Вопросы психологии. 2020. № 6. С. 150–163.

Попова Т. А., Карпова Н. Л., Вайзер Г. А., Карпинский К. В. (ред.) Психология смысла жизни: школа В. Э. Чудновского: коллективная монография. М.: Смысл, 2021.

Салихова Н. Р. Ценностно-смысловая организация жизненного пространства личности. Казань: Изд-во Казанского университета, 2010.

Самохвалова А. Г., Шипова Н. С., Тихомирова Е. В., Вишневская О. Н. Психологическое благополучие современных студентов: типология и мишины психологической помощи // Консультативная психология и психотерапия. 2022. № 30 (1). С. 29–48. <http://dx.doi.org/10.17759/cpp.2022300103>

Цветкова Н. А., Кисляков П. А., Володарская Е. А. Особенности смысловой сферы личности и суточного структурирования занятости студентов, переболевших COVID-2019 // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. № 13 (5). С. 285–306. <http://dx.doi.org/10.12731/2658-6649-2021-13-5-285-306>

Arnett J. J., Mitra D. Are the features of emerging adulthood developmentally distinctive? A comparison of ages 18–60 in the United States // Emerging Adulthood. 2020. No. 8 (5). P. 412–419. <https://doi.org/10.1177/2167696818810073>

Arslan G., Genç E., Yıldırım M., Tanhan A., Allen K. A. Psychological maltreatment, meaning in life, emotions, and psychological health in young adults: A multi-mediation approach // Children and Youth Services Review. 2022. No. 132. Art. No. 106296. <http://dx.doi.org/10.1016/j.chil-youth.2021.106296>

Arunjit S., Balthip K., Latour J. M. Measuring the purpose in life in the adult population: A scoping review // Belitung nursing journal. 2024. No. 10 (2). P. 126–133. <http://dx.doi.org/10.33546/bnj.3176>

Baikeli R., Li D., Zhu L., Wang Z. The relationship between time perspective and meaning in life across different age stages in adulthood // Personality and Individual Differences. 2021. No. 174. Art. No. 110668. <http://dx.doi.org/10.1016/j.paid.2021.110668>

Bleidorn W., Schwaba T. Personality development in emerging adulthood // J. Specht (ed.). Personality Development Across the Lifespan. San Diego: Academic Press, 2017. P. 39–51. <http://dx.doi.org/10.1016/B978-0-12-804674-6.00004-1>

Borawski D., Nowak A., Zakrzewska A. Lonely meaning-seekers: The moderating role of search for meaning in the relationship between loneliness and presence of meaning // Personality and Individual Differences. 2022. No. 190. Art. No. 111550. <http://dx.doi.org/10.1016/j.paid.2022.111550>

Buecker S., Mund M., Chwastek S., Sostmann M., Luhmann M. Is loneliness in emerging adults increasing over time? A preregistered cross-temporal meta-analysis and systematic review // Psychological bulletin. 2021. No. 147 (8). P. 787–805. <http://dx.doi.org/10.1037/bul0000332>

- Crocetti E, Albarello F, Meeus W, Rubini M.* Identities: A developmental social-psychological perspective // European Review of Social Psychology. 2022. No. 34 (1). P. 161–201. <http://dx.doi.org/10.1080/10463283.2022.2104987>
- Czekierda K, Banik A, Park C.L, Luszczynska A.* Meaning in life and physical health: systematic review and meta-analysis // Health psychology review. 2017. No. 11 (4). P. 387–418. <http://dx.doi.org/10.1080/17437199.2017.1327325>
- Czyżowska N.* Meaning in life and its significance in emerging adulthood — literature review and preliminary study results // Kwartalnik Naukowy Fides Et Ratio. 2021. No. 48 (4). P. 346–362. <http://dx.doi.org/10.34766/fetr.v48i4.921>
- Fraser R, Slattery J, Yakovenko I.* Escaping through video games: Using your avatar to find meaning in life // Computers in Human Behavior. 2023. No. 144. Art. No. 107756. <http://dx.doi.org/10.1016/j.chb.2023.107756>
- Hochberg Z.E, Konner M.* Emerging adulthood, a pre-adult life-history stage // Frontiers in Endocrinology. 2020. No. 10. Art. No. 918. <http://dx.doi.org/10.3389/fendo.2019.00918>
- Halfon N, Forrest C, Lerner R, Faustman E.* Handbook of Life Course Health Development. Cham: Springer, 2018. <http://dx.doi.org/10.1007/978-3-319-47143-3>
- Hong E.K, Zhang Yi, Sedikides C.* Future self-continuity promotes meaning in life through authenticity // Journal of Research in Personality. 2024. No. 109. Art. No. 104463. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jrp.2024.104463>
- Karayigit C, Wood J.* Where emerging adults in the United States find meaning in life // Adultspan Journal. 2021. No. 20. P. 47–60. <http://dx.doi.org/10.1002/adsp.12105>
- Kohútová V, Špajdel M, Dědová M.* Emerging adulthood — An easy time of being? Meaning in life and satisfaction with life in the time of emerging adulthood // Studia Psychologica. 2021. No. 63 (3). P. 307–321. <http://dx.doi.org/10.31577/sp.2021.03.829>
- Kuang J, Zhong J, Yang P, Bai X, Liang Yi, Cheval B, Herold F, Wei G, Taylor A, Zhang J, Chen C, Sun J, Zou L, Arnett J.* Psychometric evaluation of the inventory of dimensions of emerging adulthood (IDEA) in China // International Journal of Clinical and Health Psychology. 2023. No. 23 (1). Art. No. 100331. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ijchp.2022.100331>
- Landau I, Metz T, Johansson J, Svensson F, Bradford G, Danaher J.* The Oxford Handbook of Meaning in Life. Oxford; New York: Oxford University Press, 2022.
- Landberg M, Lee B, Noack P.* What alters the experience of emerging adulthood? How the experience of emerging adulthood differs according to socioeconomic status and critical life events // Emerging Adulthood. 2018. No. 7 (3). P. 208–222. <http://dx.doi.org/10.1177/2167696819831793>
- Lasota A, Mróz J.* Positive psychology in times of pandemic-time perspective as a moderator of the relationship between resilience and meaning in life // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021. No. 18 (24). Art. No. 13340. <http://dx.doi.org/10.3390/ijerph182413340>
- Mayseless O, Keren E.* Finding a meaningful life as a developmental task in emerging adulthood: The domains of love and work across cultures // Emerging Adulthood. 2014. No. 2 (1). P. 63–73
- Martela F, Steger M.F.* The role of significance relative to the other dimensions of meaning in life — An examination utilizing the Three Dimensional Meaning in Life Scale (3DM) // The Journal of Positive Psychology. 2023. No. 18 (4). P. 606–626. <https://doi.org/10.1080/17439760.2022.2070528>
- Murray J.L, Arnett J.J, Perez R.J, Landreman L, Severy L, Radcliffe S.K.* Emerging adulthood and higher education: A new student development paradigm. New York: Routledge, 2019.
- Reifman A, Niehuis S.* Extending the five psychological features of emerging adulthood into established adulthood // Journal of Adult Development. 2023. No. 30. P. 6–20. <http://dx.doi.org/10.1007/s10804-022-09412-9>
- Reker G. T.* Meaning in life of young, middle-aged, and older adults: factorial validity, age, and gender invariance of the Personal Meaning Index (PMI) // Personality and Individual Differences. 2005. No. 38 (1). P. 71–85. <http://dx.doi.org/10.1016/j.paid.2004.03.010>
- Sánchez-Queija I, Parra Á, Camacho C, Arnett J.* Spanish version of the Inventory of the Dimensions of Emerging Adulthood (IDEA-S) // Emerging Adulthood. 2020. No. 8 (3). P. 237–244. <http://dx.doi.org/10.1177/2167696818804938>
- Soucase Lozano B, García-Alandete J, Rubio-Belmonte C.* Presence of / search for meaning and positive psychological functioning in Spanish emerging adults // Current Psychology. 2023. No. 42. P. 2198–2207. <http://dx.doi.org/10.1007/s12144-021-02394-z>

- Wong P. T. P. (ed.). The human quest for meaning: Theories, research, and applications. 2nd ed. London; New York: Routledge; Taylor & Francis Group, 2012.
- Yerofeyeva V. G., Wang P., Yang Yi., Serobyan A. K., Grigoryan A. K., Nartova-Bochaver S. K. Shimmering emerging adulthood: in search of the invariant IDEA model for collectivistic countries // Front. Psychol. 2024. No. 15. Art. No. 1349375. <http://dx.doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1349375>
- Zhao H., Li X., Zhou J., Nie Q., Zhou J. The relationship between bullying victimization and online game addiction among Chinese early adolescents: The potential role of meaning in life and gender differences // Children and Youth Services Review. 2020. No. 116. P. 105261. <http://dx.doi.org/10.1016/j.childyouth.2020.105261>
- Zhou Z., Zheng L., Qi W., Miao M. Finding meaning from the present and future: The mediating role of meaning in life between temporal focus and mental health // Journal of Pacific Rim Psychology. 2022. No. 16. Art. No. 183449092211387. <http://dx.doi.org/10.1177/18344909221138710>

Статья поступила в редакцию 16 сентября 2024 г.;
рекомендована к печати 9 января 2025 г.

Контактная информация:

Клементьева Марина Владимировна — д-р психол. наук; <https://orcid.org/0000-0002-8712-9282>, marinaklementyva@yandex.ru

The relationship between psychological parameters of “emerging adulthood” and life meaning orientations among students

M. V. Klementyeva

Financial University under the Government of the Russian Federation,
49, Leningradskiy pr., Moscow, 125993, Russian Federation

For citation: Klementyeva M. V. The relationship between psychological parameters of “emerging adulthood” and life meaning orientations among students. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2025, vol. 15, issue 3, pp. 386–402. EDN CZRDIR (In Russian)

The search for meaning is a task of personal development at the beginning of adulthood, but little is known about on life meaning orientations in relation to psychological indicators of “emerging adulthood”. In this study has investigated the psychological parameters of emerging adulthood as predictors of meaningful life of a personality among Russian students. The sample consisted of data obtained from 410 students, aged 18 to 25 (37.9 % male). The study measured the indicators of emerging adulthood (IDEA-R) and “The Life Meaning Orientations Test”. The statistics of the Pearson’s r-test and multiple regression, and multivariate analysis of variance were used for data processing and analysis. The findings suggest that prolongation of the transition period to adulthood is associated with an increase in level of life meaning orientations. The association between the indicators of emerging adulthood and life meaning orientations such that participants who reported higher levels of personal freedom, experimentation and possibilities, and other-focus exhibited higher level of meaningful life. We have found that the resource of existential development of personality is the “experiments and opportunities”, “personal freedom”, “orientation to others”, and the barrier is a “negativity and instability”. Moreover, that participants of the females reported earlier overcoming the feeling in-between and higher levels of meaningful in life in compared with males. The research materials provide insight into the age-specific psychological mechanisms of life meaning orientations formation among emerging adults, and can be used to develop new methods of psychological interventions to development of existential sphere of students.

Keywords: personality, emerging adulthood, meaningful life directionality, life meaning orientations, meaning in life, development, social situation of development.

References

- Anisimova, E. V., Krushelnitskaya, O. B. (2023). The relationship between the ability to empathy and value-semantic orientation in schoolchildren and students. *Sotsial'naia psichologiiia i obshchestvo*, 14 (3): 64–84. <http://dx.doi.org/10.17759/sps.2023140305> (In Russian)
- Antsyferova, L. I. (2006). *Development of personality and problems of gerontopsychology*. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ. (In Russian)
- Arnett, J. J., Mitra, D. (2020). Are the features of emerging adulthood developmentally distinctive? A comparison of ages 18–60 in the United States. *Emerging Adulthood*, 8 (5): 412–419. <https://doi.org/10.1177/2167696818810073>
- Arslan, G., Genç, E., Yıldırım, M., Tanhan, A., Allen, K. A. (2022). Psychological maltreatment, meaning in life, emotions, and psychological health in young adults: A multi-mediation approach. *Children and Youth Services Review*, 132: 106296. <http://dx.doi.org/10.1016/j.childyouth.2021.106296>
- Arunjit, S., Balthip, K., Latour, J. M. (2024). Measuring the purpose in life in the adult population: A scoping review. *Belitung Nursing Journal*, 10 (2): 126–133. <http://dx.doi.org/10.33546/bnj.3176>
- Asmolov, A. G., Bityutskaya, E. V., Bratus, B. S., Leontiev, D. A., Ushakov, D. V. (2023). Dialogues about/in the field of meanings: to the 120th anniversary of the birth of Alexei Nikolaevich Leontiev. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psichologiiia*, 46 (2): 5–22. <http://dx.doi.org/10.11621/LPJ-23-137> (In Russian)
- Baikeli, R., Li, D., Zhu, L., Wang, Z. (2021). The relationship between time perspective and meaning in life across different age stages in adulthood. *Personality and Individual Differences*, 174: 110668. <http://dx.doi.org/10.1016/j.paid.2021.110668>
- Bleidorn, W., Schwaba, T. (2017). Personality development in emerging adulthood. In J. Specht (ed.). *Personality Development Across the Lifespan* (pp. 39–51). San Diego, Academic Press. <http://dx.doi.org/10.1016/B978-0-12-804674-6.00004-1>
- Borawski, D., Nowak, A., Zakrzewska, A. (2022). Lonely meaning-seekers: The moderating role of search for meaning in the relationship between loneliness and presence of meaning. *Personality and Individual Differences*, 190: 111550. <http://dx.doi.org/10.1016/j.paid.2022.111550>
- Buecker, S., Mund, M., Chwastek, S., Sostmann, M., Luhmann, M. (2021). Is loneliness in emerging adults increasing over time? A preregistered cross-temporal meta-analysis and systematic review. *Psychological Bulletin*, 147 (8): 787–805. <http://dx.doi.org/10.1037/bul0000332>
- Crocetti, E., Albarello, F., Meeus, W., Rubini, M. (2022). Identities: A developmental social-psychological perspective. *European Review of Social Psychology*, 34 (1): 161–201. <http://dx.doi.org/10.1080/10463283.2022.2104987>
- Czekierda, K., Banik, A., Park, C. L., Luszczynska, A. (2017). Meaning in life and physical health: systematic review and meta-analysis. *Health psychology review*, 11 (4): 387–418. <http://dx.doi.org/10.1080/17437199.2017.1327325>
- Czyżowska, N. (2021). Meaning in life and its significance in emerging adulthood — literature review and preliminary study results. *Kwartalnik Naukowy Fides Et Ratio*, 48 (4): 346–362. <http://dx.doi.org/10.34766/fetr.v48i4.921>
- Fraser, R., Slattery, J., Yakovenko, I. (2023). Escaping through video games: Using your avatar to find meaning in life. *Computers in Human Behavior*, 144: 107756. <http://dx.doi.org/10.1016/j.chb.2023.107756>
- Grishina, N. V. (2023). Purpose regulation of human behavior. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 13 (3): 310–323. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.302> (In Russian)
- Hochberg, Z. E., Konner, M. (2020). Emerging adulthood, a pre-adult life-history stage. *Frontiers in endocrinology*, 10: 918. <http://dx.doi.org/10.3389/fendo.2019.00918>
- Halfon, N., Forrest, C., Lerner, R., Faustman, E. (2018). *Handbook of Life Course Health Development*. Cham, Springer. <http://dx.doi.org/10.1007/978-3-319-47143-3>
- Hong, E. K., Zhang, Yi, Sedikides, C. (2024). Future self-continuity promotes meaning in life through authenticity. *Journal of Research in Personality*, 109: 104463. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jrp.2024.104463>
- Karayigit, C., Wood, J. (2021). Where emerging adults in the United States find meaning in life. *Adulstspan Journal*, 20: 47–60. <http://dx.doi.org/10.1002/adsp.12105>
- Karpinskiy K. V. (2019). Meaning-in-life state as an indicator of the personality agentive development. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 9 (1): 7–20. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2019.101> (In Russian)

- Klementyeva, M. V. (2023). The Russian version of Inventory of the Dimensions of Emerging Adulthood (the IDEA-R): Developmental features of university students. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 13 (2): 164–182. <http://dx.doi.org/10.21638/spbu16.2023.203> (In Russian)
- Klementyeva, M. V., Ivanova, V.I. (2023). Coping strategies in emerging adulthood among Russian students. *Kul'turno-istoricheskaja psichologija*, 19 (3): 72–80. <http://dx.doi.org/10.17759/chp.2023190309> (In Russian)
- Kohútová, V., Špajdel, M., Dědová, M. (2021). Emerging adulthood — An easy time of being? Meaning in life and satisfaction with life in the time of emerging adulthood. *Studia Psychologica*, 63 (3): 307–321. <http://dx.doi.org/10.31577/sp.2021.03.829>
- Kuang, J., Zhong, J., Yang, P., Bai, X., Liang, Yi., Cheval, B., Herold, F., Wei, G., Taylor, A., Zhang, J., Chen, C., Sun, J., Zou, L., Arnett, J. (2023). Psychometric evaluation of the inventory of dimensions of emerging adulthood (IDEA) in China. *International Journal of Clinical and Health Psychology*, 23 (1): 100331. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ijchp.2022.100331>
- Landau, I., Metz, T., Johansson, J., Svensson, F., Bradford, G., Danaher, J. (2022). *The Oxford handbook of meaning in life*. Oxford; New York, Oxford University Press. 2022.
- Landberg, M., Lee, B., Noack, P. (2018). What alters the experience of emerging adulthood? How the experience of emerging adulthood differs according to socioeconomic status and critical life events. *Emerging Adulthood*, 7 (3): 208–222. <http://dx.doi.org/10.1177/2167696819831793>.
- Lasota, A., Mróz, J. (2021). Positive psychology in times of pandemic-time perspective as a moderator of the relationship between resilience and meaning in life. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18 (24): 13340. <http://dx.doi.org/10.3390/ijerph182413340>
- Mayseless, O., Keren, E. (2014). Finding a meaningful life as a developmental task in emerging adulthood: The domains of love and work across cultures. *Emerging Adulthood*, 2 (1): 63–73.
- Martela, F., Steger, M. F. (2023). The role of significance relative to the other dimensions of meaning in life — An examination utilizing the Three Dimensional Meaning in Life Scale (3DM). *The Journal of Positive Psychology*, 18 (4): 606–626. <https://doi.org/10.1080/17439760.2022.2070528>
- Murray, J. L., Arnett, J. J., Perez, R. J., Landreman, L., Severy, L., Radcliffe, S. K. (2019). *Emerging adulthood and higher education: A new student development paradigm*. New York, Routledge.
- Osin, E. N., Kosheleva, N. V. (2020). Test of meaning-life orientations: New data on the structure and validity. *Voprosy psichologii*, 6: 150–163. (In Russian)
- Popova T. A., Karpova N. L., Weiser G. A., Karpinsky K. V. (eds). (2021). *Psychology of the meaning of life: The school of V.E. Chudnovsky*. Moscow, Smysl Publ.
- Reifman, A., Niehuis, S. (2023). Extending the five psychological features of emerging adulthood into established adulthood. *Journal of Adult Development*, 30: 6–20. <http://dx.doi.org/10.1007/s10804-022-09412-9>
- Reker, G. T. (2005). Meaning in life of young, middle-aged, and older adults: factorial validity, age, and gender invariance of the Personal Meaning Index (PMI). *Personality and Individual Differences*, 38 (1): 71–85. <http://dx.doi.org/10.1016/j.paid.2004.03.010>
- Salikhova, N. R. (2010). *The value-sense organization of the life space of the individual*. Kazan, Kazan University Publ. (In Russian)
- Samokhvalova, A. G., Shipova, N., Tikhomirova, E. V., Vishnevskaya O. N. (2022). Psychological well-being of modern students: Typology and targets of psychological help. *Konsul'tativnaia psichologija i psichoterapiia*, 30 (1), 29–48. <http://dx.doi.org/10.17759/cpp.2022300103> (In Russian)
- Sánchez-Queija, I., Parra, Á., Camacho, C., Arnett, J. (2020). Spanish version of the inventory of the dimensions of emerging adulthood (IDEA-S). *Emerging Adulthood*, 8 (3): 237–244. <http://dx.doi.org/10.1177/2167696818804938>
- Soucase Lozano, B., García-Alandete, J., Rubio-Belmonte, C. (2023). Presence of / search for meaning and positive psychological functioning in Spanish emerging adults. *Current Psychology*, 42: 2198–2207. <http://dx.doi.org/10.1007/s12144-021-02394-z>.
- Tsvetkova, N., Kislyakov, P., Volodarskaya, E. (2021). Features of the semantic sphere of personality and daily structuring of employment of students who have been ill with COVID-2019. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 13 (5), 285–306. <http://dx.doi.org/10.12731/2658-6649-2021-13-5-285-306> (In Russian)
- Vygotsky, L. S. (2004). *Psychology of human development*. Moscow, Smysl Publ. (In Russian)

- Wong, P. T. P. (Ed.). (2012). *The human quest for meaning: Theories, research, and applications, 2nd ed.* London, New York, Routledge, Taylor & Francis Group.
- Yerofeyeva, V. G. (2023) Characteristics of emerging adulthood: Adaptation of the questionnaire in Russian culture. *Sotsial'naia psichologiiia i obschestvo*, 14 (3): 187–204. <http://dx.doi.org/10.17759/sps.2023140312> (In Russian)
- Yerofeyeva, V. G., Wang, P., Yang, Yi., Serobyan, A. K., Grigoryan, A. K., Nartova-Bochaver, S. K. (2024). Shimmering emerging adulthood: in search of the invariant IDEA model for collectivistic countries. *Front. Psychol.*, 15: 1349375. <http://dx.doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1349375>
- Zhao, H., Li, X., Zhou, J., Nie, Q., Zhou, J. (2020) The relationship between bullying victimization and online game addiction among Chinese early adolescents: The potential role of meaning in life and gender differences. *Children and Youth Services Review*, 116: 105261. <http://dx.doi.org/10.1016/j.childyouth.2020.105261>
- Zhou, Z., Zheng, L., Qi, W., Miao, M. (2022). Finding meaning from the present and future: The mediating role of meaning in life between temporal focus and mental health. *Journal of Pacific Rim Psychology*, 16: 183449092211387. <http://dx.doi.org/10.1177/18344909221138710>

Received: September 16, 2024

Accepted: January 9, 2025

Author's information:

Marina V. Klementyeva — Dr. Sci. in Psychology; <https://orcid.org/0000-0002-8712-9282>, marinaklementyva@yandex.ru

Качество выбора профессии и вуза: связь с экзистенциальной мотивацией*

А. Х. Фам^a, П. А. Козырева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Для цитирования: Фам А.Х., Козырева П. А. Качество выбора профессии и вуза: связь с экзистенциальной мотивацией // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 3. С. 403–417. EDN DAALPH

Мотивационная сторона профессионального выбора активно изучается отечественными и зарубежными психологами. Между тем связь мотивации абитуриента с качеством выбора профессии и вуза редко становится предметом целенаправленного научного исследования. В данной статье предлагается экзистенциально-деятельностный взгляд на профессиональное самоопределение, с опорой на модель выбора как сложной внутренней деятельности Д. А. Леонтьева и основные положения экзистенциального анализа А. Лэнгле. Аспекты субъективного качества выбора в учебно-профессиональной сфере (основательность, эмоциональная бесконфликтность, самостоятельность процесса выбора и удовлетворенность его итогом) рассматриваются в соотнесении с фундаментальными экзистенциальными мотивациями как проявлениями экзистенциальной исполненности. Для того чтобы проанализировать связь качества выбора профессии и вуза с ведущей экзистенциальной мотивацией личности, было разработано двухсерийное качественно-количественное исследование, проведенное на двух различных выборках московских абитуриентов (первая серия представляет собой лонгитюд). В качестве методов сбора данных использовались полуструктурированное интервью, эссе «Мой выбор профессии», опросники «Субъективное качество выбора» и «Тест экзистенциальных мотиваций», а в качестве методов обработки данных — количественный и качественный контент-анализ, метод экспертной оценки и корреляционный анализ. В исследовании были подтверждены гипотезы о том, что: 1) переживание качества выбора профессии и вуза до и после поступления в выбранный вуз совпадает, являясь относительно устойчивой переменной; 2) более высокое качество данного выбора достигается при ведущих экзистенциальных мотивациях более «высокого» уровня; 3) субъективное качество выбора профессии и вуза обнаруживает прямую и значимую связь с уровнем экзистенциальной исполненности личности. Результаты исследования представляют как практическую, так и научную ценность, ставя принципиально новый для психологии личности вопрос о связи между отношением к собственному выбору в учебно-профессиональной сфере и компонентами экзистенциальной исполненности (отношением к бытию в мире, жизни, себе и своему будущему).

Ключевые слова: выбор профессии, выбор вуза, качество выбора, экзистенциальная мотивация, экзистенциальная исполненность.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10174, <https://rscf.ru/project/23-78-10174/>.

^a Автор для корреспонденции.

© А. Х. Фам, П. А. Козырева, 2025

Введение

Выбор профессии и места получения образования является одним из наиболее важных в жизни человека, приводя к принципиальным личностным и социальным последствиям. Как и любой другой сложный и значимый выбор, он ставит перед личностью «задачу на смысл» (Леонтьев, 2019), побуждая искать внутри себя ответы на непростые вопросы о своей идентичности и качествах, возможностях, интересах, ценностях и целях. Как правило, выбор профессии и вуза совершается в конце старшего подросткового возраста, способствуя социальному рождению личности (Лэнгле, 2013). От того, насколько этот выбор осознан, продуман и доброволен, зависит готовность молодого человека отвечать за последствия собственного решения — деятельно вкладываясь в освоение азов выбранной специальности, преодолевая возникающие препятствия, проявляя надситуативную активность в обучении и последующей работе (Шилова, 2023; Батина, 2024; Uyen Binh et al., 2024).

Мотивация как один из ключевых факторов выбора профессии и вуза активно изучается как российскими, так и зарубежными авторами, представителями разных научных школ (Awadi et al., 2022; Волкова, 2023; Новикова и др., 2023; Сидоров, 2023; Телеушева, 2023; Фадлалла, 2023; Vlassopoulos et al., 2024). Все большую распространность приобретает рассмотрение мотивации учащихся через призму теории самодетерминации Э.Деси (E. Deci) и Р.Райана (R. Ryan), авторы которой выделяют автономию (стремление самостоятельно контролировать свои действия, иметь возможность выбора), компетентность и чувство связаннысти с другими как основные предпосылки формирования внутренней мотивации — основанной на интересе к деятельности (Ryan, Deci, 2020; Holzer et al., 2022; Mann-Isah et al., 2024; Uyen Binh et al., 2024). В русле этого подхода в русскоязычном научном пространстве изучаются различные профили учебной мотивации как предикторы саморегуляции и академической успешности студентов (Кохан, Виноградова, 2023), а также предикторы динамики учебной мотивации у студентов вузов (Дворецкая, 2019). Между тем, несмотря на востребованность изучения мотивационных аспектов выбора профессии и вуза, связь качества профессионального выбора с фундаментальными экзистенциальными мотивациями (ФМ) личности никогда ранее не находилась в центре целенаправленного научного исследования.

В рамках экзистенциально-аналитической теории личности (Лэнгле, 2004; Лэнгле, 2013), мотивации называются фундаментальными в связи с тем, что они являются основаниями для внутреннего согласия в отношении действия — независимо от того, о каких конкретно действиях идет речь. Эти экзистенциальные мотивации сводятся к четырем вопросам: бытие-в-мире (1ФМ), ценность жизни (2ФМ), своя глубинная сущность (3ФМ) и смысл экзистенции (4ФМ), — и включаются в феномен экзистенциальной исполненности (ЭИ). На присутствие у человека ЭИ указывает ощущение, что он имеет возможность что-то сделать и ему это нравится, он чувствует, что у него есть на это полное право и в этом поступке есть смысл (Шумский и др., 2016). Предположительно, ФМ могут быть напрямую связаны с качеством выбора, поскольку любой акт самоопределения в проективной жизненной ситуации, сопряженной с неопределенностью и риском, так или иначе затрагивает

отношения человека с миром (1ФМ), жизнью (2ФМ), самим собой (3ФМ) и его будущим и более широкими смысловыми горизонтами (4ФМ). Развивая эту мысль, можно предположить также, что чем более лично значимым и новым, психологически сложным является выбор, тем важнее для его совершения будет контакт человека с самим собой (Фам, 2019). Следовательно, качественный выбор будет с большей вероятностью осуществлен при высоком уровне ЭИ.

В этой связи мы поставили перед собой задачу рассмотреть экзистенциальные мотивации, описанные А. Лэнгле (A. Längle), как возможные факторы качественного выбора профессии и вуза, понимая под качеством выбора прежде всего его психологические, субъективные характеристики: степень основательности, эмоциональной бесконфликтности, самостоятельности процесса выбора и удовлетворительности его итога для самого выбирающего (Leontiev et al., 2022), — а не то, как данный выбор может быть оценен окружающими по каким-либо извне заданным критериям. Под основательностью выбора, вслед за авторами концепции выбора как сложной внутренней деятельности (Leontiev et al., 2022), мы понимаем продуманность, рефлексию его оснований, принятие субъектом ответственности за последствия выбора. Эмоциональная бесконфликтность выбора подразумевает наличие позитивных переживаний в процессе его совершения (включая гордость, радость) и отсутствие негативных переживаний. Самостоятельность выбора предполагает опору на собственное мнение и ресурсы в процессе его совершения, а также отсутствие ощущаемого давления извне. Удовлетворенность выбором складывается из восприятия результата выбора как точного, субъективно правильного, окрывающего и «своего».

Целью текущего исследования стало изучение связи качества выбора профессии и вуза с ведущей экзистенциальной мотивацией абитуриента. В данном исследовании нами было принято решение не разграничивать выбор профессии и выбор учебного заведения, рассматривая их как стороны одного явления, поскольку в реальной практике выбора абитуриентов они оказываются неотделимы друг от друга. Был сформулирован исследовательский вопрос: будут ли абитуриенты с более низким качеством выбора чаще иметь в качестве ведущей экзистенциальной мотивации 1ФМ и 2ФМ, по А. Лэнгле (как более «низкие» по уровню), а абитуриенты с высоким качеством выбора — 3ФМ и 4ФМ (как более «высокие» по уровню)?

Мы предположили, что переживание качества выбора в учебно-профессиональной сфере является относительно устойчивой величиной: те люди, кто воспринимал свой выбор как качественный до поступления в вуз, будут в большей степени склонны воспринимать и описывать его как качественный и после поступления в желаемое учебное заведение (Н1). Кроме того, мы предположили, что абитуриенты будут чаще совершать субъективно качественный выбор при опоре на 3ФМ и 4ФМ как ведущую мотивацию, что эмпирически могло бы быть выражено в виде прямой и значимой связи между показателем качества выбора и ведущей экзистенциальной мотивацией личности (Н2). Также, согласно нашей гипотезе, субъективное качество выбора профессии и вуза будет тем выше, чем выше показатель ЭИ — то есть чем более выражены (или наполнены) все четыре экзистенциальные мотивации (Н3).

Для проверки выделенных гипотез было спланировано качественно-количественное исследование, проведенное в несколько этапов.

Методы

Выборка и организация исследования. Исследование состояло из двух серий, каждая из которых была проведена на отдельной выборке. В рамках серии А измерялась устойчивость субъективного качества выбора профессии и вуза (Н1), а в рамках серии В — анализировалась связь между качеством выбора и экзистенциальными мотивациями (Н2 и Н3).

Серия А. Исследование на первой выборке ($n=26$; 9 — муж.; возраст — 16–18 лет; средний возраст — 17 лет) проходило в два этапа с разницей в 11 месяцев (на первом этапе (А-І) — на одиннадцатиклассниках одного из престижных московских лицеев; на втором этапе (А-ІІ) — на той же выборке, уже на студентах-первокурсниках вузов) и, таким образом, являлось лонгитюдным. На момент проведения А-І все респонденты планировали поступать в вуз и находились в процессе профессионального самоопределения.

Серия В. Исследование на второй выборке ($n=31$; 11 — муж.; возраст — 16–18 лет; средний возраст — 17 лет) проводилось в один этап, на одиннадцатиклассниках государственных школ и лицеев г. Москвы, также планирующих поступать в вуз и находящихся в процессе выбора профессии и подходящего учебного заведения.

Участие в обеих сериях было добровольным и предварялось подписанием информированного согласия (в случае несовершеннолетних респондентов оно заполнялось их законными представителями).

Методы исследования. В рамках как А-І, так и В использовался метод полуструктурированного исследовательского интервью (Квале, 2003) для изучения феноменологии процесса выбора, его возможных последствий и отношения абитуриента к нему, а также выявления качественных индикаторов ведущей экзистенциальной мотивации. Так, для определения 1ФМ использовались вопросы, касающиеся объективных факторов, обстоятельств, условий жизни и возможностей абитуриента (включая его состояние здоровья и выносливость, платежеспособность родителей и стоимость обучения, удаленность вузов от дома, востребованность профессий, рейтинги вузов) и того, насколько эти факторы принимаются респондентом в расчет при совершении профессионального выбора. Для выявления 2ФМ использовались вопросы, касающиеся чувств и ценностей абитуриента; для анализа 3ФМ — вопросы о соответствии каждой из альтернатив его личности, глубинной сущности, представлению о своем потенциале; для выявления 4ФМ — вопросы о связи выбора профессии и вуза со смыслом жизни респондента, его будущим. Также отдельно предлагался вопрос на выявление ФМ, в области которой у респондента чаще всего возникают проблемы. В среднем интервью включало 7–10 вопросов, а его продолжительность составляла 40–60 минут.

Далее, в рамках как А-І, так и В предлагался опросник «Субъективное качество выбора» (СКВ) (Leontiev et al., 2022) для диагностики степени основательности, эмоциональной бесконфликтности и самостоятельности процесса выбора, а также предполагаемой удовлетворенности его итогом. Также высчитывался общий показатель СКВ.

В рамках А-ІІ (отсроченный этап) первой выборке было предложено повторно пройти методику СКВ (для оценки уже реально совершенного выбора), а так-

же написать небольшое эссе в свободной форме на тему «Мой выбор профессии» (средний объем — 300 слов) для описания своих переживаний и мыслей в процессе выбора. Эссе писались удаленно в открытой строке Google-формы и отправлялись на электронную почту исследователя.

В рамках В после опросника СКВ также предлагался тест экзистенциальных мотиваций (ТЭМ) (Шумский и др., 2016) для измерения выраженности разновидностей экзистенциальных мотиваций и определения доминирующей ФМ. Помимо значений по четырем отдельным шкалам рассчитывалось значение по шкале ЭИ (как суммарный показатель выраженности всех шкал ФМ).

Решение о сочетании качественных и количественных методов для измерения показателей одного типа (СКВ и ведущая ФМ) было продиктовано тем, что количественные методики (опросники) выступали в качестве основных методик, а качественные (данные интервью и эссе) — дополнительных, позволяющих углубить и расширить представления о качестве выбора и особенностях мотивации респондентов. Мы исходили из того, что интервью не будет служить неким праймингом, непроизвольно влияя на восприятие опросников и искажая их результаты, а, скорее, наоборот, позволит актуализировать проблему выбора и переживания, связанные с ним, в сознании респондента — а потому оно предлагалось участникам до заполнения опросников.

Для анализа интервью и эссе использовались методы количественного и качественного контент-анализа, а также метод экспертной оценки. В качестве экспертов выступали трое дипломированных психологов, специалистов в области психологии личности. Обработка количественных данных производилась в программе Excel и статистическом пакете R.

Результаты

1. Первоначально была произведена обработка данных интервью, собранных в ходе обеих серий исследования. Все описанные ситуации выбора были распределены на две группы — «высокого» (ВК) или «низкого» (НК) качества — путем экспертной оценки, с опорой на параметры основательности, эмоциональной бесконфликтности, самостоятельности и удовлетворительности выбора (Leontiev et al., 2022). Для каждого из параметров СКВ были предварительно подобраны слова-маркеры (относящиеся как к процессу, так и к результату выбора, а также к состоянию субъекта), представляющие основу для анализа. Так, речевыми индикаторами высокой основательности выбора выступали: «долго думал», «размышлял», «осознаю ответственность», «понимаю последствия»; высокой эмоциональной бесконфликтности — «нравится выбор/процесс», «горжусь», «легко», «хорошо», «приятно»; высокой самостоятельности — «я сам», «я решил/обдумал/посмотрел/сделал», «самостоятельно», «без чужой помощи», «без давления», «принимаю на себя все решения/последствия»; высокой удовлетворенности — «хороший выбор», «чувствую точность/правильность», «вдохновлен», «обнадеживает». В качестве дополнительных индикаторов выбора ВК учитывалось упоминание об ответственности, чувстве «своего пути», готовности к выбору, контакте со смыслами и ценностями, контакте с собой. Чем больше речевых маркеров выбора ВК было обнаружено в текстах респондентов, тем более качественным считался выбор.

По результатам анализа интервью в первой выборке 42 % респондента (11 чел.) были отнесены к группе ВК, а 58 % респондентов (15 чел.) — к группе НК; во второй выборке 45 % респондентов (14 чел.) были отнесены к группе ВК, а 55 % (17 чел.) — к группе НК. В обоих случаях основанием для отнесения к группе ВК выступало выявление как минимум восьми ярких слов-маркеров и пяти дополнительных индикаторов выбора ВК.

Кроме того, в качестве речевых маркеров выбора НК были выявлены указания на страх/дискомфорт при выборе вуза и факультета (они были обнаружены у 61,5 % чел. из A-I и 55 % чел. из B) — что является качественным индикатором эмоциональной конфликтности, амбивалентности выбора: например, «мне боязно, что не успею принять верное решение, осталось мало времени», «я очень сильно беспокоюсь из-за необходимости выбирать», «мне очень часто бывает страшно, когда думаю, что не поступлю» и т. д. Также на эмоциональную конфликтность выбора указывают упоминания о сомнении и неуверенности в выборе (обнаруженные у 81 % чел. из A-I и 81 % чел. из B): например, «немного ощущаю неуверенность в себе», «внутри сомнения по поводу выбора: правильный он или не очень».

При этом около 23 % респондентов из A и 42 % из B констатировали отсутствие у себя сомнений по поводу выбора, а также удовлетворенность им: например, «это моя мечта», «мне хочется туда поступить», «это самое желаемое место», «я всегда хотел им стать», «лучше профессии и нельзя желать».

Несмотря на то что речевые индикаторы наличия страха и сомнения в выборе профессии и вуза присутствовали в высказываниях респондентов, отнесенных как к группе ВК, так и к группе НК (для обеих выборок), данные «негативные» маркеры все же более свойственны людям с выбором НК (табл. 1).

Таблица 1. Соотнесение качества выбора с наличием упоминаний о страхе и сомнениях в процессе выбора, %

Речевые маркеры / качество выбора	I выборка (серия A)		II выборка (серия B)	
	ВК	НК	ВК	НК
Упоминание о страхе и дискомфорте при выборе	7,6	53,8	3,2	51,6
Упоминание о сомнениях и неуверенности при выборе	30,7	50	32,2	48,3
Отсутствие упоминаний о страхе и сомнениях	19,2	3,8	32,2	9,6

Примечание: В ячейках указан процент от количества человек в выборке. ВК — высокое качество; НК — низкое качество.

2. Для проверки H1 о стабильности переживания качества выбора была произведена качественная и количественная обработка данных.

Качественный анализ. Были сопоставлены речевые маркеры выборов ВК и НК у респондентов одной и той же (первой) выборки: в интервью до поступления в вуз (A-I) и в эссе «Мой выбор профессии» 11 месяцев спустя (A-II).

Согласно данным контент-анализа, около 50 % респондентов, отмечающих наличие страха при выборе, и 30 % респондентов, говорящих о сомнениях на момент

интервью, в эссе также писали о страхах или невозможности что-либо изменить, либо же призывали будущие поколения к большей осторожности при выборе (см., например: «появился страх остаться ненужным в этой системе, и, кажется, придется учиться с ним жить», «однако чего-то не хватает, наверно, какого-то творчества, “полета души”»). Для сравнения — среди тех, кто говорил об отсутствии страхов и сомнений в *A-I*, лишь 9 % описали «негативные» переживания от уже совершенного выбора профессии и вуза.

Также 20 % респондентов, упоминавших о страхе, 70 % респондентов, упоминавших о сомнениях, и 12 %, отрицавших наличие страхов и сомнений в выборе в *A-I*, отмечали в эссе, что они были приятно удивлены факультетом и той специальностью, которую выбрали: «вообще я не очень жалею», «и сейчас на факультете я безумно рада, что попала именно сюда», «теперь я студентка... до сих пор не могу поверить, это просто как сказка» и др.

Наконец, 80 % респондентов, говоривших о положительных эмоциях в процессе выбора и уверенности в своем решении, об отсутствии страхов и сомнений, в эссе писали о своем желании быть реализованными в своей профессии и нужными другим людям: «я постараюсь стать одним из таких специалистов», «надеюсь, что мне с головой удастся окунуться в этот невероятно интересный мир массовых коммуникаций, без которого наша жизнь не представляется полноценной», «я хочу зажигать сердца людей, я хочу быть для них “путеводной звездой” на извилистом пути реалий современного мира» и др. Для сравнения — среди тех, кто говорил о страхе и сомнениях в ситуации выбора в интервью, о желании профессиональной реализации упоминали лишь 10 и 12 % соответственно. Описанные данные кажутся закономерными: они свидетельствуют о том, что переживание эмоциональной бесконфликтности и доверенности выбором по большей части сохраняются. Таким образом, возможно говорить о подтверждении *H1* (как минимум, в аспекте стабильности переживания эмоциональных параметров качества выбора).

Количественный анализ. Также было сопоставлено распределение респондентов на группы с выбором ВК и НК в *A-I* и *A-II*, исходя из суммарного балла опросника СКВ (он предъявлялся на каждом из этапов). Общий балл СКВ был определен как низкий или высокий, исходя из средних порогов. Высокое СКВ было обнаружено у 61,5 % респондентов (16 чел.) в *A-I* и у 65,5 % респондентов (17 чел.) в *A-II*, а низкое СКВ — соответственно, у 38,5 % респондентов (10 чел.) в *A-I* и у 34,5 % респондентов (9 чел.) в *A-II*. При этом состав групп с высоким и низким СКВ на обоих этапах был практически идентичен. Эти данные также позволяют говорить о подтверждении *H1*.

3. Для проверки *H2* и *H3* анализировались данные серии *B*. Для этого предварительно была произведена экспертная оценка интервью, проведенного на второй выборке, с целью выделения ведущих ФМ каждого из респондентов.

1ФМ была выделена в качестве доминирующей у 29,2 % (пример из интервью: «Я думаю о рейтинге вуза, не хочется учиться в какой-нибудь шарашкиной конторе. Думаю о том, что если не попаду на бюджет, смогут ли за меня платить родители»). 2ФМ была отмечена как ведущая у 35,4 % («Мне действительно очень нравится профессия врача, и я мечтаю быть неврологом. Мне кажется, это самая интересная и сложная профессия»). 3ФМ была выделена как ведущая у 19,3 % («Профессия художника точно позволит мне раскрыть свой потенциал, <...> и я мечтаю, что

я встречусь сама с собой на этом пути. Ну то есть с реализованной, прекрасной, идеальной мной»). Наконец, 4ФМ была отмечена как доминирующая у 16,1% («Да, моя специальность очень связана с моим представлением о себе, поэтому в своем будущем я не могу себя видеть больше никем, только как пилотом. Быть пилотом значит жить полной и осмысленной жизнью»).

Как видно из данных, 2ФМ чаще всего представлена в качестве ведущей у данной выборки, а 4ФМ — реже всего.

4. Н2 проверялась одновременно с использованием качественных и количественных методов исследования.

Качественный анализ. Мы рассмотрели, какие экзистенциальные мотивации оказались ведущими для респондентов, отнесенных к группам с выбором ВК и НК (по результатам экспертной оценки интервью). Результаты соотнесения респондентов представлены в табл. 2.

Таблица 2. Выделенные фундаментальные мотивации (ФМ) и качество выбора во второй выборке

ФМ	Кол-во респондентов, чел.	Выбор ВК, %	Выбор НК, %
1	9	22,4	77,6
2	11	27,4	72,6
3	6	66,3	33,7
4	5	100,0	—

Примечание: Значение в процентах высчитывается от числа респондентов, для которых данная ФМ является ведущей. ВК — высокое качество; НК — низкое качество.

Как видно из табл. 2, процент респондентов с выбором ВК увеличивается от 1ФМ к 4ФМ. В группе респондентов с ведущей 4ФМ нет ни одного человека с выбором НК — что говорит в пользу Н2 (выбор ВК будет достигаться при ведущих экзистенциальных мотивациях более «высокого» уровня).

Количественный анализ. Для проверки Н2 с применением методов математической статистики мы провели корреляционный анализ данных опросника СКВ с данными по методике ТЭМ, чтобы проанализировать связь между общим показателем СКВ и различными видами ФМ. Поскольку данные распределены нормально (согласно критерию Шапиро — Уилка, $W=0,95699$, $p=0,2424$) и переменные представлены в количественных шкалах, был использован коэффициент корреляции Пирсона.

Все корреляции являются значимыми ($p < 0,05$) и прямыми, при этом наиболее сильная связь наблюдается между общим баллом СКВ и 1ФМ (0,67), на втором месте по степени выраженности — связь общего показателя СКВ с 3ФМ (0,62), на третьем — с 4ФМ (0,59), а на четвертом — с 2ФМ (0,47). Приведенные данные не позволяют сделать вывод в пользу Н2, но их также недостаточно и для ее опровержения, в связи с объемом выборки, притом что разница между результатами связи общего показателя СКВ с отдельными шкалами ТЭМ относительно невелика.

5. Для проверки Н3 производился анализ корреляционной связи общего показателя СКВ с общей ЭИ, измеренной с помощью опросника ТЭМ. Положительная и значимая ($p=0,05$) корреляция между этими показателями (0,71) позволяет сделать вывод о подтверждении данной гипотезы: чем выше уровень ЭИ, тем выше качество выбора профессии и вуза (и наоборот).

Также была проанализирована связь общего показателя ЭИ с отдельными шкалами СКВ. Все связи оказались положительными и значимыми ($p < 0,05$), но наиболее сильные корреляции были обнаружены между ЭИ и «Основательностью выбора» (0,77), а также «Самостоятельностью выбора» (0,53) опросника СКВ, то есть шкалами, характеризующими когнитивные аспекты качественного выбора.

Обсуждение результатов

Проведенный анализ позволяет говорить о подтверждении всех гипотез исследования.

В частности, выявлена устойчивость отношения к выбору как минимум у трети респондентов. Можно предположить, что эмоциональная амбивалентность в процессе выбора профессии и вуза, а также отсутствие уверенности в его правильности являются косвенным показателем того, что уже сделанный выбор также будет оцениваться неоднозначно.

Кажется важным соотнесение речевых маркеров выбора ВК и НК с невербальными проявлениями респондентов во время интервью. Максимальная конгруэнтность, отсутствие двойных сигналов в поведении были отмечены у тех участников, кто сообщал об отсутствии сомнений в выборе профессии и вуза: данные участники были открыты к продолжительному диалогу с исследователем, визуальному контакту с ним, корпус был подан вперед. При этом респонденты, отмечающие страх и сомнение в собственном выборе, чаще отводили взгляд, говорили тише и глушше, теребили пальцами одежду, сидели в закрытой позе и давали сдержанные, лаконичные ответы на вопросы исследователя. Несколько респондентов, сообщивших о страхе перед выбором профессии и учебного заведения, вели себя во время интервью достаточно грубо и агрессивно, ерничая и общаясь в гротескном стиле.

Примечательно, что в эссе (этап А-II) многие респонденты — на этот момент уже студенты вузов — описывали выбор вуза и профессии не в прошлом, а в настоящем времени, как актуально разворачивающийся процесс. Подобное описание может, на наш взгляд, указывать на психологическую незавершенность, эмоциональную заряженность (и, вероятно, амбивалентность) этого процесса.

Как было отмечено ранее, среди респондентов, написавших в эссе (А-II) о приятном удивлении от выбранного факультета и специальности, значительно больше тех, кто упоминал о страхе и сомнениях в выборе на этапе интервью (А-I). Можно предположить, что у тех участников, кто испытывал больше амбивалентных чувств (и вообще чувств) в процессе выбора профессии и вуза, наблюдается больше ярких переживаний по его результатам (вплоть до несколько гипертрофированного, экзальтированного восприятия собственного выбора — которое находит выражение в использовании превосходной степени, метафоричности описаний и т. д.). Для респондентов же, исходно уверенных в правильности своего решения, совпадение

реальности с ожиданиями — факт, не требующий столь пристальной рефлексии и, соответственно, обсуждения в эссе.

Можно заметить, что для *A-I* результаты распределения респондентов на группы с выбором ВК и НК по данным СКВ практически совпадают с распределением на основании экспертной оценки, притом что для *A-II* эти расхождения более существенные. Предположительно, данные интервью и заполнения СКВ в *A-I* относятся лучше, поскольку принадлежат к одному календарному году и одному и тому же этапу исследования.

Выводы

Статья посвящена мотивационным аспектам выбора в учебно-профессиональной сфере, совершающегося абитуриентами вузов. Работа продолжает линию исследований субъективного качества выбора (Фам, 2019; Leontiev et al., 2022), рассматривая его в соотнесении с фундаментальными мотивациями личности (Лэнгле, 2013). Новизна исследования заключается в том, что компоненты ЭИ и отношение личности к собственному выбору в значимой жизненной ситуации впервые анализируются в единой смысловой плоскости.

Представленное эмпирическое исследование связи качества выбора профессии и вуза с экзистенциальной мотивацией состояло из двух серий, проведенных на разных выборках абитуриентов. Использование лонгитюдного метода в одной из серий дало возможность проследить отношение к выбору в динамике, а комбинирование качественных (полуструктурированное интервью, эссе) и количественных (личностные опросники) методов сбора данных позволило получить более комплексное, углубленное представление как о процессе выбора профессии и вуза и об индивидуальных особенностях его субъективного качества, так и о характеристиках мотивационной сферы молодых людей, планирующих поступление в вуз по окончании школы.

На исследовательский вопрос о связи субъективно высокого качества выбора профессии и вуза с ведущей экзистенциальной мотивацией более «высокого» уровня (3ФМ и 4ФМ) был получен утвердительный ответ. Также можно говорить о подтверждении всех выделенных гипотез.

Результаты качественного и количественного анализа данных серии *A* позволили сделать вывод об устойчивости субъективного качества выбора в учебно-профессиональной сфере — или, по крайней мере, его эмоциональных параметров: эмоциональной бесконфликтности и удовлетворенности выбором. Те, кто испытывал страх, дискомфорт, сомнение и неуверенность в выборе до поступления в вуз, чаще продолжали переживать ситуацию выбора как эмоционально заряженную, неоднозначную и психологически незавершенную и после начала учебы в выбранном заведении. Напротив, молодые люди, более уверенные в правильности собственного выбора до поступления, были чаще более удовлетворены сделанным выбором и более склонны фокусироваться на желаниях и мечтах в связи с профессией, способах реализации в ней. Отношение к собственному выбору не только выражалось в прямых высказываниях (в интервью и эссе) и ответах на вопросы теста СКВ, но и проявлялось на невербальном уровне, то есть имело определенные поведенческие индикаторы.

Гипотеза о том, что субъективно качественный выбор чаще совершается при опоре на 3ФМ и 4ФМ как ведущей мотивации, а менее качественный выбор — при опоре на 1ФМ и 2ФМ, была полностью подтверждена на основании анализа качественных данных серии *B*, но статистически подтвердить ее не удалось.

Путем экспертной оценки данных интервью 2ФМ была выделена в качестве ведущей более чем у трети респондентов серии *B*, а 4ФМ оказалась наименее часто встречающейся в данной выборке.

Корреляционный анализ связи субъективного качества выбора (общий показатель СКВ) с ЭИ (по опроснику ТЭМ) показал прямую, значимую и высокую корреляцию между этими переменными, при этом наиболее выраженные связи ЭИ обнаружила с основательностью и самостоятельностью выбора, то есть с когнитивными параметрами качественного выбора.

Ограничения

Среди ограничений исследования можно назвать риск погрешности экспертной оценки, некоторую вероятность получения социально желательных ответов на вопросы интервью и при заполнении опросников, небольшой объем выборки, который был минимально возможным для того, чтобы заявить о присутствии корреляционных связей, специфичность выборки, поскольку исследование проводилось на учащихся государственных учреждений Москвы. Проведение дополнительных серий исследования с привлечением участников из других стран и регионов, увеличение выборки, усложнение процедур качественного и количественного анализа данных, вне сомнения, позволит сделать работу более масштабной и повысит ее научную ценность. Тем не менее мы надеемся, что уже обнаруженные данные о связи качества выбора и экзистенциальных мотиваций способны пролить свет на ряд важных вопросов, волнующих не только исследователей, специалистов в области экзистенциальной психологии, психологии личности и мотивации, но и педагогов, психологов-практиков, родителей и самих молодых людей, стоящих на пороге выбора вуза и профессии.

Литература

- Батина Е. В. Выбор темы выпускной квалификационной работы студентами бакалаврами психолого-педагогического направления подготовки // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Образование. Педагогические науки. 2024. Т. 16. № 1. С. 16–25. <https://doi.org/10.14529/ped240102>
- Волкова Н. Н. Формирование мотивации осознанного выбора профессии студентами, обучающимися по специальности среднего профессионального образования 40.02.02 «Правоохранительная деятельность» // Вестник науки. 2023. № 11 (68). С. 809–813. URL: <https://www.vestnik-nauki.ru> (дата обращения: 25.06.2025).
- Дворецкая Т. А. Предикторы динамики внешней и внутренней направленности учебной мотивации у студентов // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. 2019. Вып. 3 (832). С. 233–242.
- Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003.
- Кохан С. Т., Виноградова Н. И. Гендерные модели самоопределения и мотивации при выборе профессии студентов-первокурсников // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2023. Т. 18. № 2. С. 155–164. <https://doi.org/10.21209/2658-7114-2022-18-2-155-164>

- Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2019.
- Лэнгле А. Жизнь, наполненная смыслом: Прикладная логотерапия. М.: Генезис, 2004.
- Лэнгле А. Что движет человеком? Экзистенциальная мотивация // Person. Эксперимент и инновации в школе. 2013. № 1. С. 48–58.
- Новикова Т. О., Потапова Е. А., Сахно Л. В., Колтунцева И. В. Самоопределение и мотивация выбора специальности студентами педиатрического факультета // Детская медицина Северо-Запада. 2023. Т. 11. Спецвып. С. 13.
- Сидоров Д. Г. Вектор мотивации у студентов вуза в выборе профессиональной специальности // Современные социально-экономические процессы: проблемы, тенденции и перспективы развития. Пенза: Наука и просвещение, 2023. С. 155–165.
- Телеушева Д. Н. Мотивация к получению высшего образования у современной российской молодежи // Шаг в науку. 2023. № 1. С. 87–90.
- Фадлалла Х. Р. Особенности мотивации при выборе иностранным студентом будущей профессии // 81-я Международная научно-практическая конференция молодых ученых и студентов «Актуальные проблемы экспериментальной и клинической медицины»: сборник статей. Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2023. С. 75–76.
- Фам А. Х. Качество выбора как психологическая проблема // Психология личности: пребывание в изменении. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. С. 448–484.
- Шилова Н. П. Взаимосвязь интересов в собственном образовании и сформированности умения делать выбор в юношеском возрасте // Психологопедагогические исследования. 2023. Т. 15. № 2. С. 32–48. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2023150203>
- Шумский В. Б., Уколова Е. М., Осин Е. Н., Лупандина Я. Д. Диагностика экзистенциальной исполненности: оригинальная русскоязычная версия теста экзистенциальных мотиваций // Психология. Журнал ВШЭ. 2016. № 13 (4). С. 763–788. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-4-763-788>
- Awadi S., Al Sharie S., Faiyoumi B. A., Alzu’bi E., Hailat L., Al-Keder B. Factors affecting medical student’s decision in choosing a future career specialty: A cross-sectional study // Annals of Medicine and Surgery. 2022. No. 74. P. 1–7. <https://doi.org/10.1016/j.amsu.2022.103305>
- Holzer B. M., Ramuz O., Minder C. E., Zimmerli L. Motivation and personality factors of generation Z high school students aspiring to study human medicine // BMC Medical Education. 2022. Vol. 22. No. 31. P. 1–10. <https://doi.org/10.1186/s12909-021-03099-4>
- Leontiev D. A., Osin E. N., Fam A. K., Ovchinnikova E. Yu. How you choose is as important as what you choose: Subjective quality of choice predicts well-being and academic performance // Current Psychology. 2022. Vol. 41. No. 9. P. 6439–6451. <https://doi.org/10.1007/s12144-020-01124-1>
- Mann-Isah N. A., Ameen N., Jassim G. Career choices among medical students and factors influencing their choices // Global Journal of Health Science. 2024. No. 11 (4). P. 132–137. <https://doi.org/10.5539/gjhs.v11n4p132>
- Ryan R. M., Deci E. L. Intrinsic and extrinsic motivation from a self-determination theory perspective: Definitions, theory, practices, and future directions // Contemporary Educational Psychology. 2020. No. 61. P. 1–11. <https://doi.org/10.1016/j.cedpsych.2020.101860>
- Uyen Binh P. D., Vo Thi M. T., Hoai Do T. T., Huynh G., Tran M. H., Phung H. N., An P. L. Depression in final-year medical students in Ho Chi Minh City, Vietnam: The role of career-choice motivation // Journal of Medical Education and Curricular Development. 2024. Vol. 11. P. 1–9. <https://doi.org/10.1177/23821205241238602>
- Vlassopoulos G., Karikas G. A., Papageorgiou E., Psaromiligos I., Giannouli N., Vlassopoulou P., Karkalousos P. The quality of counseling and vocational orientation (CVO) and its effectiveness in secondary and higher vocational education. Preview of the educational community and alumni views // Open Journal of Social Sciences. 2024. Vol. 12. No. 9. P. 417–441. <https://doi.org/10.4236/jss.2024.129024>

Статья поступила в редакцию 11 января 2025 г.;
рекомендована к печати 12 мая 2025 г.

Контактная информация:

Фам Анна Хунговна — канд. психол. наук; <https://orcid.org/0000-0002-3523-6705>, afam@hse.ru
Козырева Полина Александровна — <https://orcid.org/0009-0002-6575-4287>,
Polina.tarasenkova@gmail.com

Quality of career and university choice: Relationship with existential motivation*

A. H. Fam^a, P. A. Kozyreva

HSE University,
20, ul. Myasnitskaya, Moscow, 101000, Russian Federation

For citation: Fam A. H., Kozyreva P. A. Quality of career and university choice: Relationship with existential motivation. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2025, vol. 15, issue 3, pp. 403–417. EDN DAALPH (In Russian)

The motivational side of career choice is actively studied by domestic and foreign psychologists. Meanwhile, the relation between the applicant motivation and the quality of career and university choice rarely becomes the subject of targeted scientific research. The article proposes an existential-activity view of career self-determination, based on the D. Leontiev's model of choice as a complex internal activity and the main provisions of A. Längle's existential analysis. Aspects of the subjective quality of choosing a university and profession (elaboration, emotional valence, autonomy, and satisfaction with the outcome) are considered in relation to fundamental existential motivations — as manifestations of the existential fulfillment. To study the connection between the quality of career choice and the leading existential motivation of a personality, a two-series qualitative-quantitative study was developed, conducted on two different samples of prospective Moscow university students (the first series is a longitudinal study). An in-depth semi-structured interview, an essay "My career choice", the "Subjective Quality of Choice" questionnaire, and the "Existential Motivation Test" were used as data collection methods, and quantitative and qualitative content analysis, expert assessment method and correlation analysis were used as data processing methods. The study confirmed the following hypotheses: 1) the experience of career choice quality before and after entering the selected university remains consistent, as a relatively stable variable; 2) a higher quality of career choice is achieved with leading existential motivations of a "higher" level; and 3) the subjective quality of career choice shows a direct and significant correlation with the level of existential fulfillment of the individual. The research results have both practical and scientific value, raising a fundamentally new question in personality psychology regarding the relationship between the attitude to career choice and components of existential fulfillment (the attitude towards the world, life, self and one's future).

Keywords: career choice, university choice, choice quality, existential motivation, existential fulfillment.

References

- Awadi, S., Al Sharie, S., Faiyoumi, B. A., Alzu'bi, E., Hailat, L., Al-Keder, B. (2022). Factors affecting medical students' decision in choosing a future career specialty: A cross-sectional study. *Annals of Medicine and Surgery*, 74: 1–7. <https://doi.org/10.1016/j.amsu.2022.103305>

* The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 23-78-10174, <https://rscf.ru/project/23-78-10174/>.

^a Author for correspondence.

- Batina, E. V. (2024). Choosing a topic for bachelor's thesis by students in the field of psycho-pedagogical education. *Vestnik Yuzhno-ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki*, 16 (1): 16–25. <https://doi.org/10.14529/ped240102> (In Russian)
- Dvoretskaya, T. A. (2019). Predictors of dynamics of external and internal orientation of educational motivation in students. *Vestnik MGLU. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki*, 3 (832): 233–242. (In Russian)
- Fadlalla, Kh. R. (2023). Motivation features in career choice among international students. In: *81-ia Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaia konferentsia molodykh uchenykh i studentov "Aktual'nye problemy eksperimental'noi i klinicheskoi meditsiny"* (pp. 75–76). Volgograd, VolGMU Press. (In Russian)
- Fam, A. K. (2019). Quality of choice as a psychological issue. In N. V. Grishina (ed.). *Psichologiiia lichnosti. Prebyvanie v izmenenii* (pp. 448–484). St. Petersburg, St. Petersburg University Press. (In Russian)
- Holzer, B. M., Ramuz, O., Minder, C. E., Zimmerli, L. (2022). Motivation and personality factors of generation Z high school students aspiring to study human medicine. *BMC Medical Education*, 22 (31): 1–10. <https://doi.org/10.1186/s12909-021-03099-4>
- Kvale, S. (2003). *Research interviewing*. Moscow, Smysl Publ. (In Russian)
- Kokhan, S. T., Vinogradova, N. I. (2023). Gender models of self-determination and motivation in career choice of first-year students. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 18 (2): 155–164. <https://doi.org/10.21209/2658-7114-2022-18-2-155-164>
- Leontiev, D. A. (2019). *The psychology of meaning: Nature, structure, and dynamics of meaningful reality*. Moscow, Smysl Publ. (In Russian)
- Leontiev, D. A., Osin, E. N., Fam, A. K., Ovchinnikova, E. Yu. (2022). How you choose is as important as what you choose: Subjective quality of choice predicts well-being and academic performance. *Current Psychology*, 41 (9): 6439–6451. <https://doi.org/10.1007/s12144-020-01124-1>
- Längle, A. (2004). *Life filled with meaning: Applied logotherapy*. Moscow, Genesis Publ. (In Russian)
- Längle, A. (2013). What drives a person? Existential motivation. *Person. Experiment and Innovation in School*, 1: 48–58. (In Russian)
- Mann-Isah, N. A., Ameen, N., Jassim, G. (2024). Career choices among medical students and factors influencing their choices. *Global Journal of Health Science*, 11 (4): 132–137. <https://doi.org/10.5539/gjhs.v11n4p132>
- Novikova, T. O., Potapova, E. A., Sakhno, L. V., Koltuntseva, I. V. (2023). Self-determination and career choice motivation among students of the pediatric faculty. *Detskaia meditsina Severo-Zapada*, 11 (Special Issue): 13. (In Russian)
- Ryan, R. M., Deci, E. L. (2020). Intrinsic and extrinsic motivation from a self-determination theory perspective: Definitions, theory, practices, and future directions. *Contemporary Educational Psychology*, 61, 1–11. <https://doi.org/10.1016/j.cedpsych.2020.101860>
- Sidorov, D. G. (2023). Vector of motivation among university students in choosing a professional specialty. In G. Yu. Gulyaev (ed.). *Sovremennye sotsial'no-ekonomicheskie protsessy: problemy, tendentsii i perspektivy razvitiya* (pp. 155–165). Penza, Nauka i prosveschenie Publ. (In Russian)
- Shilova, N. P. (2023). Relationship between interests in education and the formation of the ability to make choices in adolescence. *Psichologo-pedagogicheskie issledovaniia*, 15 (2), 32–48. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2023150203>
- Shumskiy, V. B., Ukolova, E. M., Osin, E. N., Lupandina, Ya. D. (2016). Diagnosing existential fulfillment: Original Russian version of the existential motivations test. *Psichologiiia. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 13 (4): 763–788. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-4-763-788>
- Teleusheva, D. N. (2023). Motivation for higher education among modern Russian youth. *Shag v nauku*, 1: 87–90. (In Russian)
- Uyen Binh, P. D., Vo Thi, M. T., Hoai Do, T. T., Huynh, G., Tran, M. H., Phung, H. N., An, P. L. (2024). Depression in final-year medical students in Ho Chi Minh City, Vietnam: The role of career-choice motivation. *Journal of Medical Education and Curricular Development*, 11: 1–9. <https://doi.org/10.1177/23821205241238602>
- Vlassopoulos, G., Karikas, G. A., Papageorgiou, E., Psaromiligos, I., Giannouli, N., Vlassopoulou, P., Karkalousos, P. (2024). The quality of counseling and vocational orientation (CVO) and its effectiveness in secondary and higher vocational education. Preview of the educational community and alumni views. *Open Journal of Social Sciences*, 12 (9): 417–441. <https://doi.org/10.4236/jss.2024129024>

Volkova, N. N. (2023). Formation of motivation for conscious career choice among students studying in the middle professional education specialty 40.02.02 “Law Enforcement Activities”. *Vestnik nauki*, 11 (68): 809–813. Available at: <https://www.вестник-науки.рф> (accessed: 19.12.2024). (In Russian)

Received: January 11, 2025

Accepted: May 12, 2025

Authors' information:

Anna Kh. Fam — PhD in Psychology; <https://orcid.org/0000-0002-3523-6705>, afam@hse.ru
Polina A. Kozyreva — <https://orcid.org/0009-0002-6575-4287>, Polina.tarasenkova@gmail.com

Связь самоотношения и групповой идентичности у юных спортсменов-боксеров: половозрастные особенности

Р. С. Волков^{1a}, М. Е. Сачкова^{2,3}

¹ Российская Федерация, 141033, Мытищи, ул. Фабричная, 15

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российской Федерацией, 119571, Москва, пр. Вернадского, 84

³ Московский государственный психолого-педагогический университет, Российской Федерации, 127051, Москва, ул. Сретенка, 29

Для цитирования: Волков Р.С., Сачкова М.Е. Связь самоотношения и групповой идентичности у юных спортсменов-боксеров: половозрастные особенности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 3. С. 418–431. EDN СТНДДА

Актуальность и новизна исследования обусловлены тем, что в результате теоретико-методологического анализа научной литературы было обнаружено, что отсутствуют достоверные данные, раскрывающие детерминанты и характер связи между самоотношением и групповой идентичностью у юных спортсменов. Целью исследования стало выявление связи между компонентами самоотношения и групповой идентичности у спортсменов подростково-юношеского возраста, а также анализ половозрастной специфики данной связи. В исследовании приняли участие 360 спортсменов в равном соотношении мужского и женского пола, в возрасте от 15 до 18 лет, состоящие в Федерации бокса России. Выборка была разделена на две подгруппы: старшие подростки ($n=180$, возраст 15–16 лет) и юниоры ($n=180$, возраст 17–18 лет). В исследовании использовались Опросник самоотношения В.В. Столина и С.Р. Пантилееева; опросник групповой идентичности А.Р. Грациани, М. Рубини, А. Палмонари, С. Костарелли, Р.М. Калла в адаптации О.В. Васьковой. В результате исследования установлена связь между компонентами самоотношения и групповой идентичности. В подростковом возрасте самоинтерес и самоуверенность напрямую связаны с коллективной самооценкой. В юношеский период самоуважение положительно коррелирует с ин-групповой связью, а межгрупповая конкуренция отрицательно связана с аутосимпатией и самообвинением. У мальчиков-спортсменов глобальное самоотношение напрямую связано с нисходящим сравнением и межгрупповой конкуренцией, а центральность отрицательно связана с самообвинением. У девочек-спортсменок коллективная самооценка положительно связана с глобальным самоотношением. Полученные данные расширяют и дополняют научную базу представлений о функционировании и развитии феномена идентичности, а также свидетельствуют о том, что связь между компонентами самоотношения и групповой идентичностью у спортсменов в подростково-юношеский период носит как прямой, так и обратный характер и при этом детерминирована половозрастными различиями.

Ключевые слова: самоотношение, групповая идентичность, спортсмены-боксеры, подростково-юношеский возраст, девушки и юноши.

^a Автор для корреспонденции.

Введение

Несмотря на то что проблема идентичности в настоящее время является как никогда актуальной в психологии, в научном дискурсе по-прежнему нет универсального подхода к ее решению (Ильин, 2021). В зарубежной и отечественной психологии разрабатываются понятия, родственные идентичности: «самосознание», «самопознание», «самооценка», «Я-образ», «самость» и др. Некоторые авторы рассматривают данный вопрос в контексте социального окружения и группового взаимодействия, изучая возрастные и гендерные особенности идентичности. В исследованиях доказывается, что в процессе взросления могут преобладать разные виды идентичности (социальная — в подростковом возрасте с 12 до 16 лет, личностная — в юношеский период с 17 до 18 лет), при этом отмечается, что у респондентов женского пола эти этапы хронологически проходят раньше, чем у мужского (Полежаев, 2022).

Анализ литературы показал, что большинство современных исследований данного феномена базируются на положениях теории социальной идентичности (ТСИ) и теории самокатегоризации (ТСК), в том числе при изучении спортивных организаций (Tajfel, Turner, 1985; Murray, Sabiston, 2021; Murray et al., 2022). В рамках данного подхода под идентичностью понимается социально-психологический конструкт, состоящий из двух видов идентичности — личностной и социальной, представляющих собой два полюса одного континуума. Личностная идентичность (ЛИ) состоит из набора индивидуальных характеристик субъекта (например, его физических и психологических качеств), на основании которых он отличает себя от других людей. Социальная идентичность (СИ) показывает, с какими социальными группами отождествляет себя индивид на разных этапах социализации (например, по гендеру, расе, этносу, профессии и др.). В соответствии с личностной идентичностью субъект действует в логике собственных интересов и убеждений, а в соответствии с социальной — внутригрупповых (Sunderji et al., 2024). При этом в структуре СИ принято выделять когнитивный компонент, характеризующий процесс самокатегоризации, в результате которого происходит разделение групп на «мы» (ин-группы) и «они» (аут-группы); аффективный компонент, показывающий, насколько индивид удовлетворен членством в ин-группе; поведенческий компонент, отвечающий за приверженность логике групповой принадлежности (Bruner, Benson, 2018).

Важно отметить, что в психологической науке обнаруживаются противоречия в определении понятий социальной и групповой идентичности. Одни авторы считают, что данные категории близки либо составляют нераздельный конструкт, другие, наоборот, их разводят — относят социальную идентичность к более крупным социальным феноменам (гендер, национальность и др.), а групповую идентичность рассматривают только применительно к малым группам (рабочий коллектив, школьный класс, спортивная секция и др.). При этом считается, что социальная идентичность формируется в процессе межгруппового сравнения, а групповая связана в большей степени с ин-групповыми процессами, когда члены внутри группы сравнивают себя, например, с ее лидером (Сидоренков и др., 2019).

Идеи ТСИ и ТСК широко используются для решения социально-психологических проблем в рамках общеобразовательных институтов. Например, М. Ю. Григорьева подробно описала этапы формирования идентичности подростков через включение их в референтные группы (Григорьева, 2020). В работе Т. Риса (T. Rees)

с коллегами показано, как при помощи манипуляции с показателями групповой идентичности можно добиваться выработки качеств лидеров спортивных команд (Rees et al., 2015). В недавнем нашем исследовании была выявлена связь между компонентами групповой идентичности и спортивными достижениями, обусловленная половозрастными особенностями спортсменов (Сачкова, Волков, 2022). Аналогичные результаты были получены в другой работе, где Ю. Кун (Yu. Kong) и Чж. Дуань (J. Duan) повторно подтвердили гипотезу о наличии связи между идентичностью и результативностью в спорте (Kong, Duan, 2024).

В рамках отечественной психологии при изучении личностной идентичности достаточно часто используется концепт «самоотношение», который является центральным ее элементом и выполняет интегрирующую и оценивающую функцию различных аспектов Я. Большинство авторов считают, что подростково-юношеский период является наиболее значимым в формировании самоотношения, однако зачастую приходится специально создавать благоприятные условия для его развития (Вэтра, Ганишина, 2021; Якиманская, 2022). Так, в работе Т. И. Леоновой доказано, что у девушек по мере взросления конструкт самоотношения приобретает более согласованный (целостный) характер в том случае, если они на практике могут реализовать собственные возможности (Леонова, 2022). С. М. Колкова и Ю. О. Паршин показали наличие связи между самоотношением и профессиональным самоопределением старшеклассников (Колкова, Паршин, 2018). М. А. Рушина и А. В. Орлова выявили половые различия в самоотношении: оказалось, что показатели самоуважения у юношей выше, чем у девушек из-за более высокой самоуверенности и саморуководства (Рушина, Орлова, 2015).

И. С. Якиманская пришла к выводу, что по некоторым компонентам самоотношения у подростков-спортсменов показатели выше, чем у их сверстников, не занимающихся спортом (Якиманская, 2022). При этом важно отметить, что пол респондентов, мнение членов их семей и друзей по-прежнему являются весомыми детерминантами выбора спортивной дисциплины (Mateo-Orcajada et al., 2021). А. В. Вэтра и И. С. Ганишина обнаружили, что в группах закрытого типа подросткам необходима регулярная психологическая поддержка в связи с тем, что они обладают чрезмерно высокими или низкими показателями самоотношения (Вэтра, Ганишина, 2021). Схожие результаты получили В. В. Кузнецов и С. Н. Трегубова, изучавшие спортсменов, занимающихся единоборствами: авторы зафиксировали недостаточно высокие показатели самоуважения и низкие показатели самообвинения (Кузнецов, Трегубова, 2020). С. Н. Шихвердиев установил, что на заключительном этапе спортивной карьеры большинство спортсменов переживают кризис самоотношения: снижается аутосимпатия и самоуважение, при этом растет самообвинение (Шихвердиев, 2010). В недавнем нашем исследовании также были зафиксированы чрезмерно высокие и низкие показатели компонентов самоотношения у спортсменов-боксеров и выявлена связь между самоотношением и эффективностью в спорте, детерминированная половозрастными особенностями респондентов (Волков, 2022).

В итоге можно сделать вывод, что в целом подходы к изучению идентичности у зарубежных и отечественных психологов по большинству аспектов, а именно в отношении выделения видов и компонентов идентичности, а также набора факторов, обуславливающих ее становление, совпадают. Однако более детальный ана-

лиз показал, что, в зависимости от теоретико-методологического подхода, а также состава выборки респондентов (например, пола, возраста, групповой принадлежности) появляются расхождения в данных. Важно также отметить, что компоненты самоотношения и групповой идентичности могут быть по-разному (положительно и отрицательно) связаны с уровнем спортивных достижений. Поэтому вопрос, каким образом они соотносятся у спортсменов между собой, по-прежнему остается открытым. При этом детальный анализ данных процессов может быть полезен специалистам для своевременной оценки актуальной выраженности компонентов самоотношения и групповой идентичности юных спортсменов, что в результате может стать научно обоснованной базой для оказания содействия их более гармоничному развитию.

Таким образом, целью исследования стало выявление связи между компонентами самоотношения и групповой идентичности у спортсменов-боксеров подростково-юношеского возраста. В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что существует связь между компонентами самоотношения и групповой идентичности, а также что данная связь имеет специфику в соответствии с поло-возрастными особенностями спортсменов.

Методы

Описание выборки исследования. В исследовании принимали участие 360 чел., являющихся членами Федерации бокса России. Далее выборка была разделена на две подгруппы: 1-я группа — старшие подростки (180 чел.) в возрасте 15–16 лет; 2-я группа — юниоры (180 чел.) в возрасте 17–18 лет. По полу участники были распределены поровну.

Методы исследования. Исследование проводилось в очном формате на текущих соревнованиях, где участники добровольно заполняли анкету (социодемографические данные: пол, возраст, стаж занятий боксом, спортивный разряд, район проживания, лучшие спортивные результаты за последние сезоны) и два социально-психологических опросника. В ходе исследования применялся Опросник самоотношения (ОСО), разработанный В. В. Столиным и С. Р. Пантилеевым (Столин, Пантилеев, 1988). Для исследования групповой идентичности был использован опросник А. Р. Грациани, М. Рубини, А. Палмонари, С. Костарелли, Р. М. Калла в адаптации О. В. Васьковой (Васькова, 2013). Компоненты групповой идентичности (когнитивный, аффективный, поведенческий) оценивались участниками исследования по 7-балльной шкале Лайкера.

Для статистического подсчета данных был применен коэффициент ранговой корреляции r -Спирмена. При проверке исследовательской гипотезы использовалась поправка на множественные сравнения Холма — Бонферрони.

Результаты

Данные описательной статистики результатов исследования были нами представлены и подробно описаны в предыдущих работах (Волков, 2022; Сачкова, Волков, 2022). Однако необходимо особо отметить, что в общей группе ($n=360$) ког-

нитивные компоненты самоотношения (самопринятие и самоинтерес) оказались более выражены, чем аффективные (ожидающее отношение от других и самообвинение) или поведенческие компоненты (саморуководство и самоуверенность). При этом установлено, что в юношеском возрасте показатели самоотношения выше, чем в старшем подростковом, а в группах, разделенных по полу, они ярче выражены у представителей женского пола, нежели у мужского.

Групповая идентичность юных спортсменов в большей степени представлена аффективными (сплоченность и коллективная самооценка), нежели когнитивными (нисходящее сравнение и центральность) и поведенческими компонентами (межгрупповая конкуренция и времяпрепровождение). Возрастная специфика проявляется в том, что у юниоров аффективные и поведенческие компоненты ярче выражены, чем у подростков, при этом различий по полу практически нет.

При статистической проверке гипотез были получены следующие результаты (табл. 1, 2).

В **группе старших подростков** ($n=180$, 15–16 лет) рост показателей самоинтереса ($r=0,20$, $p<0,01$) и самоуверенности ($r=0,30$, $p<0,001$) напрямую связан с повышением коллективной самооценки (степенью удовлетворенности членством спортивной группы). Рост глобального самоотношения (когнитивное, эмоциональное и волевое принятие своего Я) связан с повышением нисходящего сравнения (сравнения себя с другими членами группы в свою пользу) ($r=0,30$, $p<0,001$). Интересной находкой оказалось то, что у подростков одновременно с повышением самопонимания (на групповом уровне: роль членства в конструировании Я-образа) снижаются показатели самоинтереса (появляется недооценка своего Я) ($r=-0,20$, $p<0,01$) и самоуверенности (целеустремленности) ($r=-0,21$, $p<0,01$).

В **группе юношеского возраста** ($n=180$, 17–18 лет) повышение самоуважения (стремление к достижению поставленных целей) ($r=0,19$, $p<0,01$), самоинтереса ($r=0,20$, $p<0,01$), самопонимания ($r=0,30$, $p<0,001$) напрямую коррелируют с усилением ин-групповой связи (степенью вовлеченности спортсменов во взаимодействии с другими членами спортивной группы). Чем выше аутосимпатия (эмоциональное принятие собственного Я), тем выше коллективная самооценка (степень удовлетворенности членством в спортивной группе) ($r=0,27$, $p<0,001$) и самопонимание на групповом уровне ($r=0,22$, $p<0,01$). Интересной находкой оказалось то, что у юниоров наряду с повышением показателей межгрупповой конкуренции одновременно снижаются показатели аутосимпатии (появляется эмоциональное безразличие к своему Я) ($r=-0,24$, $p<0,01$) и самообвинения (снижение самокритики в адрес своего Я) ($r=-0,23$, $p<0,01$).

В группе юношей ($n=180$) показатели глобального самоотношения напрямую связаны с нисходящим сравнением ($r=0,22$, $p<0,001$) и межгрупповой конкуренцией ($r=0,33$, $p<0,001$). Межгрупповая конкуренция одновременно повышает самоуважение ($r=0,20$, $p<0,01$) и ожидаемое отношение от других ($r=0,20$, $p<0,01$). При этом с повышением показателей центральности (значимости для Я-концепции членства в группе) снижаются показатели самообвинения ($r=-0,20$, $p<0,01$), а с повышением коллективной самооценки снижается ожидаемое отношение от других ($r=-0,23$, $p<0,01$).

В группе девушек ($n=180$) коллективная самооценка растет с повышением глобального самоотношения ($r=0,43$, $p<0,001$), самоуважения ($r=0,33$, $p<0,001$),

Таблица 1. Связь между компонентами самоотношения и групповой идентичности в разных возрастных группах ($n=180$, коэффициент Спирмена)

Шкалы	1. ИС	2. ИЧ	3. КС	4. СП	5. НС	6. ЦН	7. СПЛ	8. МК	9. ВП	10. Об
Юниоры (17–18 лет)										
Глобальное самоотношение	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Самоуважение	0,19*	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Аутосимпатия	–	–	0,19*	0,27**	–	–	–	–0,24*	–	–
Ожидаемое отношение 1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Самоинтерес 1	0,20*	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Самоуверенность	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Ожидаемое отношение 2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Самопринятие	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Саморуководство	–	–	–	–	–	–	–	–0,23*	–	–
Самообвинение	–	–	–	0,21*	–	–	–	–	–	–
Самопонимание	0,30**	–	0,22*	–	–	–	–	–	–	–
Самоинтерес 2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Старшие подростки (15–16 лет)										
Глобальное самоотношение	–	–	–	–	0,30**	–	–	–	–	–
Самоуважение	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Аутосимпатия	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Ожидаемое отношение	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Самоинтерес	–	–	0,20*	–0,20*	–	–	–	–	–	–
Самоуверенность	–	–	0,23*	–0,21*	–	–	–	–	–	–
Ожидаемое отношение 2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Самопринятие	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Саморуководство	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Самообвинение	–	–	–	–	–0,20*	–	–	–0,20*	–	–
Самопонимание	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Самоинтерес 2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Примечания: 1. ИС — ин-групповые связи; 2. ИГ — ин-групповые чувства; 3. КС — коллективная самооценка; 4. СП — самопонимание; 5. НС — нисходящее сравнение; 6. ЦН — центральность; 7. СПЛ — сплоченность; 8. МК — межгрупповая конкуренция; 9. ВП — времяпрепровождение; 10. Об — общая групповая идентичность. * Корреляция значима при $p < 0,01$. ** Корреляция значима при $p < 0,001$ (с поправкой на множественные сравнения Холма — Бонферрони).

Таблица 2. Связь между компонентами самоотношения и групповой идентичности в группах, разделенных по полу (n = 180, коэффициент Спирмена)

Шкалы	1. ИС	2. ИЧ	3. КС	4. СП	5. НС	6. ЦН	7. СПЛ	8. МК	9. ВП	10. Об
Юноши										
Глобальное самоотношение	–	–	–	–	0,22**	0,21*	–	0,30**	–	–
Самоуважение	–	–	–	–	–	–	–	0,20*	–	–
Аутосимпатия	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Ожидаемое отношение 1	–	–	-0,23*	–	–	–	–	0,20*	–	–
Самоинтерес 1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Самоуверенность	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Ожидаемое отношение 2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Самопринятие	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Саморуководство	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Самообвинение	–	–	–	–	–	-0,20*	–	–	–	–
Самопонимание	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Самоинтерес 2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Девушки										
Глобальное самоотношение	0,30**	–	0,43**	–	–	–	–	–	–	–
Самоуважение	0,24*	–	0,33**	–	–	–	–	–	–	–
Аутосимпатия	–	–	0,35**	–	–	–	–	–	–	–
Ожидаемое отношение	–	–	0,27*	–	–	–	–	–	–	–
Самоинтерес	–	–	0,21*	–	–	–	–	–	–	–
Самоуверенность	–	–	0,20*	–	–	–	–	–	–	–
Ожидаемое отношение 2	–	–	0,32**	–	–	–	–	–	–	–
Самопринятие	0,21*	–	0,38**	-0,22*	–	–	–	-0,23*	–	–
Саморуководство	–	–	0,27**	–	–	–	–	–	–	–
Самообвинение	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Самопонимание	0,27**	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Самоинтерес 2	–	–	0,26*	–	–	–	–	–	–	–

Примечания: * Корреляция значима при $p < 0,01$, ** Корреляция значима при $p < 0,001$ (с поправкой на множественные сравнения Холма — Бонферрони). Условные обозначения см. в прим. к табл. 1.

аутосимпатии ($r=0,35, p<0,001$), ожидаемого отношения от других ($r=0,32, p<0,001$), самопринятия ($r=0,38, p<0,001$), саморуководства ($r=0,27, p<0,001$). Несомненно, интерес вызывает тот факт, что у девушек одновременно с повышением самопринятия снижаются показатели самопонимания ($r=-0,22, p<0,01$) и межгрупповой конкуренции ($r=-0,23, p<0,01$).

Таким образом, можно заключить, что существуют как отрицательные, так и положительные связи между компонентами самоотношения и групповой идентичности у спортсменов, разделенных по полу и возрасту. При этом достаточно много параметров, по которым связи слабые или полностью отсутствуют.

Обсуждение результатов

Корреляционный анализ показал, что связь между самоотношением и групповой идентичностью у подростков и юношей, занимающихся боксом, различается по силе и набору компонентов. В подростковом периоде положительная эмоциональная связь с группой повышается вместе с самоинтересом и самоуверенностью. Объяснить это можно тем, что по мере углубления занятий боксом юноши и девушки становятся физически сильнее и выносливее, в том числе приобретают специальные навыки, за счет которых у них может возникать чувство некоего превосходства над другими сверстниками (Якиманская, 2022; Murray et al., 2022). С другой стороны, связь между глобальным самоотношением и нисходящим сравнением в пользу своего Я можно объяснить так: на базе учебно-тренировочных групп происходит регулярный приток новичков (как правило, более низкой спортивной квалификации), поэтому можно предположить, что большинство спортсменов сравнивают себя с ними, а не с лидерами группы, что в какой-то мере противоречит ряду других, уже имеющихся данных (Rees et al., 2015). Отрицательную корреляцию самоинтереса и самопонимания (роль членства в конструировании Я-образа), условно можно объяснить тем, что бокс — это индивидуальный вид спорта, поэтому личный успех боксеров прежде всего зависит от самоактуализации, а не групповой оценки (Kong, Duan, 2024).

В юношеский период наблюдается иная картина. В данном возрасте начинает преобладать личностное самоопределение над групповыми интересами (Рушина, Орлова, 2015). Спортсмены переводятся в группы спортивного совершенствования, где за счет профессиональной селекции остаются наиболее способные и успешные. На фоне усиления дифференциации чувства «мы» и «они», естественно, может расти ин-групповая связь между ее членами, а по мере достижения высоких спортивных результатов повышается самоуважение, самоинтерес, самопонимание (Кузнецов, Трегубова, 2020). Тренировки на данном этапе спортивной карьеры приобретают все более специализированный характер, а групповое взаимодействие подчинено достижению не только групповых, но и индивидуальных целей. Так можно объяснить прямую корреляцию между эмоциональной связью с группой и установками на самоизменение. Одновременное снижение межгрупповой конкуренции и завышение самооценки можно проинтерпретировать с позиций юношеского максимализма, характерного для данного возраста (Григорьева, 2020; Jochimek, Lada, 2019).

Выявленные корреляции между самоотношением и групповой идентичностью в группах, разделенных по полу, различны по силе и по набору компонентов.

У мальчиков-боксеров глобальное самоотношение напрямую связано с нисходящим сравнением и межгрупповой конкуренцией. При этом межгрупповая конкуренция положительно коррелирует с самоуверенностью и ожидаемым отношением от других. Одновременно с повышением чувства удовлетворенности от членства в группе снижается ожидаемое отношение от других и самокритика (проявляется самодовольство). У девушек-боксеров, наоборот, глобальное самоотношение улучшается вместе с коллективной самооценкой, а высокие показатели межгрупповой конкуренции обратно связаны с самопониманием. Подобные результаты мы объясняем тем, что бокс по-прежнему относится к условно маскулинным видам спорта, где высокая конкуренция требует от спортсменов проявления агрессивных моделей поведения в отношении как соперников, так и членов ин-группы, что в принципе нехарактерно для фемининного типа взаимоотношений (Murray, Sabiston, 2021). Таким образом, можно предположить, что девушки занимаются боксом (вступают в групповые отношения) прежде всего для установления новых эмоциональных контактов, в отличие от мальчиков, для которых первостепенно именно достижение высоких спортивных результатов, другими словами, у них различаются мотивы участия в спортивной деятельности (Murray et al., 2022).

Интересно, что в группе подростков аффективный компонент групповой идентичности (удовлетворенность членством в группе) положительно связан с поведенческим компонентом самоотношения (повышает уверенность в своих силах и целеустремленность). Однако прослеживается и другая тенденция: одновременно с ростом когнитивного компонента групповой идентичности (роли группы в осознании и конструировании собственной Я-концепции) снижается поведенческий компонент самоотношения (установка действовать в логике собственных интересов), при этом аналогичной картины в группе юниоров не наблюдается. На наш взгляд, такие результаты можно объяснить тем, что спортсмены-подростки в большей степени, чем юниоры, поддерживают друг друга в сложных ситуациях, в том числе на соревнованиях. При этом в процессе взросления начинают вступать в противоречие личностные и групповые интересы (например, усиливается внутригрупповая конкуренция за лидерство), что в итоге приводит к наблюдаемым различиям.

Важно также отметить, что у юношей когнитивный компонент групповой идентичности (осознание себя членом ин-группы) обратно связан с аффективным компонентом самоотношения (эмоциональная оценка собственного Я), то есть одновременно снижается самокритика и повышается роль группы в формировании Я-концепции. У девушек с ростом аффективного компонента групповой идентичности (удовлетворенность членством в группе) обоюдно повышаются все компоненты самоотношения, а вот высокие оценки поведенческого компонента групповой идентичности (степень межгрупповой конкуренции) обратно связаны с аффективным компонентом самоотношения (одобрением своих планов и принятием себя такими, какие они есть). Таким образом, можно констатировать, что у мальчиков самоотношение и групповая идентичность при занятии боксом в большей степени связаны с межгрупповой конкуренцией, а у девушек — с внутригрупповым эмоциональным отношением.

Выводы

Подводя итоги эмпирико-теоретического исследования, можно прийти к следующим выводам:

1. Гипотеза о наличии связи между самоотношением и группой идентичностью у спортсменов в старшем подростковом и юношеском возрасте подтвердилась частично: только некоторые компоненты взаимосвязаны друг с другом, при этом ярко проявляется половозрастная специфика.

2. В старшем подростковом возрасте (15–16 лет) у спортсменов-боксеров связь неоднородная (разнонаправленная). Одновременно с повышением самоинтереса и самоуверенности растет коллективная самооценка (степень удовлетворенности членством спортивной группы), но снижается самопонимание спортсменов (роль членства в группе для конструирования собственного Я-образа).

3. В юношеский период повышение самоуважения, самоинтереса, самопонимания напрямую связано с увеличением ин-групповой связи (степенью вовлеченности во взаимодействии с другими членами спортивной группы). При этом при повышении межгрупповой конкуренции параллельно снижаются аутосимптомы (эмоциональное принятие себя) и самообвинение (недостаточная критичность).

4. У мальчиков-спортсменов высокие показатели самоотношения находятся во взаимосвязи с исходящим сравнением и межгрупповой конкуренцией, а центральность (значимость для Я-концепции членства в группе) обратно связана с самообвинением.

5. У девочек-спортсменок показатели коллективной самооценки напрямую связаны с глобальным самоотношением. Одновременно с повышением самопринятия у девушек снижаются самопонимание и межгрупповая конкуренция.

6. Поведенческий компонент самоотношения положительно связан с аффективным компонентом групповой идентичности у подростков и отрицательно с ее когнитивным компонентом у юниоров. Аффективный компонент самоотношения у мальчиков отрицательно связан с когнитивным компонентом групповой идентичности, а у девочек — с поведенческим компонентом.

Ограничения и дальнейшие перспективы исследования

Несмотря на то что была установлена связь между компонентами самоотношения и групповой идентичностью, исследование все-таки имеет некоторые ограничения. Так, корреляционный анализ не дает ответа на вопрос, что является причиной, а что следствием в выявленном соотношении изучаемых феноменов. Важно также отметить, что исследование проводилось только на выборке спортсменов-боксеров, поэтому мы не можем экстраполировать полученные данные на респондентов, занимающихся другими видами спорта, особенно парными или командными. В отроческий период большое количество молодых людей остается мало вовлеченными в спортивную деятельность, однако они являются членами самых разных социальных групп, в том числе и неформальных, и было бы интересно также проанализировать связи между разными видами идентичности и соотнести результаты с обнаруженными данными, что в дальнейшем могло бы расширить понимание социально-психологических факторов, обуславливающих становление и динамику как личностной, так и социальной идентичности.

Благодарность

Авторы благодарят руководство Федерации бокса России за предоставленную возможность проведения данного исследования.

Литература

- Васькова О. В. Применение опросника социальной идентичности для диагностики социально-психологических особенностей ученической группы старших подростков // Психологическая наука и образование. 2013. № 2. С. 87–96.
- Волков Р. С. Особенности вклада идентичности в уровень спортивных достижений у девушек и юношеских, занимающихся боксом // Психология и педагогика спортивной деятельности. 2022. № 3–4 (63). С. 26–30.
- Вэтра А. В., Ганишина И. С. Психологические особенности самоотношения подростков, находящихся в условиях принудительной изоляции // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 3. С. 12–16. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2021-3-12-16>
- Григорьева М. Ю. Динамика идентичности как фактор социализации подростков: дис. канд. психол. наук. М., 2020.
- Ильин В. А. «Казус реципрокности» и другие «неудобства с идентичностью» // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 1. С. 222–235. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120114>
- Колкова С. М., Паршин Ю. О. Взаимосвязь самоотношения и выбора профессии старшеклассниками // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2018. № 2 (44). С. 118–125.
- Кузнецов В. В., Трегубова С. Н. О показателях проявления субъективности у спортсменов в аспекте структуры и содержательной специфики самоотношения // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2020. Т. 15. № 2. С. 85–91. <https://doi.org/10.14526/2070-4798-2020-15-2-85-91>
- Леонова Т. И. Особенности самоотношения девушек // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2022. № 1–2. С. 297–304. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-1-297-304>
- Полежаев П. Л. Социальная идентичность: учеб. пособие / СибГУ им. М. Ф. Решетнева. Красноярск, 2022.
- Рушина М. А., Орлова А. В. Особенности самооценки и самоотношения в юношеском возрасте // Вестник Российской университета дружбы народов. Сер. Психология и педагогика. 2015. № 4. С. 35–40.
- Сачкова М. Е., Волков Р. С. Особенности групповой идентичности и ее взаимосвязь с уровнем спортивных достижений у подростков и юниоров, занимающихся боксом // Вестник Российской университета дружбы народов. Сер. Психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 1. С. 54–70. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-54-70>
- Сидоренков А. В., Сальникова Е. С., Бороховский Е. Ф. Связь внутригрупповых идентичностей работников с их вкладом в деятельность малой группы: роль включенности — не включенности в подгруппы // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16. № 2. С. 142–163. <https://doi.org/10.17759/sps.2016070305>
- Столин В. В., Пантилев С. Р. Опросник самоотношения // Практикум по психоdiagностике: Психоdiagностические материалы. М., 1988. С. 123–130.
- Шихвердиев С. Н. Самоотношение спортсменов, находящихся на этапе завершения спортивной карьеры // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгавта. 2010. № 11 (69). С. 107–110.
- Якиманская И. С. Психологические особенности самоотношения подростков, занимающихся спортом // Психолог. 2022. № 2. С. 39–50.
- Bruner M., Benson A. Evaluating the psychometric properties of the Social Identity Questionnaire for Sport (SIQS) // Psychology of Sport and Exercise. 2018. No. 35. P. 181–188.
- Jochimek M., Lada A. Help or hindrance: The relationship of physical activity with aggressiveness and self-esteem in 16-year-old adolescents // Health Psychology Report. 2019. Vol. 7, no. 3. P. 242–253.

- Kong Yu., Duan Zh. Boxing behavior recognition based on artificial intelligence convolutional neural network with sports psychology assistant // *Scientific Reports*. 2024. Vol. 14, no. 1. P.7640. <https://doi.org/10.1038/s41598-024-58518-5>
- Mateo-Orcajada A., Abenza L., Vaquero-Cristobal R., Martinez C., Sonia M., Leiva-Arcas A., Gallardo A., Sanchez-Pato A. Influence of gender stereotypes, type of sport watched and close environment on adolescent sport practice according to gender // *Sustainability*. 2021. No. 13. P.11863. <https://doi.org/10.3390/su132111863>.
- Murray R., Koulanova A., Sabiston C. Understanding girls' motivation to participate in sport: The effects of social identity and physical self-concept // *Frontiers in Sports and Active Living*. 2022. Vol. 3. P.1–6. <https://doi.org/10.3389/fspor.2021.787334>
- Murray R., Sabiston C. Understanding relationships between social identity, sport enjoyment, and dropout in adolescent girl athletes // *Journal of Sport and Exercise Psychology*. 2021. Vol. 44, iss. 1. P.62–66. <https://doi.org/10.1123/jsep.2021-0135>
- Rees T., Haslam S., Coffee P., Lavallee D. Social identity approach to sport psychology: Principles, practice, and prospects // *Sports Medicine*. 2015. Vol. 45, no. 8. P. 1083–1096.
- Sunderji S., Murray R., Sabiston C. Gender differences in the implicit and explicit perceptions of sport // *Sex Roles*. 2024. Vol. 90. P.1188–1199. <https://doi.org/10.1007/s11199-024-01499-6>
- Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior // *Psychology of Intergroup Relations*. 2nd ed. Chicago: Nelson-Hall, 1985. P.7–24.

Статья поступила в редакцию 2 февраля 2024 г.;
рекомендована к печати 26 мая 2025 г.

Контактная информация:

Волков Роман Сергеевич — канд. психол. наук; <https://orcid.org/0000-0002-3737-3682>,
volkov.roman@inbox.ru

Сачкова Марианна Евгеньевна — д-р психол. наук, проф.; <https://orcid.org/0000-0003-2982-8410>,
msachkova@mail.ru

Relationship of self-attitude and group identity in young athletes-boxers: Gender and age features

R. S. Volkov^{1a}, M. E. Sachkova^{2,3}

¹ 15, ul. Fabrichnaya, Mytishchi, 141033, Russian Federation

² The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
84, pr. Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation

³ Moscow State Psychological and Pedagogical University,
29, ul. Sretenka, Moscow, 127051, Russian Federation

For citation: Volkov R. S., Sachkova M. E. Relationship of self-attitude and group identity in young athletes-boxers: Gender and age features. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2025, vol. 15, issue 3, pp. 418–431. EDN CTHJJA (In Russian)

The relevance of the study is due to the lack of reliable data revealing the determinants and nature of the relationship between self-attitude and group identity in young athletes. Thus, the aim of the study was to identify the relationship between the components of self-attitude and group identity in adolescent and adolescent athletes, as well as to analyze the gender and age specifics of this relationship. The study involved 360 athletes in an equal ratio of male and female, aged 15 to 18 years, who are members of the Russian Boxing Federation. The study used the Self-attitude Questionnaire by V. V. Stolin and S. R. Pantileev; the Questionnaire of group identity adapted by O. V. Vaskova. As a result of the research, a connection has been established between the components of self-attitude and group identity. In adolescence, self-

^a Author for correspondence.

interest and self-confidence are directly related to collective self-esteem. In adolescence, self-esteem is positively correlated with in-group bonding, and intergroup competition is negatively associated with autosympathy and self-blame. In male athletes, global self-attitude is directly related to top-down comparison and intergroup competition, while centrality is negatively related to self-blame. In female athletes, collective self-esteem is positively associated with a global self-attitude. The data obtained expand and complement the scientific base of ideas about the functioning and development of the phenomenon of identity, and also indicate that the relationship between the components of self-attitude and group identity in athletes during adolescence is both direct and inverse and is determined by gender and age differences.

Keywords: self-attitude, group identity, athletes-boxers, adolescence, girls and boys.

References

- Bruner, M., Benson, A. (2018). Evaluating the psychometric properties of the Social Identity Questionnaire for Sport (SIQS). *Psychology of Sport and Exercise*, 35: 181–188.
- Grigoreva, M. Yu. (2020). *The dynamics of identity as a factor of socialization of adolescents*. PhD dissertation (Psychology). Moscow. (In Russian)
- Ilin, V. A. (2021). The “case of reciprocity” and other “inconveniences with identity”. *Sotsial’naia psichologija i obshchestvo*, 12: 222–235. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120114> (In Russian)
- Jochimek, M., Lada, A. (2019). Help or hindrance: The relationship of physical activity with aggressiveness and self-esteem in 16-year-old adolescents. *Health Psychology Report*, 7, 3: 242–253.
- Kolkova, S. M., Parshin, Yu. O. (2018). The relationship between self-attitude and career choice by high school students. *Vestnik Krasnoiarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva*, 2 (44): 118–125. (In Russian)
- Kong, Yu, Duan, Zh. (2024). Boxing behavior recognition based on artificial intelligence convolutional neural network with sports psychology assistant. *Scientific Reports*, 14 (1): 7640. <https://doi.org/10.1038/s41598-024-58518-5>
- Kuznecov, V. V., Tregubova, S. N. (2020). On the indicators of the manifestation of subjectivity in athletes in terms of the structure and content specificity of self-attitude. *Pedagogiko-psichologicheskie i mediko-biologicheskie problemy fizicheskoi kul'tury i sporta*, 15 (2): 85–91. <https://doi.org/10.14526/2070-4798-2020-15-2-85-91> (In Russian)
- Leonova, T. I. (2022). Features of girls' self-attitude. *Vestnik RGGU. Ser. Filosofia. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*, 1–2: 297–304. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-1-297-304> (In Russian)
- Mateo-Orcajada, A., Abenza, L., Vaquero-Cristobal, R., Martinez, C., Sonia, M., Leiva-Arcas, A., Gal-lardo, A., Sanchez-Pato, A. (2021). Influence of gender stereotypes, type of sport watched and close environment on adolescent sport practice according to gender. *Sustainability*, 13: 11863. <https://doi.org/10.3390/su132111863>
- Murray, R., Koulanova, A., Sabiston, C. (2022). Understanding girls' motivation to participate in sport: The effects of social identity and physical self-concept. *Frontiers in Sports and Active Living*, 3: 1–6. <https://doi.org/10.3389/fspor.2021.787334>
- Murray, R., Sabiston, C. (2021). Understanding relationships between social identity, sport enjoyment, and dropout in adolescent girl athletes. *Journal of Sport and Exercise Psychology*, 44, 1: 62–66. <https://doi.org/10.1123/jsep.2021-0135>
- Polezhaev, P. L. (2022). *Social identity: studies. Manual*. Krasnoyarsk, SibGU Press. (In Russian)
- Rees, T., Haslam, S., Coffee, P., Lavalée, D. (2015). Social identity approach to sport psychology: Principles, practice, and prospects. *Sports Medicine*, 45 (8): 1083–1096.
- Rushina, M. A., Orlova, A. V. (2015). Features of self-esteem and self-attitude in adolescence. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Psichologija i pedagogika*, 4: 35–40. (In Russian)
- Sachkova, M. E., Volkov, R. S. (2022). Features of group identity and its relationship with the level of athletic achievements among teenagers and juniors engaged in boxing. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Psichologija i pedagogika*, 19 (1): 54–70. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-54-70> (In Russian)
- Sidorenkov, A. V., Salnikova, E. S., Borohovskij, E. F. (2019). The relationship of intra-group identities of employees with their contribution to the activities of a small group: the role of inclusion — non-

- inclusion in subgroups. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal*, 16 (2), 142–163. <https://doi.org/10.17759/sps.2016070305> (In Russian)
- Stolin, V. V. (1988). *Self-attitude questionnaire*. Workshop on psychodiagnostics: Psychodiagnostic materials. Moscow. (In Russian)
- Sunderji, S., Murray, R., Sabiston, C. (2024). Gender differences in the implicit and explicit perceptions of sport. *Sex Roles*, 90: 1188–1199. <https://doi.org/10.1007/s11199-024-01499-6>
- Shihverdiev, S. N. (2010). The self-attitude of athletes who are at the stage of completing their sports career. *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgaft*, 11 (69): 107–110. (In Russian)
- Tajfel, H., Turner, J. C. (1985). The social identity theory of intergroup behavior. In: *Psychology of intergroup relations* (pp. 7–24). 2nd ed. Chicago, Nelson-Hall.
- Vaskova, O. V. (2013). The use of a social identity questionnaire to diagnose the socio-psychological characteristics of a student group of older adolescents. *Psichologicheskaiia nauka i obrazovanie*, 2: 87–96. (In Russian)
- Vetra, A. V., Ganishina, I. S. (2021). Psychological features of the self-attitude of adolescents in conditions of forced isolation. *Psichologiiia i pedagogika sluzhebnoi deiatel'nosti*, 3: 12–16. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2021-3-12-16> (In Russian)
- Volkov, R. S. (2022). Peculiarities of the contribution of identity to the level of athletic achievements among girls and boys engaged in boxing. *Psichologiiia i pedagogika sportivnoi deiatel'nosti*, 3–4 (63): 26–30. (In Russian)
- Yakimanskaya, I. S. (2022). Psychological features of the self-attitude of teenagers involved in sports. *Psicholog*, 2: 39–50. (In Russian)

Received: February 2, 2024

Accepted: May 26, 2025

Authors' information:

Roman S. Volkov — PhD in Psychology; <https://orcid.org/0000-0002-3737-3682>, volkov.roman@inbox.ru

Marianna E. Sachkova — Dr. Sci. in Psychology, Professor; <https://orcid.org/0000-0003-2982-8410>, msachkova@mail.ru

Когнитивный профиль и личностные особенности пациентов юношеского возраста, страдающих депрессиями с несуициальными самоповреждениями

М. И. Олейчик^{1,2a}, О. П. Шевченко¹, А. С. Морева¹,
И. В. Олейчик¹, А. Ш. Тхостов²

¹ Научный центр психического здоровья,
Российская Федерация, 115522, Москва, Каширское шоссе, 34

² Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Для цитирования: Олейчик М. И., Шевченко О. П., Морева А. С., Олейчик И. В., Тхостов А. Ш. Когнитивный профиль и личностные особенности пациентов юношеского возраста, страдающих депрессиями с несуициальными самоповреждениями // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 3. С. 432–454. EDN LTYVTV

Цель исследования заключается в выявлении параметров когнитивного профиля и личностных особенностей больных юношеского возраста, страдающих депрессиями, сопровождающимися несуициальными самоповреждениями. В исследовании приняли участие 50 пациентов женского пола в возрасте от 16 до 25 лет (средний возраст — 19) с несуициальными самоповреждениями, имевшими место в структуре депрессивных состояний различной нозологической принадлежности (клиническая группа). Контрольную группу здоровых лиц составили 50 женщин того же возрастного периода (средний возраст — 18). Группу сравнения составили 36 пациентов женского пола того же возрастного периода (средний возраст — 22,5) с депрессивными состояниями различной нозологической принадлежности, без несуициальных самоповреждений и без суициальных попыток. Применен метод нейропсихологической диагностики с использованием классической батареи тестов А. Р. Лурии в качестве основного инструмента оценки личностных особенностей был использован психометрический метод, представленный Опросником межличностных потребностей, Анкетой проявлений девиантного поведения, Опросником страха перед болью и Шкалой катастрофизации боли. В ходе исследования были получены данные, свидетельствующие о наличии выраженного когнитивного дефицита у пациенток юношеского возраста, страдающих депрессивными состояниями, сопровождающимися несуициальными самоповреждениями.. Когнитивный дефицит проявлялся преимущественно в снижении или нарушении регуляторно-исполнительных функций в сочетании с нарушением нейродинамики мыслительных процессов и психической деятельности в целом. Выраженность симптомов и их сочетание не могут быть квалифицированы в качестве нейропсихологического синдрома, однако их представленность и специфику проявлений допустимо оценить в рамках особого когнитивного профиля изученной группы пациентов. По результатам исследования также были определены особенности личностной сферы пациентов изученной когорты, которые могут быть использованы в качестве мишеней комплексной психотерапии.

Ключевые слова: нейропсихология, нейрокогнитивный дефицит, депрессивные состояния, несуициальное самоповреждение, юношеский возраст, личностные характеристики.

^a Автор для корреспонденции.

© М. И. Олейчик, О. П. Шевченко, А. С. Морева, И. В. Олейчик, А. Ш. Тхостов, 2025

Введение

Актуальность исследования когнитивного профиля пациентов страдающих депрессиями, сопровождающимися самоповреждающим поведением, обусловлена высокой частотой возникновения у пациентов данной клинической группы когнитивных расстройств, ведущих к тяжелым негативным последствиям: расстройствам социальной адаптации, нарушению работоспособности и, как следствие, снижению качества жизни. В связи с этим возрастаёт заинтересованность специалистов различных научных областей в изучении данного феномена (Дарьин и др., 2023).

Несуицидальные самоповреждения (non-suicidal self injury; NSSI; далее — НССП) представляет собой намеренное, повторяющееся, социально неприемлемое, прямое повреждение своего тела без намерения лишить себя жизни (Дарьин, 2023). В свою очередь, суицидальная попытка определяется как самостоятельная последовательность действий человека, на момент осуществления которых предполагается, что они приведут к смерти (Diagnostic and statistical manual of mental disorders. 5th, 2013). Дифференциация феноменов НССП и суицидального поведения является важной с точки зрения качественной диагностики и изучения данных явлений (Кибитов, Мазо, 2023).

Хорошо известно, что различные формы аутоагрессии и, в частности, самоповреждения, связаны с высоким риском суицидального поведения. В современной науке существует ряд исследований, обосновывающих различные теоретические модели, объясняющие структуру и причины аутоагрессивного поведения. Одной из возможных причин НССП является слабость или дефицитарность когнитивной сферы, выражаясь в ригидности мышления, а также несформированности копинг-стратегий или их дезадаптивном характере (Алексеева, Афанасьева, 2022; Антохина и др., 2020).

В современной клинической психологии и психиатрии для изучения нейрокогнитивных функций существует множество различных методов, соответствующих различным задачам исследования. В применяемом в клинической практике традиционном клинико-психопатологическом обследовании нейрокогнитивная диагностика применяется крайне ограниченно, вследствие чего симптомы когнитивных расстройств могут оставаться нераспознанными на фоне психопатологических проявлений депрессий (Hall et al., 2011).

Существует ряд исследований, посвященных вопросам влияния когнитивных особенностей пациентов на возникновение у них самоповреждающего поведения. Наиболее часто рассматриваются концепции, связанные с саморегуляцией поведения. Следует упомянуть, что термин «саморегуляция» может рассматриваться не только в поведенческом контексте (Сагалакова и др., 2017), но и в качестве деятельности, характеризующей работу определенных участков головного мозга (Зейгарник и др., 1989; Лурия, 1973). Говоря о стиле саморегуляции, ряд авторов указывают на наличие положительной корреляции между нарушением саморегуляции, несформированностью навыков планирования и моделирования и формированием антивитального поведения, а также повышением суицидального риска. Нарушения саморегуляции в совокупности с трудностями опосредования эмоций способствуют развитию дисфункциональных стратегий по типу избегания, осуществление

которых не приносит удовлетворения собственной деятельностью и провоцирует фрустрацию социальных мотивов (Пуговкина, 2006). Неспособность к регуляции импульсивных побуждений и нарастающего напряжения, в свою очередь, приводит к усилению антивитальных размышлений и повышает риски аутодеструктивного поведения (Алексеева, Афанасьева, 2022; Сагалакова и др., 2017). Рассмотрение феномена НССП в рамках депрессий требует комплексного подхода к анализу причин их возникновения и оказываемого ими влияния на состояние пациентов. Существует ряд гипотез, объясняющих появление НССП у пациентов юношеского возраста, страдающих депрессиями. В частности, гипотеза эмоционального регулирования предполагает, что самоповреждения служат средством регуляции интенсивных переживаний и эмоциональной боли, характерных для лиц с депрессивными расстройствами (Chapman, 2006). С нейропсихологической точки зрения произвольная регуляция и контроль над протеканием психической деятельности характеризуют работу структур третьего блока мозга: префронтальных и премоторных отделов лобных долей с их двусторонними связями (Лурия, Цветкова, 1966). Нарушение функционирования этих отделов выражается в появлении таких специфических симптомов, как снижение произвольной регуляции, критики к продуктам собственной деятельности и своему состоянию, расторможенность или же, напротив, инертность, ригидность и аспонтанность. В литературе приводятся различные данные, указывающие на взаимосвязь патологии нейроанатомических структур и нейрокогнитивного функционирования. Так, например, дисфункцию вентромедиальных отделов коры связывают с нарушением социального поведения при относительной сохранности интеллектуальных процессов, что потенциально может приводить к возникновению аутоагрессивных и суицидальных намерений (Bechara et al., 2000).

Эти данные могут быть рассмотрены в качестве аргумента в пользу широко известной теории о том, что когнитивная ригидность отрицательно влияет на способность к формированию альтернативных форм решения проблем, вследствие чего возрастают риски возникновения суицидального поведения как одной из специфических форм самоповреждений (Будза и др., 2020; Иванов, Егоров, 2008).

Как правило, депрессивные состояния квалифицируются в рамках биполярного аффективного (БАР) либо рекуррентного депрессивного (РДР) расстройств. В ряде работ приводятся данные, указывающие на специфический для этих расстройств нейропсихологический дефицит, подтверждаемый нейровизуализационными исследованиями (Ахапкин, Маслова, 2015; Изнак и др., 2016). Несмотря на неоднородность методологии и широкую вариативность методик, используемых в отечественных и зарубежных исследованиях, имеется ряд общих предположений относительно природы когнитивных нарушений у пациентов с депрессивными расстройствами, а также их взаимосвязи с регуляцией активности и цикличностью эмоциональных состояний (Lima et al., 2018; Вассерман и др., 2013).

Ряд авторов указывают на дефицит регуляторных функций (в отечественной традиции — произвольной регуляции и контроля над протеканием психической деятельности) при депрессивных расстройствах, выражющийся в нарушении способности к планированию целенаправленной деятельности (Пуговкина, Холмогорова, 2008), снижении вербальной беглости (Richard-Devantoy et al., 2014), когнитивной гибкости и нарушении адаптивного торможения (Chen et al., 2019;

Lam et al., 2014). Также в этих случаях выявляются нарушения внимания в виде трудностей переключаемости, ограничении объема, снижении устойчивости и избирательности (Плужников и др., 2013). Мнестическая же деятельность характеризуется ограниченным объемом запоминания, нарушением кратковременной и долговременной памяти разных модальностей: вербальной и зрительно-пространственной. В ряде клинических исследований отмечается тот факт, что степень выраженности нарушений в когнитивной сфере тесно связана с особенностями клинической картины и зависит от периодичности, длительности и тяжести проявлений аффективного расстройства (Michopoulos et al., 2008). Предполагается, что когнитивный дефицит приводит к нарушению произвольной регуляции аффективных процессов, что выражается в нарушении эмоциональных циклов при БАР и подавлении активности при затяжных депрессивных состояниях (Ершов и др., 2015; Maruta et al., 2021). Следует отметить, что нормальное функционирование когнитивной сферы тесно связано с эмоциональным состоянием человека, а также рядом личностных особенностей, структура которых определяет способность к произвольной регуляции психической деятельности в целом при различных ситуациях (Конорева, Мосолов, 2017). Так, например, ряд авторов рассматривают неспособность к смене дезадаптивной когнитивной стратегии в качестве центрального звена в комплексе нарушений при аффективных расстройствах (Austin et al., 2001).

Стоит также отметить, что юношеский возраст является критическим периодом в развитии личности. На этом этапе наблюдаются значительные изменения не только в когнитивной, но и в эмоциональной, социальной и поведенческой сферах. Исследования в области психологии показывают, что лица юношеского возраста часто сталкиваются с различными стрессами, социальным и академическим давлением, что может спровоцировать развитие ряда психических расстройств, включая депрессию. Депрессия в этом возрасте нередко сопровождается различными формами самоповреждающего поведения (Польская, 2014).

Несмотря на то что самоповреждения, осуществляемые в рамках депрессии, активно исследуются, необходимо учитывать, что НССП часто имеют сложные причины и могут быть вызваны не только эмоциональным дискомфортом, но и особенностями когнитивного функционирования. Когнитивный профиль, который включает в себя восприятие, мышление и эмоциональную регуляцию, играет ключевую роль в том, как молодые люди воспринимают свои переживания и реагируют на стрессовые ситуации.

В контексте теоретической значимости данная работа отличается от других исследований в этом направлении интегративностью подхода, что отражено в объединенном применении клинико-психопатологического, психометрического и нейропсихологического методов. Изучение анамнестических и клинико-психопатологических данных в совокупности с личностными и когнитивными особенностями позволяет развить представление об особенностях интрапсихических процессов, наблюдаемых у пациентов с юношескими депрессиями, сопровождающимися НССП. Учитывая гендерный состав исследуемой когорты (женщины молодого возраста), особенно ценным представляется изучение модели восприятия боли в связи с признанно высоким риском самоповреждений у данных пациенток

(Farkas et al, 2024). Таким образом, данное исследование расширяет как академическое, так и практическое знание о НССП в структуре юношеских депрессий.

Исследование данной проблемы имеет не только теоретическую, но и практическую значимость и может способствовать улучшению методов диагностики и терапии депрессивных состоянию в юношеском возрасте, в том числе снизить риск самоповреждений. Тщательное изучение когнитивного профиля и личностных особенностей данной группы пациентов будет способствовать разработке адекватной персонализированной комплексной терапии юношеских депрессий.

Таким образом, исследование когнитивного профиля и личностных особенностей пациентов юношеского возраста, страдающих депрессиями, сопровождающимися НССП, является актуальной и важной задачей. Оно позволит глубже понять механизмы, лежащие в основе НССП в данной возрастной группе и разработать более эффективные психотерапевтические стратегии.

На основе анализа литературных данных нами были поставлены следующие задачи: исследовать нейропсихологические особенности пациенток юношеского возраста с депрессивными состояниями, сопровождающимися НССП, с качественной оценкой сохранных звеньев психической системы с помощью метода нейропсихологической диагностики; дать оценку личностных характеристик с акцентом на изучение склонности к девиантному поведению по типу НССП с помощью психометрического метода; провести сравнительный анализ полученных результатов в группах пациентов с НССП и без НССП при депрессиях с целью проверки принадлежности специфики выявленных признаков личностному профилю пациентов с НССП при депрессиях; на основе качественной и количественной обработки (с помощью статистических методов) полученных результатов проанализировать причины возникновения НССП у пациентов данной когорты.

Метод

Цель исследования: выявление параметров когнитивного профиля и личностных особенностей пациентов юношеского возраста, страдающих депрессиями с НССП.

Участники исследования. Было обследовано 50 женщин (клиническая группа) в возрасте от 16 до 25 лет (средний возраст — $19 \pm 2,2$ лет) с НССП при депрессивных состояниях различной нозологической принадлежности (F31.3–4; F34.0; F21.3–4 + F31.3–4; F60.X + F31.3–4), проходивших лечение в клиническом отделении группы по изучению эндогенных приступообразных психозов отдела по изучению эндогенных психических расстройств и аффективных состояний ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (и. о. директора д-р мед. наук Ю. А. Чайка). Наличие НССП у пациентов определялось исходя из критериев DSM-5, а именно:

- пять и более актов осознанного НССП умеренной или незначительной степени тяжести за последний год;
- наличие одного из субъективных мотивов: облегчение от негативных мыслей или эмоций, влияние на других людей (разрешение межличностных затруднений), формирование положительного аффективного фона;

- наличие перед самоповреждением одного из факторов: навязчивые мысли о самоповреждении (реализуемые и нереализуемые), нарастание недифференцированных, тяготящих и не выражаемых вовне чувств, вызванных межличностным или внутриличностным конфликтом, беспокойство по поводу неконтролируемого поведения;
- акт самоповреждения социально неприемлем;
- акт НССП является дезадаптивным и ведет к клинически значимому дистрессу;
- НССП не связано с психотическим эпизодом (Diagnostic and statistical manual of mental disorders. 5th, 2013).

По результатам анализа анамнестических данных, 28 % пациенток клинической группы совершали хотя бы одну суициальную попытку. На момент поступления в стационар более 32 % пациенток высказывали пассивные суициальные мысли, 64 % имели активные суициальные намерения и/или план суицида и лишь 4 % пациенток категорически отрицали наличие суициальных тенденций. Стоит отметить, что истинные суициальные тенденции респондентов данной группы проявлялись достаточно редко и были спровоцированы психотравмирующей ситуацией либо течением заболевания, в то время как акты самоповреждения совершались на протяжении длительного периода и не имели суициального мотива.

Группу сравнения составили 36 пациенток в возрасте от 16 до 25 (средний возраст — 22,5) с депрессивными состояниями различной нозологической принадлежности (F31.3–4; F34.0; F21.3–4 + F31.3–4; F60.X + F31.3–4), без НССП и суициальных попыток в анамнезе, проходивших лечение в том же стационаре.

Пациентки проходили нейропсихологическое обследование и тестирование с помощью опросников в состоянии, корректированном адекватной психоформакотерапией, которое давало возможность использования данных методик.

Критериями невключения были: наличие на момент обследования острой психотической симптоматики, органической патологии центральной нервной системы, тяжелых хронических соматических заболеваний, алкоголизма и зависимостей от психоактивных веществ, умственной отсталости.

Контрольную группу составили 50 здоровых респонденток в возрасте от 16 до 25 лет (средний возраст — 18±1,4 лет).

Испытуемые всех групп являлись праворукими, однако в 15 % случаев присутствовала семейная леворукость у родственников. Настоящее исследование является первым комплексным нейро- и патопсихологическим исследованием выборки больных юношеского возраста с депрессивными состояниями, сопровождающимися НССП.

Методики исследования. Данная работа представляет собой интегративное исследование особенностей нейропсихологического профиля и склонности к девиантному поведению в качестве когнитивных и личностных факторов, способствующих развитию самоповреждающего поведения в юношеском возрасте. Для оценки нейропатологической сферы был выбран метод нейропсихологического синдромного анализа с применением батареи тестов А. Р. Лурии. Данный метод основывается на теории системно-динамической локализации высших психических функций и концепции трех функциональных блоков А. Р. Лурии. Согласно теории системно-динамической локализации высших психических функций, каждая из них представляет

собой сложную функциональную систему. Работа функциональных систем обеспечивается мозгом как единое целое, при этом различные мозговые структуры вносят свой вклад в реализацию каждой функции. Одним из основных принципов нейропсихологического метода синдромного анализа является выделение первичных и вторичных нарушений, а также определение сохранных звеньев функциональных систем, обеспечивающих работу высших психических функций (Корсакова, Долгополова, 1989; Лuria, 1973; Лuria, Цветкова, 1966). Применение данного метода обусловлено задачами настоящего исследования, а именно необходимостью изучения параметров нейрокогнитивного функционирования и личностных особенностей изучаемой группы больных с целью разработки специализированных программ нейрокогнитивного тренинга и дифференцированных психотерапевтических стратегий.

В качестве основного инструмента оценки личностных особенностей был использован психометрический метод, представленный Опросником межличностных потребностей (INQ) и Анкетой проявлений девиантного поведения (Н-х). В качестве вспомогательного инструмента в данной части исследования для оценки возможных корреляций были использованы Опросник страха перед болью (FPQ-SF) и Шкала катастрофизации боли (PCS). Основную часть батареи тестов составили методики, направленные на оценку склонности к девиантному поведению по типу НССП, а также таких факторов, как суицидальные тенденции, уровень агрессии, адекватность субъективной оценки собственного состояния и чувство принадлежности к социуму (Садовничая, Рассказова, 2023).

Со всеми участниками исследования было проведено стандартизированное клиническое интервью, направленное на уточнение анамнестических сведений и выделение субъективных мотивов НССП.

Анализ данных. Для оценки нейрокогнитивной сферы был выбран метод нейропсихологического синдромного анализа с применением батареи тестов А.Р.Лурии. В данной работе применялась адаптированная для количественной оценки батарея (Вассерман и др., 1997), состоявшая из тестов, направленных на оценку памяти (в зрительной и слухоречевой модальности), гнониса (зрительного предметного гнониса, акустического, тактильного, оптико-пространственного), произвольных движений и действий (динамического, кинестетического и оптико-пространственного праксиса), мышления и речевых функций. Анализ полученных данных был проведен на основе ряда качественных шкал, содержащих список типичных ошибок и позволяющих оценить выраженность нарушений и конвертировать полученные результаты в Т-баллы. Так как оценка выставлялась по системе штрафов, то при наиболее правильном выполнении теста ставилась оценка «0 баллов», а при увеличении количества выявленных симптомов и их выраженности повышалась до трех баллов. На оценку влияли такие факторы, как условия коррекции допущенных ошибок: способ предъявления материала, степень стимуляции пациента и/или помощи со стороны специалиста, необходимой для выполнения теста. Число тестов, входящих в каждую психическую сферу, различается и может быть изменено в каждом индивидуальном случае обследования с целью обеспечения гибкости тестирования. В связи с этим суммарный балл по каждой психической сфере был поделен на число проведенных проб. Таким образом, по каждой сфере исследования была получена интегративная оценка на основе баллов по каждой пробе. Для стандартизированной оценки про-

извольной регуляции как специфической деятельности, обеспечиваемой лобными отделами коры больших полушарий головного мозга, была использована дополнительная методика FAB (Frontal Assessment Battery) (Lu et al, 2024).

Статистическая обработка данных была проведена с помощью программы SPSS Statistics. Группы сравнения и контрольная сравнивались с клинической группой с использованием U-критерия Манна — Уитни.

Результаты

Нейропсихологическое исследование когнитивного профиля пациентов с НССП. Выбранная схема проведения исследования включала несколько последовательных этапов, таких как: клиническая беседа с целью выявления активных и пассивных жалоб, затем нейропсихологическое обследование и тестирование с помощью опросников. По результатам беседы было установлено, что более 80 % пациентов клинической группы испытывают трудности в повседневной жизни, связанные с когнитивными нарушениями. Наиболее часто встречающейся жалобой (более чем в 65 % случаев) в данной группе являлась неспособность продолжать обучение в школе или высших учебных заведениях вследствие трудностей концентрации внимания, снижения темпа и продуктивности психической деятельности, нарушений памяти, высокой степени утомляемости и истощаемости при когнитивной нагрузке. Более 72 % пациентов отмечали снижение мотивации к деятельности, потерю интереса к жизни, трудности в регулировании эмоциональных состояний на фоне повышенной тревожности (в 58 % случаев) или раздражительности (в 40 % случаев). В отдельных случаях (30 % испытуемых клинической группы) больные предъявляли активные жалобы соматического характера: боль или «тяжесть» в груди, «ком в горле», затруднения дыхания. В группе пациентов с НССП были выделены следующие типы внутренних мотивов совершения самоповреждений: стремление к регуляции эмоций (попытки совладать с тяжелыми переживаниями или «выразить душевную боль через физическую»), самонаказание (нанесение самоповреждений из-за чувства собственной никчемности или неполноценности), демонстративность (желание привлечь чужое внимание, продемонстрировать «степень страдания») и расстройство влечений (получение удовольствия от болевых ощущений, вида крови или травм).

Полученные данные были подвергнуты статистической обработке с помощью программы SPSS Statistics с использованием U-критерия Манна — Уитни. Результаты представлены в таблице на рис. 1. В группе пациентов юношеского возраста, страдающих депрессиями, сопровождающимися НССП, были выявлены значимые различия на уровне $p < 0,05$ по всем параметрам нейродинамики психической деятельности, регуляторно-исполнительных функций и мнестической деятельности по сравнению с показателями, полученными в группе нормы. У данной категории больных наблюдались изменения показателей нейродинамики психической деятельности: выявлялась выраженная утомляемость в ходе обследования и истощаемость психических процессов, определялся равномерно низкий темп и низкая продуктивность психической деятельности, что подтверждается результатами сравнения с группой нормы.

Регуляторно-исполнительная сфера характеризовалась выраженным нарушением способности к планированию целенаправленной деятельности, контролю

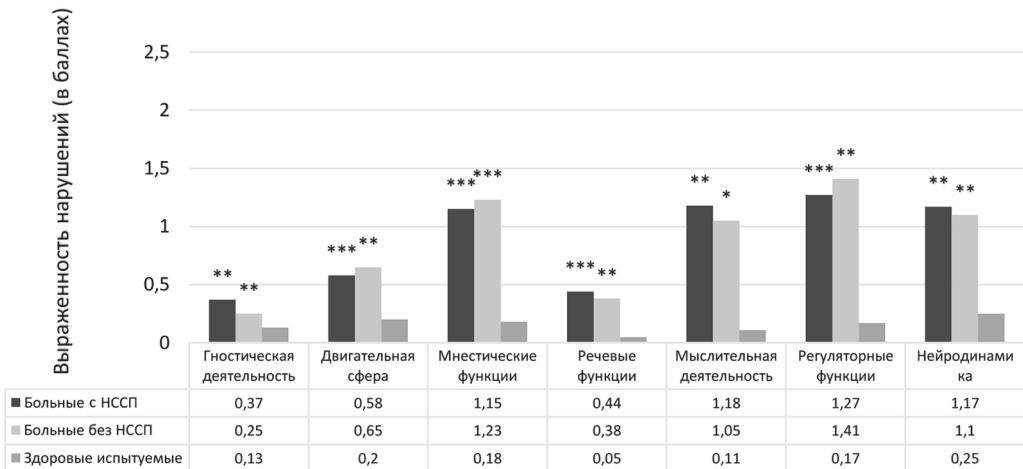

Рис. 1. Индекс выраженности нарушений в различных сферах психической деятельности (в балах). Первый столбец — испытуемые юношеского возраста с НССП, страдающие депрессией, второй столбец — испытуемые юношеского возраста без НССП, страдающие депрессией, третий столбец — здоровые испытуемые (контрольная группа). В ячейках указаны средние значения по группам обследованных в соответствии с группой. Уровень статистической значимости различий при сравнении с нормой: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$

и оценке совершаемых действий: данные симптомы проявлялись при выполнении комплексных заданий, требующих осознанных и последовательных действий, однако привлекала внимание общая сохранность автоматизированных навыков. Вторично данные нарушения находили отражение при выполнении всех методик (Зейгарник и др., 1989; Пуговкина, Холмогорова, 2014).

В гностической деятельности была выражена импульсивность, присутствовали атипичные ассоциации в тестах на зрительный предметный гноэзис, при этом отмечалось значительное снижение критичности к допускаемым ошибкам и способности их корректировать по подсказке.

Речевая сфера пациентов характеризовалась относительной сохранностью, однако в качестве вторичных проявлений наблюдались импульсивные регуляторные ошибки по типу парофазий в устной и письменной речи, снижение беглости речи, ее монотонность.

У пациентов клинической группы наблюдалась относительная сохранность пространственного фактора: в отдельных случаях при выполнении нейропсихологических тестов на конструктивно-пространственный практис имели место единичные ошибки по типу небрежности, легкие метрические ошибки, импульсивность или замедленность в рисовании, в отдельных случаях (менее 30 %) присутствовало нарушение проекции в виде плоскостного рисунка. У некоторых пациентов были выявлены трудности при выполнении счетных операций по типу ошибок при переходе через десяток.

У пациентов клинической группы наблюдалась сохранность кинетической, кинестетической и пространственной основ произвольных движений и действий. В отдельных случаях (менее 30 %) вторично на фоне нейродинамических нарушений присутствовали трудности вхождения в задание, замедленное выполнение двигательных проб и/или ошибки по регуляторному типу (импульсивность, уско-

рение темпа выполнения со снижением продуктивности). В клинической группе не выявлено статистически значимых различий на уровне $p < 0,05$ в речевой и гностической деятельности, а также в сфере праксиса (сфера произвольных движений и действий) по сравнению с группой контроля. Отмеченные в отдельных случаях симптомы нарушений этих сфер психической деятельности следует рассматривать в качестве вторичных, относительно нарушений, связанных с работой первого или третьего блока мозга.

В мнестической деятельности больных данной группы были выявлены значительные нарушения в слухоречевой и зрительной модальностях. Характерной особенностью мнестической деятельности пациентов клинической группы являлось нарушение избирательности, а также снижение объема непосредственного слухоречевого запоминания на фоне замедленного включения в деятельность. В отдельных случаях регуляторные нарушения сочетались с расстройствами избирательности слухоречевого запоминания, в большинстве наблюдений не поддававшимися коррекции.

Нейропсихологическое исследование особенностей когнитивного профиля пациентов, страдающих депрессиями с НССП и депрессивными состояниями без НССП. Сравнительный анализ нейропсихологических особенностей в группах пациентов, совершивших НССП, и пациентов, не совершивших их, показал различие в когнитивном обеспечении психических процессов.

При сравнении групп пациентов без НССП и с НССП и здоровых испытуемых отмечалось значительное снижение произвольной саморегуляции и критики к болезни и собственному поведению в группах больных. При анализе клинической беседы и результатов нейропсихологического тестирования была обнаружена общая для всех пациентов с депрессией тенденция к снижению уровня обобщения, замедлению мыслительной деятельности и включения в выполнение задания, снижению и/или флюктуации продуктивности в ходе выполнения тестов. В то же время следует отметить, что в группе пациентов с НССП отмечалась большая выраженность ригидности мышления, что проявлялось в неспособности к смене стратегии при решении заданий по оценке мышления, общей инертности психической деятельности, трудностях переключения между заданиями или смены стереотипа при выполнении двигательных тестов. В группе пациентов с депрессиями, не склонных к самоповреждающему поведению, также было выражено снижение гибкости мышления. Однако статистический анализ подтверждает, что у пациентов с НССП степень выраженности ригидности мышления была выше, чем у пациентов без НССП. Наряду с нарушением мыслительной деятельности в обеих группах больных обнаруживались нейродинамические нарушения в виде снижения общей продуктивности психической деятельности, замедления темпа, трудностей врабатываемости, высокой степени утомляемости и истощаемости. Речевая сфера вторично была нарушена на фоне расстройств мышления, нарушения нейродинамики и эмоционального дефицита, что проявлялось в отдельных речевых персеверациях, затруднении при формировании сложных речевых программ, изменении интонационной выразительности (монотонность или же искажение интонаций относительно смысловой составляющей и мимических проявлений). Исследование показало, что двигательная сфера у пациентов с НССП и без НССП преимущественно сохранна, в отдельных случаях наблюдались нарушения динамического праксиса в виде трудностей удержания программы, нару-

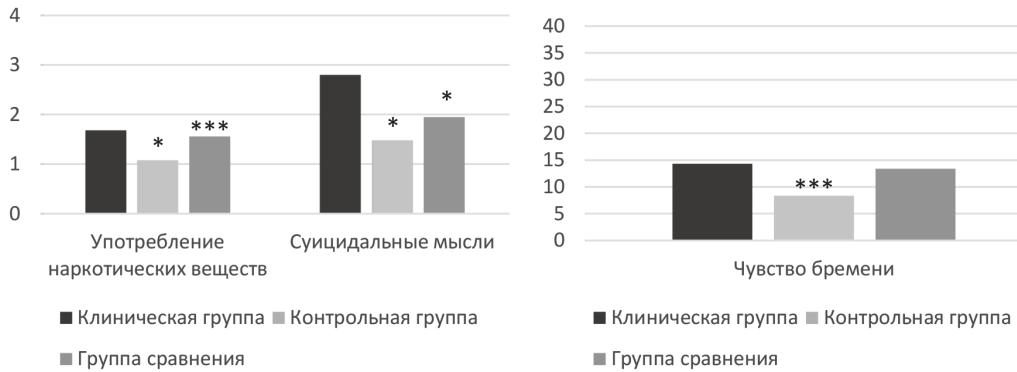

Рис. 2. Результаты оценки с помощью Анкеты проявлений девиантного поведения и Опросника межличностных потребностей. На столбцах представлено среднее арифметическое значение, полученное в группе испытуемых юношеского возраста с НССП, страдающих депрессией (клиническая группа), в группе здоровых испытуемых (контрольная группа) и в группе испытуемых юношеского возраста без НССП, страдающих депрессией (группа сравнения). В ячейках указаны полученные значения по группам обследованных в соответствии с группой. Уровень статистической значимости различий при сравнении с нормой: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$

шения последовательности двигательных актов при переносе программы с ведущей руки, персевераций, трудностей смены двигательного стереотипа. В гностической сфере у пациентов с НССП наиболее выражены нарушения, проявляющиеся в виде импульсивности в гностической деятельности, изредка — фрагментарности восприятия. Таким образом, пациенты, совершающие несуицидальные самоповреждения, продемонстрировали наиболее ригидное мышление. В когнитивном плане данная особенность может проявляться в затруднении адаптации к изменениям и неэффективном решении проблем и приводить к повторяющимся самоповреждениям. В то же время пациенты, не склонные к физическим самоповреждениям, прибегают к ряду других стратегий совладания с тягостными депрессивными переживаниями, что, согласно психометрическому исследованию, зачастую включает девиантное поведение. Данное наблюдение подчеркивает, что у обеих групп пациентов с депрессиями наблюдается сниженная критика к собственным болезненным переживаниям и поведению, что может мешать адекватному восприятию своего состояния и психотерапевтической коррекции.

Психометрическое исследование личностного профиля пациентов с НССП.

В данном исследовании была проведена статистическая обработка и анализ данных, полученных с использованием Анкеты проявлений девиантного поведения (Н-г). Структуру методики составляли семь согласованных шкал, выделенных с помощью факторного анализа (Деменко и др., 2018): «Агрессивное поведение», «Тревожные и навязчивые мысли», «Употребление психоактивных веществ», «Употребление наркотических веществ», «Употребление алкоголя», «Субъективная потребность в психологической помощи», «Суицидальные мысли».

Для оценки нормальности распределения данных, полученных с помощью Анкеты проявлений девиантного поведения (Н-г), был использован критерий Шапиро — Уилка. В клинической группе и группе нормы были показано ненормальное распределение по показателям «Агрессивное поведение» (на уровне $p < 0,001$),

«Употребление психоактивных веществ» (на уровне $p < 0,001$), «Употребление наркотических веществ» (на уровне $p < 0,001$), «Употребление алкоголя» (на уровне $p < 0,001$), «Суицидальные мысли» (на уровне $p < 0,001$). Таким образом, для дальнейшей статистической обработки был выбран непараметрический критерий Манна — Уитни.

В ходе обработки данных, полученных с помощью Анкеты проявлений девиантного поведения (Н-х), обнаружены значимые различия по параметрам «Употребление наркотических веществ» (на уровне $p < 0,049$) и «Суицидальные мысли» (на уровне $p < 0,027$). Показатель в клинической группе «Употребление наркотических веществ» $\mu = 1,68$, $mediana = 1,0$ (из возможного спектра от 1 до 4 баллов), в группе нормы $\mu = 1,08$, $mediana = 1,0$. Показатель в клинической группе «Суицидальные мысли» $\mu = 2,8$, $mediana = 2,0$, в группе нормы $\mu = 1,48$, $mediana = 1,5$ (из возможного спектра от 1 до 4 баллов). При анализе данных, полученных с помощью Опросника межличностных потребностей, по показателю «Чувство бремени» получены значимые различия между контрольной и клинической группой на уровне $p < 0,001$. Показатель в клинической группе «Чувство бремени» $\mu = 14,3$, $mediana = 14$, в группе нормы $\mu = 8,36$, $mediana = 6,0$ (из возможного спектра от 6 до 42 баллов).

Для решения задачи исследования личностных особенностей, являющихся специфичными для пациентов с НССП, был проведен сравнительный анализ между группой пациентов с депрессивными состояниями, сопровождавшимися НССП и группой больных с депрессиями, не совершивших ни НССП, ни суицидальных попыток.

На данном этапе исследования был проведен статистический анализ с помощью критерия Манна — Уитни. По результатам проверки были получены значимые различия между группами пациентов с НССП и без НССП при депрессиях по следующим показателям: «Суицидальные мысли» (на уровне $p = 0,0484$, $\mu_1 = 2,8$, $mediana_1 = 2$, $\mu_2 = 1,95$, $mediana_2 = 1,5$), «Употребление наркотических веществ» (на уровне $p < 0,001$, $\mu_1 = 1,68$, $mediana_1 = 1$, $\mu_2 = 1,56$, $mediana_2 = 1$). Показатель шкалы «Чувство бремени» не дал значимых различий при сравнении групп пациентов с НССП и без НССП (на уровне $p = 0,43$, $\mu_1 = 14,3$, $mediana_1 = 14$, $\mu_2 = 13,4$, $mediana_2 = 11,5$), однако сохранил значимые различия при сопоставлении группы без НССП с группой нормы (на уровне $p = 0,0038$, в группе сравнения $\mu = 13,4$, $mediana = 11,5$, в группе нормы $\mu = 8,36$, $mediana = 6,0$).

Кроме того, значимые различия были получены и по другим шкалам опросников: «Агрессивность» (на уровне $p = 0,048$, $\mu_1 = 1,56$, $mediana_1 = 1,5$ (пациенты с НССП), $\mu_2 = 1,92$, $mediana_2 = 1,5$ (пациенты без НССП)), «Общий страх перед болью» (на уровне $p = 0,0365$, $\mu_1 = 41,8$, $mediana_1 = 40$, $\mu_2 = 47,53$, $mediana_2 = 46$), «Употребление алкоголя» (на уровне $p < 0,001$, $\mu_1 = 1,35$, $mediana_1 = 1$, $\mu_2 = 1,77$, $mediana_2 = 1,33$), «Субъективная потребность в помощи» (на уровне $p = 0,001$, $\mu_1 = 2,42$, $mediana_1 = 2,37$, $\mu_2 = 2,75$, $mediana_2 = 2,75$), «Клиническая психопатология» (на уровне $p < 0,001$, $\mu_1 = 1,96$, $mediana_1 = 1,75$, $\mu_2 = 2,46$, $mediana_2 = 2,5$).

Таким образом, в группе пациентов без НССП более выражено субъективное восприятие депрессии, чем у испытуемых группы нормы и у больных с НССП, что отражается на показателях «Клиническая психопатология» и «Субъективная потребность в помощи». У пациентов без НССП выше уровень субъективно осознаваемой агрессии, что, предположительно, может быть связано с большей способно-

стью распознавания собственных эмоциональных состояний, принятия ситуации болезни и являться одним из способов облегчения душевной боли.

Полученные результаты позволяют дифференцировать личностные профили, характерные для пациентов с депрессией с НССП и без НССП, а также установить специфичность выявленных признаков.

При анализе данных, полученных с помощью Анкеты проявлений девиантного поведения, Опросника межличностных потребностей и Шкалы катастрофизации боли PCS, в ходе обработки с помощью критерия Спирмена были показаны умеренные корреляции между целым рядом показателей. В группе пациентов с НССП была показана отрицательная корреляция по показателю «Агрессивное поведение» со «Страхом перед значительной болью» (на уровне $-0,409$, $p\text{-value} = 0,042$) и «Страхом перед зубной болью» (на уровне $-0,491$, $p\text{-value} = 0,013$). По показателю «Чувство бремени» получена отрицательная корреляция с параметром «Употребление алкоголя» (на уровне $-0,520$, $p\text{-value} = 0,008$), выявлена положительная корреляция между параметрами «Субъективная потребность в психологической помощи» и «Беспомощность» (на уровне $0,466$, $p\text{-value} = 0,019$).

При анализе данных, полученных в контрольной группе, показана положительная корреляция между показателями «Субъективная потребность в психологической помощи» с показателями «Беспомощность» (на уровне $0,543$, $p\text{-value} = 0,005$), «Тревога усиления боли» (на уровне $0,466$, $p\text{-value} = 0,019$), «Чувство нарушенной принадлежности» (на уровне $0,443$, $p\text{-value} = 0,026$). Показатель «Тревожные и навязчивые мысли» положительно коррелирует с такими параметрами, как «Страх перед малой болью» (на уровне $0,565$, $p\text{-value} = 0,003$), «Тревога усиления боли» (на уровне $0,514$, $p\text{-value} = 0,009$), «Беспомощность» (на уровне $0,410$, $p\text{-value} = 0,042$), «Чувство нарушенной принадлежности» (на уровне $0,480$, $p\text{-value} = 0,015$). Параметр «Суицидальные мысли» положительно коррелирует с параметром «Беспомощность» (на уровне $0,476$, $p\text{-value} = 0,016$).

Обсуждение результатов

Проведенное исследование позволило выявить ряд нейропсихологических особенностей, характеризующих работу различных церебральных структур пациентов, а также определить их личностные характеристики, проявления которых в совокупности с параметрами нейрокогнитивного профиля могут способствовать пониманию патогенетических аспектов НССП.

Было обнаружено, что у всех обследованных пациентов, страдающих депрессиями, сопровождающимися НССП, выявляется когнитивный дефицит в различных сферах психической деятельности, таких как процессы памяти, регуляторно-исполнительные функции и параметры нейродинамики. Обращают на себя внимание как отчетливая клиническая неоднородность, так и крайняя вариативность выраженности когнитивных нарушений в клинической группе. Полученные результаты свидетельствуют о том, что выраженность этих симптомов и их сочетание в клинической картине не могут быть квалифицированы в качестве специфического нейропсихологического синдрома, в то же время их представленность и специфику проявлений допустимо оценивать в рамках особого когнитивного профиля изученной группы пациентов.

Данные, полученные в ходе нейропсихологического исследования, указывают на наличие у пациентов клинической группы когнитивного дефицита, предположительно связанного с функциональной недостаточностью префронтальных, премоторных и моторных отделов лобных долей коры головного мозга, а также субкортикально-стволовых структур и лимбической системы. Следует отметить особенности поведения пациентов этой группы при обследовании: большинство из них затруднялись дать оценку собственной деятельности либо их суждения по данному вопросу были нереалистичными. Больные проявляли выраженный негативизм в ситуации неуспеха и отказывались принимать подсказки либо искать альтернативное решение. Выявленные в исследовании поведенческие особенности подтверждают широко распространенные в современной клинической психологии теории о нарушении (неполноте) критики, недостатке когнитивной гибкости и трудностях в дифференциации и оценке собственных эмоций у пациентов с НССП как с суицидальным риском, так и без такового (Польская, 2015; Novak et al., 2022).

НССП является отдельной от суицидального поведения дефиницией, однако данные множества исследований (Любов и др., 2019; Дарьин, Зайцева, 2023) указывают на их взаимосвязь. Результаты психометрической части исследования представляется важным оценить с точки зрения данной взаимосвязи. Вероятно, для части респондентов клинической группы НССП выступала в роли инструмента для подготовки к будущим суицидальным попыткам. Аналогичные связи между НССП и суицидальным поведением прослеживаются в межличностно-психологической теории самоубийств, свидетельствующей о взаимосвязи индивидуальных представлений о себе в обществе и тенденциями к суицидальному поведению. В рамках данной концепции такие формы девиантного поведения, как злоупотребление психоактивными веществами и несуицидальные самоповреждения, могут расцениваться как действия, способствующие формированию готовности к суицидальной попытке (Shneidman, 1973, Klonsky et al., 2018). Следует отметить, что субъективная неудовлетворенность собственным положением и социальной ролью в обществе способствует возникновению и интенсификации негативных эмоциональных переживаний (в том числе чувства бремени) и служит фактором формирования готовности к суициду.

Важно отметить тот факт, что респонденты клинической группы продемонстрировали меньший страх перед болью различных модальностей и большую степень пренебрежения физическим комфортом при возрастающей тенденции к агрессивному поведению, что может быть рассмотрено в рамках как классической психоаналитической теории (Фрейд, 1993), так и современных исследованиях психодинамического подхода (Persano, 2022), видящих причины возникновения самоповреждений в переносе агрессивных переживаний со спровоцировавшего его внешнего объекта на субъект переживаний, а также рассматривающих НССП в контексте проявлений импульсивности, мазохизма и насилия.

Выявленная в клинической группе склонность к злоупотреблению алкоголем может рассматриваться в качестве стратегии совладания с клинической депрессивной симптоматикой, которая в долгосрочной перспективе имеет существенное дезадаптивное влияние на жизнь пациента.

В свою очередь результаты, полученные при исследовании лиц контрольной группы, могут свидетельствовать об адекватности оценки собственного состоя-

ния у здоровых испытуемых и указывать на их активную позицию по отношению к таким параметрам, как поиск помощи и забота о собственном здоровье. Респонденты данной группы были способны к более высокой степени распознавания и дифференциации собственных эмоций и переживаний, а также к более реалистичной оценке актуального состояния. В контрольной группе можно отметить тот факт, что параметр «Тревожные и навязчивые мысли» в норме ассоциирован с переживаниями трудностей социальной и профессиональной адаптации. Степень выраженности данных переживаний (их осознание и внутренняя оценка субъективной значимости) связана с повышением тревожности и возникновением навязчивых мыслей. Предположительно, субъективная убежденность в неспособности совладать с трудностями приводит к возникновению чувства безнадежности и может провоцировать появление мыслей антивитального характера (Beck et al., 1985), что нашло свое отражение и в трехэтапной теории самоубийства (Klonsky et al., 2021).

Результаты, полученные при анализе данных группы сравнения, указывают на наличие значимых различий с клинической группой. Ключевые показатели, кроме шкалы «Суицидальные мысли», были выше в группе пациентов без НССП, что может быть объяснено как более качественной критикой к своему состоянию, так и отсутствием саморегуляционного фактора в виде НССП. В контексте данного исследования выявленные различия обосновывают специфичность личностных особенностей респондентов клинической группы. В то же время они представляют интерес для будущих исследований, посвященных определению влияния НССП на клиническую картину депрессии у пациентов юношеского возраста.

При сопоставлении корреляций показателей в контрольной и клинической группе обращает на себя внимание их разнонаправленность. Так, у группы здоровых пациентов показатель «Агрессивное поведение» не коррелирует с восприятием боли, в то время как у группы пациентов с НССП показана отрицательная корреляция, что указывает на обратно пропорциональную связь между выраженной агрессии и страхом перед болью. В обеих группах отмечается характерная особенность: при нарастании чувства беспомощности увеличивается субъективная потребность в психологической помощи. Следует отметить, что в контрольной группе, в отличие от клинической, субъективная оценка необходимости психологической помощи была более выражена при возрастании показателей тревоги, усиления боли и чувства нарушенной принадлежности. При сравнении двух групп отмечается, что у здоровых испытуемых, в отличие от пациентов с НССП, выражена положительная корреляция между суицидальными тенденциями и чувством беспомощности, что соотносится с данными других литературных источников (Шиповская, 2009). Так, авторы исследования (Kim et al., 2023) выделили две группы среди респондентов с НССП: подтип с суицидальными попытками и злоупотреблением психоактивных веществ и подтип с НССП в форме порезов и царапин (без суицидальных попыток и злоупотребления психоактивных веществ). Повышенный уровень чувства беспомощности был свойственен для респондентов обеих групп, однако в группе с суицидальными попытками и тенденциями он был выражен более значительно.

Выводы

Выявленные личностные и нейропсихологические особенности в совокупности могут быть рассмотрены в качестве специфических для лиц, страдающих юношескими депрессиями с НССП, и характеризовать их особый психологический профиль. Можно предположить, что структура когнитивной организации самоповреждающего поведения тесно связана с выраженным дефицитом регуляторно-исполнительных функций, проявляющимся в ригидности мышления и снижении способности к смене дезадаптивной когнитивной стратегии на физиологическом уровне.

Трудности распознавания собственных эмоций и недостаток критики к своему состоянию могут увеличивать латентный период между возникновением интенсивных суицидальных тенденций и обращением за помощью.

Неспособность к поиску и реализации адаптивной стратегии совладания с переживаниями обостряет чувство беспомощности и, наряду со сниженной способностью к планированию деятельности и оценке возможных ее отдаленных последствий, может провоцировать появление девиантного поведения, такого как аутоагрессия или употребление психоактивных веществ. Наблюдается схожесть природы НССП с аддиктивными вариантами девиантного поведения, что проявляется в возникновении непреодолимого влечения к получению удовольствия от самоповреждений.

После первого эпизода НССП, осуществленного вследствие обусловленного депрессией психологического неблагополучия, больные фиксируются на данном опыте как на методе саморегуляции. Отказ от дезадаптивных стратегий для пациентов с депрессиями, сопровождающимися НССП, затруднен ввиду свойственной им ригидности мышления, а также изменения реактивности и нарушения нормального восприятия и оценки болевых ощущений, возникающих вследствие продолжительной практики НССП.

Следует отметить, что отдельные параметры когнитивных функций и личностные особенности, описанные выше, не являются специфичными именно для пациентов, страдающих депрессиями с НССП, в то время как их сочетание лежит в основе формирования данного паттерна поведения у изученной группы пациентов.

Таким образом, проведенное исследование выявило значимые когнитивные и личностные особенности у пациентов юношеского возраста с депрессивными состояниями, сопровождающимися НССП. Полученные данные способствуют разработке методов комплексной психотерапии и реабилитации, направленных на коррекцию выявленных когнитивных и личностных нарушений изученной группы больных и созданию специализированных программ помощи, позволяющих снизить интенсивность самоповреждающего поведения, а также улучшить психическое состояние пациентов в целом. Результаты работы могут послужить основой для дальнейших исследований в данном направлении.

Ограничения

К ограничениям данного исследования можно отнести его срезовый характер, препятствующий оценке процессов, происходящих с пациентами после НССП. Кроме того, внимание будущих исследований стоит сфокусировать на

оценке причинно-следственных связей описанных явлений и дифференциации пациентов, страдающих юношескими депрессиями с НССП на различные группы в зависимости от мотивов их совершения.

Литература

- Алексеева П. С., Афанасьева С. М. Характеристика самоповреждающего поведения подростков с учетом профиля латеральной организации головного мозга // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10, № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/07PSMN622.pdf> (дата обращения: 20.01.2024).
- Антохина Р. И., Антохин Е. Ю., Болдырева Т. А. Нейрокогнитивный профиль лиц молодого возраста, склонных к самоповреждению // Психиатрия и психофармакотерапия. 2020. Т. 22, № 4. С. 25–29.
- Ахапкин Р. В., Маслова М. А. Когнитивные нарушения при непсихотических депрессивных расстройствах // Российский психиатрический журнал. 2015. № 1. С. 43–50.
- Будза В. Г., Палаева Р. И., Антохин Е. Ю. Суициды детей и подростков: нейропсихологическая уязвимость // Психическое здоровье. 2020. № 1. С. 50–56.
- Вассерман Л. И., Дорофеева С. А., Меерсон Я. А. Методы нейропсихологической диагностики. СПб.: Стройлеспечать, 1997.
- Вассерман Л. И., Ананьева Н. И., Вассерман Е. Л., Иванов М. В., Мазо Г. Э., Незнанов Н. Г., Горелик А. Л., Ежова Р. В., Ериков Б. Б., Сорокина А. В., Янушко М. Г. Нейрокогнитивный дефицит и депрессивные расстройства: структурно-функциональный подход в сравнительных многомерных исследованиях // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. 2013. № 4. С. 58–67.
- Дарьин Е. В. Этиология и факторы риска несуицидального самоповреждающего поведения // Медицинский вестник Юга России. 2023. № 14 (1). С. 13–23.
- Дарьин Е. В., Бойко Е. О., Зайцева О. Г. Акцентуация характера и самоповреждающее поведение у подростка: клинический случай // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. 2023. Т. 14, № 2. С. 196–208. <https://doi.org/10.34883/PI.2023.14.2.009>
- Дарьин Е. В., Зайцева О. Г. Эпидемиология несуицидального самоповреждающего поведения (нестатистический повествовательный обзор) // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 2023. № 57 (2). С. 8–19. <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2023-694>
- Деменко Е. Г., Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш., Брюн Е. А., Аришнова В. В. Психологическая диагностика факторов риска вовлечения подростков в употребление наркотических веществ: разработка методического комплекса. Ч. 2. Критериальная валидность шкал и анализ профилей // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 2018. № 4. С. 26–34. <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2018-4-26-34>
- Ериков Б. Б., Тагильцева А. В., Петров М. В. Современные исследования когнитивного дефицита при аффективных расстройствах: нейропсихологический подход (обзор литературы) // Психология. Психофизиология. 2015. № 3. С. 65–76.
- Зейгарник Б. В., Холмогорова А. Б., Мазур Е. С. Саморегуляция в норме и патологии // Психологический журнал. 1989. № 2. С. 122–132.
- Иванов О. В., Егоров А. Ю. Индивидуальный профиль латеральной организации и психологические особенности лиц с суицидальным поведением // Психическое здоровье. 2008. № 4. С. 36–39.
- Изнак А. Ф., Медведева Т. И., Изнак Е. В., Олейчик И. В., Бологов П. В., Кобзова М. П. Нарушения нейропсихологических механизмов принятия решений при депрессии // Физиология человека. 2016. Т. 42, № 6. С. 18–26. <https://doi.org/10.7868/S0131164616060084>
- Кибиков А. А., Мазо Г. Э. Генетика и эпигенетика несуицидального самоповреждающего поведения: нарративный обзор // Генетика. 2023. Т. 59, № 12. С. 1347–1359. <https://doi.org/10.31857/S0016675823120032>
- Конорева А. Е., Мосолов С. Н. Когнитивные нарушения при биполярном аффективном расстройстве // Современная терапия психических расстройств. 2017. № 4. С. 11–18.
- Корсакова Н. К., Долгополова О. А. Применение статистической теории обнаружения к исследованию межполушарного взаимодействия // Хомская Е. Д. (ред.). Новые методы нейропсихологического исследования. М., 1989. С. 88–101.

- Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. М.: Изд-во МГУ, 1973.
- Лурия А.Р., Цветкова Л.С. Нейропсихологический анализ решения задач. М.: Просвещение, 1966.
- Любов Е.Б., Зотов П.Б., Банников Г.С. Самоповреждающее поведение подростков: дефиниции, эпидемиология, факторы риска и защитные факторы. Сообщение I // Суицидология. 2019. № 10 (4). С. 16–46. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.19-10-04\(37\)-16-46](https://doi.org/10.32878/suiciderus.19-10-04(37)-16-46)
- Сагалакова О.А., Труевцев Д.В., Стоянова И.Я., Терехина О.В. Нарушение саморегуляции и опосредования эмоций как основа риска формирования антивитального поведения в молодом возрасте // Сибирский психологический журнал. 2017. № 65. С. 94–103. <https://doi.org/10.17223/17267080/65/7>
- Плужников И.В., Омельченко М.А., Крылова Е.С., Каледа В.Г. Нейропсихологическая синдромология непсихотических психических расстройств юношеского возраста // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2013. № 113 (12). С. 19–25.
- Польская Н.А. Причины самоповреждения в юношеском возрасте (на основе шкалы самоотчета) // Консультативная психология и психотерапия. 2014. Т. 22, № 2. С. 140–152.
- Польская Н.А. Акты самоповреждения у пациентов с пограничными психическими расстройствами // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8, № 3. С. 129–144. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2015080312>
- Пуговкина О.Д. Когнитивное функционирование и его динамика у больных терапевтически резистентными депрессиями в процессе лечения методами электросудорожной терапии и транскраниальной магнитной стимуляции: дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. URL: <https://geum.ru/next/art-307337.php> (дата обращения: 28.01.2024).
- Пуговкина О.Д., Холмогорова А.Б. Нарушения социального познания при депрессиях // Консультативная психология и психотерапия. 2014. Т. 22, № 4. С. 80–97. URL: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/2014_n4/74167#sponsoredby (дата обращения: 20.01.2024).
- Пуговкина О.Д., Холмогорова А.Б. Влияние мотивационно-личностных характеристик на когнитивное функционирование у больных терапевтически резистентными депрессиями // Краснов В.Н. (ред.). Реализация подпрограммы «Психические расстройства» Федеральной целевой программы «Предупреждение и борьба с социально значимыми заболеваниями (2007–2011 гг.)» / Министерство здравоохранения и социального развития РФ, ФГУ «Московский НИИ психиатрии», Российское общество психиатров. М.: Медпрактика-М, 2008. С. 473–474.
- Садовничая В.С., Рассказова Е.И. Апробация методик отношения к физической боли у подростков и молодежи: психометрические характеристики, возможности и ограничения // Национальный психологический журнал. 2023. № 2 (50). С. 29–45.
- Фрейд З. Печаль и меланхолия // Вилюнас В.К., Гиппенрейтер Ю.Б. (ред.). Психология эмоций: тексты. 2-е изд. М., 1993. С. 215–223.
- Шиповская В.В. Психологический феномен беспомощности (статья первая) // Человек. Сообщество. Управление. 2009. № 4. С. 38–53.
- Austin M. P., Mitchell P., Goodwin G. M. Cognitive deficits in depression: Possible implications for functional neuropathology // Br. J. Psychiatry. 2001. Vol. 178 (3). P. 200–206.
- Bechara A., Damasio H., Damasio A. R. Emotion, decision making and the orbitofrontal cortex // Cereb. Cortex. 2000. No. 10 (3). P. 295–307. <https://doi.org/10.1093/cercor/10.3.295>
- Beck A. T., Steer R. A., Kovacs M., Garrison B. Hopelessness and eventual suicide: A 10-year prospective study of patients hospitalized with suicidal ideation // American Journal of Psychiatry. 1985. No. 142. P. 559–563.
- Chapman J. Anxiety and defective decision making: An elaboration of the group think model // Management Decision. 2006. No. 44. P. 1391–1404. <https://doi.org/10.1108/00251740610715713>
- Chen R. A., Lee C. Yi., Lee Yu., Hung C. F., Huang Yu. Ch., Lin P. Ye., Lee Sh. Yu., Wang L. J. Defining cognitive profiles of depressive patients using the Brief Assessment of Cognition in Affective Disorders // Peer J. 2019. Aug. 1; No. 7. Art. No. e7432. <https://doi.org/10.7717/peerj.7432>
- Diagnostic and statistical manual of mental disorders. 5th ed. Arlington: American Psychiatric Association, 2013. <https://doi.org/10.1176/appi.books.9780890425596>
- Farkas B. F., Takacs Z. K., Kollárovics N., Balázs J. The prevalence of self-injury in adolescence: A systematic review and meta-analysis // Eur. Child. Adolesc. Psychiatry. 2024. Oct.; No. 33 (10). P. 3439–3458. <https://doi.org/10.1007/s00787-023-02264-y>

- Hall J., O'Bryant S., Johnson L., Barber R. C. Depressive symptom clusters and neuropsychological performance in mild Alzheimer's and cognitively normal elderly // Depression Research and Treatment. 2011. Aug. 29. Art. No. 396958.
- Kim S., Woo S., Lee J. S. Investigation of the subtypes of nonsuicidal self-injury based on the forms of self-harm behavior: Examining validity and utility via latent class analysis and ecological momentary assessment // J. Korean Med Sci. 2023. May 1; No. 38 (17). Art. No. e132. <https://doi.org/10.3346/jkms.2023.38.e132>
- Klonsky E. D., Saffer B. Yo., Bryan C. J. Ideation-to-action theories of suicide: A conceptual and empirical update // Current Opinion in Psychology. 2018. Vol. 22. P. 38–43. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2017.07.020>
- Klonsky E. D., Pachkowski M. C., Shahnaz A., May A. M. The three-step theory of suicide: Description, evidence, and some useful points of clarification // Prev. Med. 2021. Nov.; No. 152 (Pt 1). Art. No. 106549. <https://doi.org/10.1016/j.ypmed.2021.106549>
- Lam R. W., Kennedy S. H., McIntyre R. S., Khullar A. Cognitive dysfunction in major depressive disorder: Effects on psychosocial functioning and implications for treatment // The Canadian Journal of Psychiatry. 2014. Dec.; No. 59 (12). P. 649–654. <https://doi.org/10.1177/070674371405901206>
- Lima I. M. M., Peckham A. D., Johnson S. L. Cognitive deficits in bipolar disorders: Implications for emotion // Clin. Psychol. Rev. 2018. Vol. 59. P. 126–136. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2017.11.006>
- Lu X., Zhang Yi., Zhong S., Lai S., Yan S., Song X., Zhong Q., Ye S., Chen Ya., Lai J., Jia Ya. Cognitive impairment in major depressive disorder with non-suicidal self-injury: Association with the functional connectivity of frontotemporal cortex // J. Psychiatr. Res. 2024. Sep.; No. 177. P. 219–227. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2024.07.008>
- Maruta N., Yaroslavtsev S., Oprya Ye., Kalenskaya G., Kutikov O. Structure of cognitive impairments in depressive disorders and principles of their therapy // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. 2021. Vol. 12, no. 3. P. 400–414.
- Michopoulos I., Zervas I. M., Pantelis C. Neuropsychological and hypothalamic-pituitary-axis function in female patients with melancholic and non-melancholic depression // Europ. Arch. of Psych. and Clin. Neuroscienc. 2008. Vol. 258 (4). P. 217–225.
- Novak L. A., Carter S. P., LaCroix J. M., Perera K. U., Neely L. L., Soumoff A., Ghahramanlou-Holloway M. Cognitive flexibility and suicide risk indicators among psychiatric inpatients // Psychiatry Res. 2022. Jul.; No. 313. Art. No. 114594. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2022.114594>
- Persano H. L. Self-harm // Int. J. Psychoanal. 2022. Dec.; No. 103 (6). P. 1089–1103. <https://doi.org/10.1080/00207578.2022.2133093>
- Richard-Devantoy S., Berlim M. T., Jollant F. A meta-analysis of neuropsychological markers of vulnerability to suicidal behavior in mood disorders // Psychol. Med. 2014. Vol. 44, no. 8. P. 1663–1673. <https://doi.org/10.1017/S0033291713002304>
- Shneidman E. S. Deaths of man. New York: Quadrangle, 1973.

Статья поступила в редакцию 17 ноября 2024 г.;
рекомендована к печати 18 февраля 2025 г.

Контактная информация:

Олейчик Михаил Игоревич — <https://orcid.org/0009-0006-4102-5978>, mr.oleychik@mail.ru
Шевченко Ольга Павловна — <https://orcid.org/0009-0003-7524-7234>, shevchenkolga@yandex.ru
Морева Александра Сергеевна — <https://orcid.org/0000-0002-4094-3906>, jaisonlee@yandex.ru
Олейчик Игорь Валентинович — д-р мед. наук; <https://orcid.org/0000-0002-8344-0620>, i.oleichik@mail.ru

Тхостов Александр Шамилевич (1952–2025) — д-р психол. наук

Study of the characteristics of the cognitive profile and personality traits of adolescent patients with non-suicidal self-injuries in depressive states

M. I. Oleychik^{1,2a}, O. P. Shevchenko¹, A. S. Moreva¹,
I. V. Oleichik¹, A. Sh. Tkhostov^{2†}

¹ Scientific Center for Mental Health,
34, Kashirskoe shosse, Moscow, 115522, Russian Federation

² Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, Moscow, 199991, Russian Federation

For citation: Oleychik M. I., Shevchenko O. P., Moreva A. S., Oleichik I. V., Tkhostov A. Sh. Study of the characteristics of the cognitive profile and personality traits of adolescent patients with non-suicidal self-injuries in depressive states. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2025, vol. 15, issue 3, pp. 432–454. EDN LTYVTV (In Russian)

Purpose of the study: identification of cognitive profile parameters and personality traits of adolescent patients suffering from depression with non-suicidal self-injury. Clinical group: 50 female patients aged from 16 to 25 years (average age 19) with non-suicidal self-injury, which occurred in the structure of depressive states of various nosological nature (clinical group). Control group: 50 females of the same age (average age 18). Comparison group: 36 female patients of the same age (average age 22.5) with depressive states of various nosological affiliations, without non-suicidal self-injury and without suicide attempts. Neuropsychological diagnostics was based on the classical battery of tests by A. R. Luria; the psychometric method represented by Interpersonal Needs Questionnaire, Questionnaire for Manifestations of Deviant Behavior, Fear of Pain Questionnaire, Pain Catastrophizing Scale was used as the main tool for assessing personal characteristics. The obtained data indicates the presence of a pronounced cognitive deficit in adolescent female patients suffering from depressive states accompanied by non-suicidal self-injury. The cognitive deficit was manifested predominantly in reduced or impaired regulatory-executive functions combined with impaired neurodynamics of thought processes and mental activity in general. The severity of symptoms and their combination cannot be qualified as a neuropsychological syndrome, but their representation and specificity of manifestations can be assessed within the framework of a special cognitive profile of the studied group of patients. Based on the results of the study, we also identified the features of the personality sphere of the patients of the studied cohort, which can be used as targets of complex psychotherapy.

Keywords: neuropsychology, neurocognitive deficit, depressive states, non-suicidal self-harming behaviour, adolescence, personality characteristics.

References

- Akhapkin, R. V., Maslova, M. A. (2015). Cognitive impairment in non-psychotic depressive disorders. *Rossiiskii psichiatricheskii zhurnal*, 1: 43–50. (In Russian)
- Alekseeva, P. S., Afanasyeva, S. M. (2022). Characteristics of self-harming behavior in adolescents taking into account the profile of the lateral organization of the brain. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 10, 6. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/07PSMN622.pdf> (accessed: 20.02.2024). (In Russian)
- Antokhina, R. I., Antokhin, E. Yu., Boldyreva, T. A. (2020). Neurocognitive profile of young people prone to self-harm. *Psychiatry and psychopharmacotherapy*, 22, 4: 25–29. (In Russian)
- Austin, M. P., Mitchell, P., Goodwin, G. M. (2001). Cognitive deficits in depression: Possible implications for functional neuropathology. *Br. J. Psychiatry*, 178 (3): 200–206.

^a Author for correspondence.

- Bechara, A., Damasio, H., Damasio, A. R. (2000). Emotion, decision making and the orbitofrontal cortex. *Cereb. Cortex*, 10 (3): 295–307. <https://doi.org/10.1093/cercor/10.3.295>
- Beck, A. T., Steer, R. A., Kovacs, M., Garrison, B. (1985). Hopelessness and eventual suicide: A 10-year prospective study of patients hospitalized with suicidal ideation. *American Journal of Psychiatry*, 142: 559–563.
- Budza, V. G., Palaeva, R. I., Antokhin, E. Yu. (2020). Suicides of children and adolescents: Neuropsychological vulnerability. *Psichicheskoe zdorov'e*, 1: 50–56. (In Russian)
- Chapman, J. (2006). Anxiety and defective decision making: An elaboration of the group think model. *Management Decision*, 44: 1391–1404. <https://doi.org/10.1108/00251740610715713>
- Chen, R. A., Lee, C. Yi., Lee, Yu., Hung, C. F., Huang, Yu. Ch., Lin, P. Ye., Lee, Sh. Yu., Wang, L. J. (2019). Defining cognitive profiles of depressive patients using the Brief Assessment of Cognition in Affective Disorders. *Peer J*, Aug. 1; 7: e7432. <https://doi.org/10.7717/peerj.7432>
- Dar'in, E. V. (2023). Etiology and risk factors of non-suicidal self-harming behavior. *Medicinskii vestnik Iuga Rossii*, 14 (1): 13–23. (In Russian)
- Dar'in, E. V., Boyko, E. O., Zaitseva, O. G. (2023). Accentuation of character and self-harming behavior in a teenager: A clinical case. *Psychiatry, psychotherapy and clinical psychology*, 14, 2: 196–208. <https://doi.org/10.34883/PI.2023.14.2.009> (In Russian)
- Dar'in, E. V., Zaitseva, O. G. (2023). The epidemiology of non-suicidal self-injurious behavior, a non-systematic narrative review. *Obozrenie psichiatrii i medicinskoi psichologii im. V.M. Bekhtereva*, 57, 2: 8–19. <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2023-694> (In Russian)
- Demenko, E. G., Rasskazova, E. I., Tkhostov, A. Sh., Bryun, E. A., Arshinova, V. V. (2018). Psychological diagnostics of risk factors for involving adolescents in drug use: Development of a methodological complex. Part 2. Criterial validity of scales and profile analysis. *Obozrenie psichiatrii i medicinskoi psichologii im. V.M. Bekhtereva*, 4: 26–34. <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2018-4-26-34> (In Russian)
- Diagnostic and statistical manual of mental disorders (2013). 5th ed. Arlington, American Psychiatric Association. <https://doi.org/10.1176/appi.books.9780890425596>
- Ershov, B. B., Tagiltseva, A. V., Petrov, M. V. (2015). Modern studies of cognitive deficit in affective disorders: a neuropsychological approach (literature review). *Psychology. Psychophysiology*, 3: 65–76. (In Russian)
- Farkas, B. F., Takacs, Z. K., Kollárovics, N., Balázs, J. (2024). The prevalence of self-injury in adolescence: A systematic review and meta-analysis. *Eur. Child. Adolesc. Psychiatry*, Oct., 33 (10): 3439–3458. <https://doi.org/10.1007/s00787-023-02264-y>
- Freud, S. (1993). Sadness and melancholy. In: Freud, S. *Psychology of emotions: texts* (pp. 215–223). 2nd ed. Moscow. (In Russian)
- Hall, J., O'Bryant, S., Johnson, L., Barber, R. C. (2011). Depressive symptom clusters and neuropsychological performance in mild Alzheimer's and cognitively normal elderly. *Depression Research and Treatment*, Aug. 29: 396958.
- Ivanov, O. V., Egorov, A. Yu. (2008). Individual profile of lateral organization and psychological characteristics of individuals with suicidal behavior. *Psichicheskoe zdorov'e*, 4: 36–39. (In Russian)
- Iznak, A. F., Medvedeva, T. I., Iznak, E. V., Oleichik I. V., Bologov P. V., Kobzova M. P. (2016). Disturbances in neurocognitive mechanisms of decision-making in depression. *Fiziologiya cheloveka*, 42, 6: 18–26. <https://doi.org/10.7868/S0131164616060084> (In Russian)
- Kibitov, A. A., Mazo G. E. (2023). Genetics and epigenetics of non-suicidal self-harming behavior: A narrative review. *Russian Journal of Genetics*, 59, 12: 1347–1359. <https://doi.org/10.31857/S0016675823120032> (In Russian)
- Kim, S., Woo, S., Lee, J. S. (2023). Investigation of the subtypes of nonsuicidal self-injury based on the forms of self-harm behavior: Examining validity and utility via latent class analysis and ecological momentary assessment. *J. Korean Med. Sci.*, May 1, 38 (17): e132. <https://doi.org/10.3346/jkms.2023.38.e132> (In Russian)
- Klonsky, E. D., Saffer, B. Yo., Bryan, C. J. (2018). Ideation-to-Action theories of suicide: A conceptual and empirical update. *Current Opinion in Psychology*, 22: 38–43, <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2017.07.020>
- Klonsky, E. D., Pachkowski, M. C., Shahnaz, A., May, A. M. (2021). The three-step theory of suicide: Description, evidence, and some useful points of clarification. *Prev. Med.*, Nov., 152 (Pt 1): 106549. <https://doi.org/10.1016/j.ypmed.2021.106549>

- Konoreva, A. E., Mosolov, S. N. (2017). Cognitive impairments in bipolar affective disorder. *Sovremennaia terapiia psikhicheskikh rasstroistv*, 4: 11–18. (In Russian)
- Korsakova, N. K., Dolgopolova, O. A. (1989). Application of statistical detection theory to the study of interhemispheric interaction. In Khomskaya E. D. (ed.). *Novye metody neiropsikhologicheskogo issledovaniia* (pp. 88–101). Moscow. (In Russian)
- Lam, R. W., Kennedy, S. H., McIntyre, R. S., Khullar, A. (2014). Cognitive dysfunction in major depressive disorder: effects on psychosocial functioning and implications for treatment. *Can. J. Psychiatry*, Dec., 59 (12): 649–654. <https://doi.org/10.1177/070674371405901206>
- Lima, I. M. M., Peckham, A. D., Johnson, S. L. (2018). Cognitive deficits in bipolar disorders: Implications for emotion. *Clin. Psychol. Rev.*, 59: 126–136. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2017.11.006>
- Lu, X., Zhang, Yi., Zhong, S., Lai, S., Yan, S., Song, X., Zhong, Q., Ye, S., Chen, Ya., Lai, J., Jia, Ya. (2024). Cognitive impairment in major depressive disorder with non-suicidal self-injury: Association with the functional connectivity of frontotemporal cortex. *J. Psychiatr. Res.*, Sep., 177: 219–227. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2024.07.008>
- Luria, A. R. (1973). *Fundamentals of neuropsychology*. Moscow, Moscow State University Press. (In Russian)
- Luria, A. R., Tsvetkova, L. S. (1966). *Neuropsychological analysis of problem solving*. Moscow, Prosveshchenie Publ. (In Russian)
- Lyubov, E. B., Zotov, P. B., Bannikov, G. S. (2019). Self-harming behavior of adolescents: definitions, epidemiology, risk factors and protective factors. *The Message I. Suicidology*, 10 (4): 16–46. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.19-10-04\(37\)-16-46](https://doi.org/10.32878/suiciderus.19-10-04(37)-16-46) (In Russian)
- Maruta, N., Yaroslavtsev, S., Oprya, Ye., Kalenskaya, G., Kutikov, A. (2021). Structure of cognitive impairments in depressive disorders and principles of their therapy. *Psychiatry, Psychotherapy and Clinical Psychology*, 12, 3: 400–414.
- Michopoulos, I., Zervas, I. M., Pantelis, C. (2008). Neuropsychological and hypothalamic-pituitary-axis function in female patients with melancholic and non-melancholic depression. *Europ. Arch. of Psych. and Clin. Neuroscient.*, 258 (4): 217–225.
- Novak, L. A., Carter, S. P., LaCroix, J. M., Perera, K. U., Neely, L. L., Soumoff, A., Ghahramanlou-Holloway, M. (2022). Cognitive flexibility and suicide risk indicators among psychiatric inpatients. *Psychiatry Res.*, Jul., 313: 114594. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2022.114594>
- Persano, H. L. (2022). Self-harm. *Int. J. Psychoanal.*, Dec. 103 (6): 1089–1103. <https://doi.org/10.1080/00207578.2022.2133093>
- Pluzhnikov, I. V., Omelchenko, M. A., Krylova, E. S., Kaleda, V. G. (2013). Neuropsychological syndromology of non-psychotic mental disorders of adolescence. *Zhurnal nevrologii i psichiatrii imeni S. S. Korsakova*, 113 (12): 19–25. (In Russian)
- Polskaya, N. A. (2014). Causes of self-harm in adolescence (based on a self-report scale). *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 22, 2: 140–152. (In Russian)
- Polskaya, N. A. (2015). Acts of self-harm in patients with borderline mental disorders. *Experimental psychology*, 8, 3: 129–144. <https://doi.org/10.17759/expppy.2015080312> (In Russian)
- Pugovkina, O. D. (2006). *Cognitive functioning and its dynamics in patients with treatment-resistant depressions during treatment with electroconvulsive therapy and transcranial magnetic stimulation*: dissertation of candidate in Psychology. Moscow. Available at: <https://geum.ru/next/art-307337.php> (accessed: 28.01.2024)
- Pugovkina, O. D., Kholmogorova, A. B. (2008). The influence of motivational and personal characteristics on cognitive functioning in patients with treatment-resistant depression. Krasnov, V. N. (ed.). *Preduprezhdenie i bor'ba s social'no znachimymi zabolevaniyami (2007–2011): realizatsiiia podprogrammy "Psikhicheskie rasstroistva" Federal'noi tselevoi programmy* (pp. 473–474). Moscow, Medpraktika-M Publ.
- Pugovkina, O. D., Kholmogorova, A. B. (2014). Impaired social cognition in depression. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 22, 4: 80–97. Available at: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/2014_n4/74167 sponsoredby (In Russian) (accessed: 20.01.2024)
- Richard-Devantoy, S., Berlim, M. T., Jollant, F. (2014). A meta-analysis of neuropsychological markers of vulnerability to suicidal behavior in mood disorders. *Psychol. Med.*, 44, 8: 1663–1673. <https://doi.org/10.1017/S0033291713002304>
- Sadovnichaya, V. S., Rasskazova, E. I. (2023). Testing methods of attitude to physical pain in adolescents and young people: Psychometric characteristics, possibilities and limitations. *Natsional'nyi psichologicheskii zhurnal*, 2 (50): 29–45. (In Russian)

- Sagalakova, O. A., Truevtsev, D. V., Stoyanova, I. Ya., Terekhova, O. V. (2017). Impaired self-regulation and emotion mediation as a basis for the risk of forming anti-vital behavior in young people. *Siberian journal of psychology*, 65: 94–103. <https://doi.org/10.17223/17267080/65/7> (In Russian)
- Shipovskaya, V. V. (2009). Psychological phenomenon of helplessness (article one). *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, 4: 38–53. (In Russian)
- Shneidman, E. S. (1973). *Deaths of man*. New York, Quadrangle.
- Wasserman, L. I., Dorofeeva, S. A., Meerson, Ya. A. (1997). *Methods of neuropsychological diagnostics*. St. Petersburg. (In Russian)
- Wasserman, L. I., Ananyeva, N. I., Wasserman, E. L., Ivanov, M. V., Mazo, G. E., Neznanov, N. G., Gorelik, A. L., Ezhova, R. V., Ershov, B. B., Sorokina, A. V., Yanushko, M. G. (2013). Neurocognitive deficit and depressive disorders: a structural-functional approach in comparative multivariate studies. *Obozrenie psichiatrii i meditsinskoi psichologii im. V. M. Bekhtereva*, 4: 58–67. (In Russian)
- Zeigarnik, B. V., Kholmogorova, A. B., Mazur, E. S. (1989). Self-regulation in norm and pathology. *Psichologicheskii zhurnal*, 2: 122–132. (In Russian)

Received: November 17, 2024

Accepted: February 18, 2025

Authors' information:

Mikhail I. Oleychik — <https://orcid.org/0009-0006-4102-5978>, mr.oleychik@mail.ru

Olga P. Shevchenko — <https://orcid.org/0009-0003-7524-7234>, shevchenkolga@yandex.ru

Alexandra S. Moreva — <https://orcid.org/0000-0002-4094-3906>, jaisonlee@yandex.ru

Igor V. Oleichik — Dr. Sci. in Medicine; <https://orcid.org/0000-0002-8344-0620>, i.oleichik@mail.ru

Alexander Sh. Tkhostov[†] (1952–2025) — Dr. Sci. in Psychology

Особенности переживания одиночества и способы совладания с ним у женщин с разным статусом отношений в период взрослости*

К. М. Крупина

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Крупина К. М. Особенности переживания одиночества и способы совладания с ним у женщин с разным статусом отношений в период взрослости // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 3. С. 455–475. EDN NIQASA

Одиночество является проблемой, которая актуальна на всех жизненных этапах и связана с социальными отношениями. Феномен коррелирует с различными нарушениями физического и психического здоровья, что указывает на необходимость поиска методов совладания с ним. Целью исследования являлось изучение особенностей переживания одиночества и способов совладания с ним у женщин на разных этапах взрослости в зависимости от статуса отношений. В исследовании приняли участие 158 женщин, проживающих в разных регионах РФ. Были выделены три возрастные группы: 18–25 лет ($n=65$); 26–39 лет ($n=57$) и 40–54 лет ($n=36$) и две с разным статусом отношений: 48 % не имеют партнера ($M_{возраст} = 30,64$; $SD = 9,82$); у 52 % респондентов есть партнер ($M_{возраст} = 32,28$; $SD = 8,87$). Для анализа использованы методики: Дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО) Е. Н. Осина и Д. А. Леонтьева; Шкала социального и эмоционального одиночества для взрослых (SELSA-S) (в адаптации О. Ю. Стрижицкой с соавт.); Тест жизнестойкости С. Мадди (Д. А. Леонтьев, Е. И. Расказова); Шкала психологического благополучия К. Рифф (в адаптации Е. Г. Трошихиной и Л. В. Жуковской). В результате выявлены статистически значимые различия по параметрам одиночества и жизнестойкости в возрастных группах. Проведен анализ взаимодействия эффектов возраста и статуса отношений с параметрами переживания одиночества, психологического благополучия и жизнестойкости. Произведена оценка вклада параметров жизнестойкости и психологического благополучия в одиночество женщин в зависимости от статуса отношений. Результаты исследования показали значимую роль жизнестойкости и психологического благополучия в совладании с одиночеством взрослых женщин с разным статусом отношений.

Ключевые слова: переживание одиночества, жизнестойкость, вовлеченность, психологическое благополучие, автономность, статус отношений, социальное и эмоциональное одиночество, уединение.

Введение

Одиночество — релевантная проблема, координирующаяся с разными аспектами социальных отношений и являющаяся актуальной на разных этапах жизни человека. Феномен одиночества обладает сложной, противоречивой сущностью. С одной

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-28-00841.

стороны, А. Н. Осин и Д. А. Леонтьев определяют одиночество как переживание собственной невовлеченности в отношения с окружающими. Феномен может иметь характер физической изоляции, но человек может переживать одиночество и в кругу других людей, оно может носить добровольный характер или же быть вынужденным (Осин, Леонтьев, 2013). Состояние одиночества влечет за собой негативные эмоциональные переживания, фрустрацию, тоску (Дьяченко, 2014). Ученые отмечают связь одиночества с различными нарушениями психического (например, депрессией и тревогой) и физического здоровья, в частности с заболеваниями сердечно-сосудистой системы, болезнью Альцгеймера и др. (Compernolle et al., 2021; Lee et al., 2021; Barton et al., 2024; Akhter-Khan et al., 2024; Китаева, Лахтеева, 2024), что указывает на необходимость поиска методов совладания с ним. С другой стороны, одиночество может включать позитивный аспект; переживание уединения в этом случае носит положительный характер (Осин, Леонтьев, 2013). При рассмотрении одиночества как уединения авторы связывают его с личностным развитием (Ишанов, Осин, 2019).

Психологическое благополучие определяет особенности восприятия стрессоров, влияющих на жизнь личности, опосредуя поведение и реакцию на них (Головей и др., 2018). В связи с этим данный конструкт может играть важную роль и в совладании с одиночеством. Фундаментом психологического благополучия выступают аспекты эмоционального восприятия собственной жизни, самоактуализации и стремления к личностному росту, которые наиболее полно представлены, по мнению исследователей, в модели психологического благополучия К. Рифф (K. Ryff), компоненты которой определяют позитивное функционирование человека (Идобаева, 2011). Исследование И. Р. Муртазиной и др. показывает связь низкой выраженности психологического благополучия с актуальным переживанием одиночества (Муртазина и др., 2021а); а в работе Э. К. Чанг (E. C. Chang) с соавт. также продемонстрирована высокая роль одиночества для психологического благополучия взрослых женщин (Chang et al., 2020).

Жизнестойкость представляет собой комплекс убеждений, препятствующих негативному воздействию стрессовых ситуаций на личность. Конструкт жизнестойкости в модели С. Мадди (S. Muddy), согласно Д. А. Леонтьеву и Е. И. Рассказовой, включает в себя три компонента:

- 1) вовлеченность как убежденность в важности быть вовлеченным в происходящее;
- 2) контроль как убежденность в способности повлиять на происходящее;
- 3) принятие риска, под чем подразумевается убежденность в ценности происходящего в собственной жизни для получения опыта, позитивного или же негативного (Леонтьев, Рассказова, 2006).

Жизнестойкие убеждения позволяют человеку противостоять симптомам тревоги и депрессии (Chuning et al., 2024) и, вполне вероятно, могут являться ресурсом для совладания с одиночеством. Одиночество коррелирует с низкой выраженностью жизнестойкости (Китаева, Лахтеева, 2024), которая, в свою очередь, тесно связана с восприятием социальной поддержки (Saei, Lee, 2024).

Следует отметить, что особенности совладания с одиночеством могут зависеть от интенсивности его переживания (Крюкова, 2016). Результаты исследования М. Эловайнью (M. Elovainio) с соавт. свидетельствуют о большей подверженности одиночеству среди представительниц женского пола (Elovainio et al., 2024). Кроме

того, у женщин одиночество повышает риск переедания при переживании депрессии и тревоги (Mason, 2024).

Также большое значение в исследованиях одиночества имеют особенности социальных отношений. Статус отношений человека выступает предиктором переживания одиночества (Barjaková et al., 2023; Danvers et al., 2023), и, согласно К. Адамчик (K. Adamczyk), у одиноких людей отмечается более высокий уровень ощущения одиночества по сравнению с теми, кто имеет партнера (Adamczyk, 2016). Кроме того, с возрастом (после 40 лет) негативное восприятие одиночества у тех, кто не имеет партнера, может усиливаться (Danvers et al., 2023). Однако наличие отношений само по себе не защищает человека от переживания одиночества (Крюкова, Ронч, 2012; Белова, 2022). При этом, если человек находится в романтических отношениях, количество и эффективность стратегий совладания с одиночеством увеличиваются (Екимчик, Крюкова, 2014).

В связи с этим цель настоящего исследования заключается в изучении особенностей переживания одиночества и способов совладания с ним у женщин на разных этапах взрослоти в зависимости от статуса отношений.

Мы предположили, что выраженность параметров одиночества, психологического благополучия и жизнестойкости будет различаться у женщин в зависимости от возраста и статуса отношений; также параметры психологического благополучия и жизнестойкости будут по-разному включаться в параметры одиночества в зависимости от статуса отношений женщины.

Методы

Участники и процедура исследования. Данные были собраны в рамках проекта «Особенности переживания одиночества и способы совладания с ним в период взрослоти» в 2023–2024 гг. Выборка составила 158 женщин, проживающих в разных регионах Российской Федерации. Большая часть выборки имеет высшее (64 %) или неоконченное высшее (25,3 %) образование. Поскольку выраженность переживания одиночества, по данным исследований (Danvers et al., 2023; Barjaková et al., 2023), в зависимости от статуса отношений с возрастом может расти, а возрастной диапазон нашей выборки достаточно широкий, мы выделили три возрастные группы: 18–25 лет ($n=65$); 26–39 лет ($n=57$) и 40–54 лет ($n=36$). Для анализа взаимодействия факторов возраста и наличия партнера у женщины мы дополнительно поделили выборку на две группы с разным статусом отношений: 48 % женщин не имеют партнера ($M_{возраст}=30,64$; $SD=9,82$), из них 83 % не состоят в матри monialных отношениях, 17 % разведены; а 52 % респонденток имеют партнера ($M_{возраст}=32,28$; $SD=8,87$), в том числе 63,4 % состоят в браке, 36,6 % состоят в романтических отношениях. Участие в исследовании было добровольным и осуществлялось посредством заполнения Google-форм.

Методики исследования. Для анализа особенностей переживания одиночества использованы методики:

1. Дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО) (Е. Н. Осин, Д. А. Леонтьев).
2. Шкала социального и эмоционального одиночества для взрослых (SELSA-S) (в адаптации О. Ю. Стрижицкой и соавт.).

Для исследования ресурсов совладания с одиночеством мы использовали:

3. Тест жизнестойкости С. Мадди (Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова).

4. Шкала психологического благополучия К. Рифф (в адаптации Е. Г. Трошихиной и Л. В. Жуковской).

Обработка данных осуществлялась при помощи статистического пакета программ SPSS 23, Excel. Использовались методы описательной статистики (отображаемой в стандартизированных значениях переменных — z -оценках); тест Колмогорова — Смирнова; сравнительный анализ (t -критерий Стьюдента); однофакторный дисперсионный анализ ANOVA; многофакторный дисперсионный анализ MANOVA; регрессионный анализ.

Результаты

При помощи однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) мы изучили выраженность параметров переживания одиночества, жизнестойкости и психологического благополучия в возрастных группах, что позволило выявить статистически значимые различия по параметру ДОПО «Дисфория одиночества» (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительный анализ параметров одиночества в возрастных группах

Название шкал	18–25 лет ($n=65$)	26–39 лет ($n=57$)	40–54 лет ($n=36$)	F	p
	m(sd)	m(sd)	m(sd)		
Дисфория одиночества	8,69 (2,93)	7,57 (2,44)	6,72 (1,96)	7,308	0,001

Результаты, представленные в табл. 1, свидетельствуют о том, что негативные чувства, связанные с одиночеством, наиболее характерны для самых молодых участников нашего исследования в сравнении со старшей возрастной группой. По параметрам SELSA в выделенных группах статистически значимых различий не выявлено, однако результаты сравнения полученных нами данных с результатами работы исследователей СПбГУ (табл. 2), свидетельствуют о том, что в нашей подвыборке выраженность социального и эмоционального одиночества выше.

Мы сопоставили средние значения по методике SELSA-S с результатами исследования авторов на подвыборке женщин возрастной группы 25–45 лет (Муртазина и др., 2021б). Данные исследований отличаются в части параметров «Семейное эмоциональное одиночество» и «Несемейное эмоциональное одиночество»: иными словами, в нашей выборке женщины в большей степени ощущают одиночество как в кругу семьи, так и с друзьями.

Результаты сравнительного анализа параметров жизнестойкости (табл. 3) свидетельствуют о наибольшей выраженности параметра «Вовлеченность» в старшей возрастной группе. То есть женщины 40–54 лет в большей степени убеждены в том, что вовлеченность в различные виды активности, касающиеся разных жизненных сфер, позволяет найти нечто значимое для личности.

В целом показатели жизнестойкости соотносятся с нормативными (Леонтьев, Рассказова, 2006). Однако в исследовании Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой показатели вовлеченности в возрастной группе до 35 лет ($SD=38,03$), а также контроля

Таблица 2. Описательные статистики показателей SELSA-S в возрастных группах нашей выборки и данные исследования И. Р. Муртазиной, О. Ю. Стрижицкой, М. Д. Петраш (Муртазина и др., 2021б), $m(sd)$

Название шкал	18–25 лет ($n=65$)	26–39 лет ($n=57$)	40–54 лет ($n=36$)	25–45 лет ($n=61$) (Муртазина и др., 2021б)
Семейное эмоциональное одиночество	16,0 (7,3)	14,9 (6,1)	14,9 (7,9)	9,5 (3,9)
Несемейное эмоциональное одиночество	13,1 (5,1)	13,2 (5,6)	13,8 (6,6)	10,7 (3,6)
Одиночество в романтических отношениях	9,1 (4,7)	7,9 (3,7)	8,7 (4,1)	7,6 (4,4)
Шкала романтического эмоционального одиночества	8,8 (3,7)	8,4 (3,5)	9,6 (4,1)	7,2 (3,8)
Общая шкала социального и эмоционального одиночества	50,5 (9,7)	49,2 (8,8)	50,9 (10,6)	45,6 (8,1)

Таблица 3. Сравнительный анализ параметров жизнестойкости в возрастных группах

Название шкал	18–25 лет ($n=65$)	26–39 лет ($n=57$)	40–54 лет ($n=36$)	F	p
	$m(sd)$	$m(sd)$	$m(sd)$		
Вовлеченность	31,6 (10,27)	35,77 (8,22)	37,25 (7,55)	5,619	0,004
Контроль	25,67 (8,05)	27,7 (8,64)	27,67 (6,78)	1,207	0,302
Принятие риска	18,06 (5,09)	18,16 (5,29)	18,86 (5,12)	0,301	0,740

($SD=29,86$) все же несколько выше, чем показатели вовлеченности и контроля в выделенных группах 18–25 и 26–39 лет в нашем исследовании. Значения параметра «Принятие риска» в нашем исследовании выше во всех выделенных группах, в исследовании Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой показатели ниже как в возрастной группе до 35 лет ($SD=17,32$), так и в группе старше 35 лет ($SD=15,57$) (Леонтьев, Рассказова, 2006). Вероятно, такие различия могут быть обусловлены особенностями нашей выборки.

Статистически значимых различий по параметрам психологического благополучия между группами не выявлено. Мы сравнили средние значения по параметрам психологического благополучия с результатами женской подвыборки, полученными в исследовании, направленном на изучение одиночества и психологического благополучия взрослых мужчин и женщин (Муртазина и др., 2021а). Результаты представлены в табл. 4.

Согласно данным, приведенным в табл. 4, значения параметров психологического благополучия в трех выделенных нами группах схожи с данными, полученными на подвыборке женщин в сравниваемом исследовании (Муртазина и др., 2021а). Однако общий показатель психологического благополучия в нашем исследовании для всей выборки все же несколько ниже.

Таблица 4. Описательные статистики показателей психологического благополучия в возрастных группах нашей выборки и данные исследования И. Р. Муртазиной и др. (Муртазина и др., 2021а), m(sd)

Название шкал	18–25 лет (n=65)	26–39 лет (n=57)	40–54 лет (n=36)	35–75 лет (n=116) (Муртазина и др., 2021а)
Автономность	10,2 (1,9)	10,4 (1,9)	10,4 (2,1)	10,6 (2,0)
Компетентность	9,4 (2,4)	9,9 (2,4)	10,3 (1,6)	10,5 (1,8)
Личностный рост	13,0 (1,9)	12,2 (2,4)	12,2 (1,7)	10,9 (2,3)
Позитивные отношения	11,3 (2,2)	11,5 (2,6)	11,7 (2,0)	11,7 (2,0)
Жизненные цели	10,9 (2,1)	10,9 (2,4)	10,6 (1,9)	10,7 (2,0)
Самопринятие	11,1 (2,5)	10,6 (2,4)	11,3 (2,0)	9,7 (2,1)
Общий показатель	57,2 (22,7)	49,3 (26,7)	50,9 (28,2)	64,1 (8,0)

Далее, для изучения переживания одиночества у женщин с разным статусом отношений мы разделили выборку на две группы, где группа 1 включает женщин, у которых нет партнера, а группа 2 — женщин, которые его имеют. Сравнительный анализ выраженности уровневых характеристик одиночества в группах обнаружил статистически значимые различия по параметрам ДОПО «Изоляция», «Самоощущение», «Отчуждение» и «Дисфория одиночества», параметрам SELSA-S «Одиночество в романтических отношениях» и «Романтическое эмоциональное одиночество» в сторону наибольшей выраженности в группе 1 (табл. 5).

Таблица 5. Описательные статистики и данные сравнительного анализа (t-критерий Стьюдента) параметров одиночества в группах с разным статусом отношений

Название шкал	Группа 1 Нет партнера (n=76)	Группа 2 Есть партнер (n=82)	t _{кп.}	p
	m(sd)	m(sd)		
Параметры ДОПО				
Изоляция	8,48 (3,68)	6,89 (2,74)	3,105	0,002
Самоощущение	10,05 (4,07)	8,39 (3,36)	2,802	0,006
Отчуждение	10,52 (4,08)	8,94 (3,08)	2,772	0,006
Дисфория одиночества	8,37 (2,73)	7,35 (2,52)	2,428	0,016
Параметры SELSA-S				
Одиночество в романтических отношениях	11,91 (3,11)	5,45 (2,31)	14,879	0,000
Романтическое эмоциональное одиночество	10,72 (3,53)	7,08 (2,99)	7,006	0,000

Полученные данные свидетельствуют о том, что женщины, не имеющие партнера, в большей степени ощущают себя одинокими и испытывают отсутствие достаточно близкой связи с окружением, а также негативные чувства в отношении одиночества.

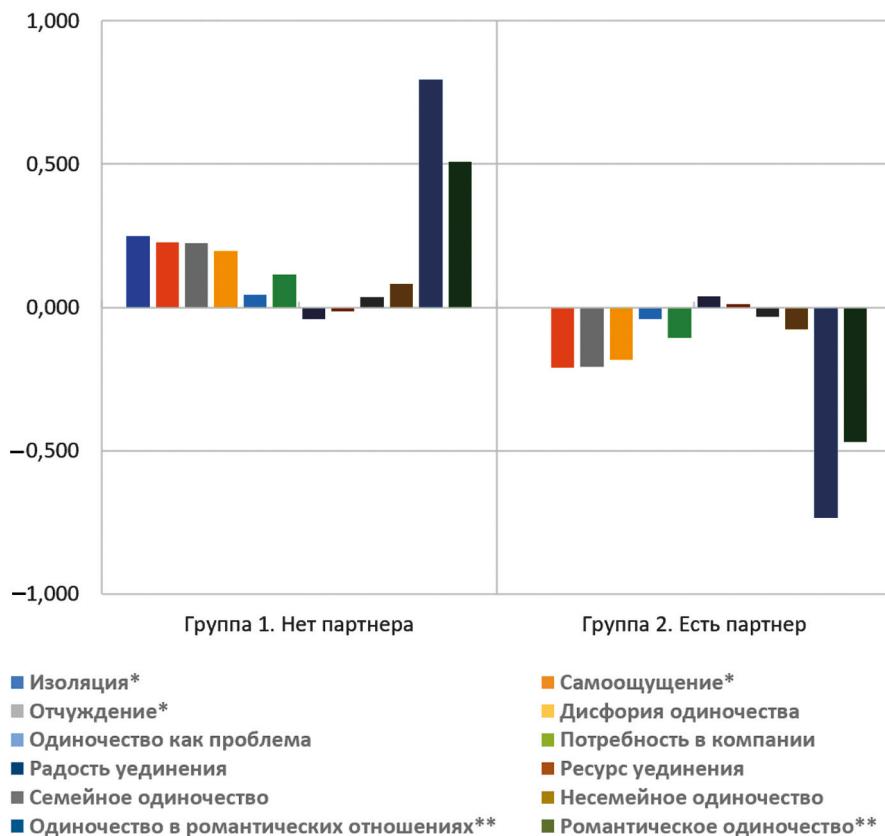

Рис. 1. Средние значения характеристик переживания одиночества женщин в зависимости от статуса (z -оценки)

Примечание: * Уровень статистической значимости $< 0,01$. ** Уровень статистической значимости $< 0,001$.

Кроме того, они оказываются более подверженными ощущению нереализованности в части романтических отношений, что согласуется с результатами исследования Т. Л. Крюковой (Крюкова, 2016). Однако следует отметить, что исследование автора проводилось на выборке молодых людей 18–30 лет. Несмотря на отсутствие статистически значимых различий по параметрам SELSA-S в возрастных группах в нашем исследовании, средние значения по шкале «Романтическое эмоциональное одиночество» оказались выше у самых старших участников (40–54 лет) (см. табл. 2).

Особенности переживания одиночества взрослыми женщинами в зависимости от статуса отношений наглядно представлены в профилях на рис. 1.

В соответствии с выделенными профилями на рис. 1, женщины, не состоящие в matrimonийных отношениях, склонны испытывать болезненное переживание одиночества и нехватку близости с окружающими. Они более негативно воспринимают одиночество и испытывают потребность в общении. В свою очередь показатели принятия одиночества, способности находить в уединении ресурс у них снижены. В случае отсутствия партнера у взрослых женщин несколько повышен

уровень одиночества в кругу семьи и друзей, а также они ощущают нереализованность в сфере романтических отношений.

Напротив, взрослые женщины, у которых есть партнер, оказываются менее склонны к болезненному переживанию одиночества и не относят себя к одиноким людям. Они нейтрально относятся к ситуациям одиночества и одиноким людям, а также умеют ценить уединение, не склонны испытывать одиночество в кругу семьи или друзей, а также нереализованность в романтических отношениях.

Для анализа взаимодействия эффектов возраста и статуса отношений с параметрами переживания одиночества мы применили многофакторный дисперсионный анализ (MANOVA). Фактор «Возраст» ($\lambda = 0,484$; $p = 0,000$) оказывает влияние на параметр «Дисфория одиночества» ($F = 6,147$; $p = 0,003$); фактор «Наличие партнера» ($\lambda = 0,350$; $p = 0,000$) — на параметры «Изоляция» ($F = 9,771$; $p = 0,002$), «Самоощущение» ($F = 6,911$; $p = 0,009$), «Одиночество как проблема» ($F = 6,857$; $p = 0,010$), «Одиночество в романтических отношениях» ($F = 215,220$; $p = 0,000$), «Романтическое эмоциональное одиночество» ($F = 47,114$; $p = 0,000$). Сочетанный фактор «Возраст * Наличие партнера» влияет на параметр «Ресурс уединения».

Выраженность параметра «Одиночество как проблема» продемонстрирована на рис. 2.

Согласно графику, представленному на рис. 2, негативная оценка феномена одиночества женщинами, не имеющими партнера, наиболее выражена в группе 18–25 лет, в 26–39 лет этот показатель снижен, а в период 40–54 лет мы вновь видим

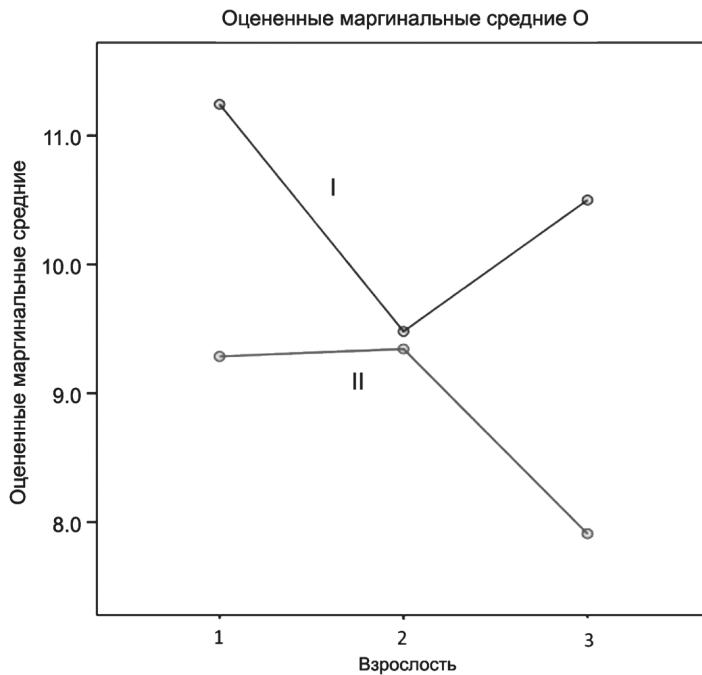

Рис. 2. Выраженность средних значений параметра «Одиночество как проблема»

Примечание: Наличие партнера: I — не имеют партнера; II — есть партнер. Взросłość — возрастные группы: 1 — 18–25 лет; 2 — 26–39 лет; 3 — 40–54 года.

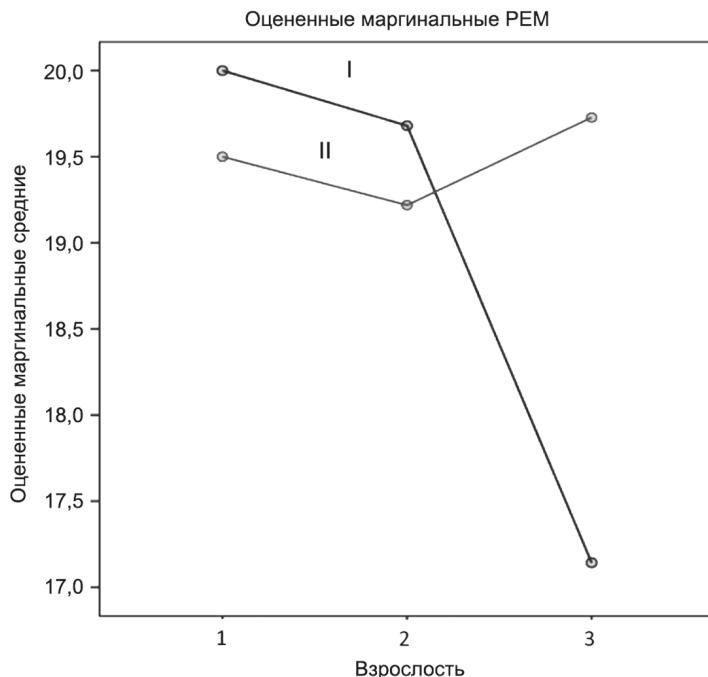

Рис. 3. Выраженность средних значений параметра «Ресурс уединения»

Примечание: Наличие партнера: I — не имеют партнера; II — есть партнер. Возрастность — возрастные группы: 1 — 18–25 лет; 2 — 26–39 лет; 3 — 40–54 года.

более высокие показатели, в то время как для женщин, у которых партнер есть, значения параметра «Одиночества как проблема» к 40–54 годам становятся все ниже.

Полученные нами результаты согласуются с результатами исследования Э.Дэнверс (A. Danvers) с соавт., которое свидетельствует о том, что уровень одиночества зависит от статуса отношений и одинокие люди чаще переживают одиночество, при этом после 40 лет негативное восприятие одиночества у тех, кто не имеет партнера, растет (Danvers et al., 2023).

Рис. 3 иллюстрирует средние значения параметра «Ресурс уединения».

Выраженность параметра «Ресурс уединения» свидетельствует о том, что способность видеть позитивные аспекты уединения в случае отсутствия партнера становится ниже к 40–54 годам, а при наличии партнера она не имеет серьезных колебаний. Следует отметить, что результаты исследования М.Д.Петраш и соавт. в целом свидетельствуют о большей выраженности такой характеристики, как способность видеть в уединении ресурс, у женщин по сравнению с мужчинами (Петраш и др., 2020).

На следующем этапе для изучения особенностей совладания с одиночеством у взрослых женщин в зависимости от статуса отношений мы также применили MANOVA. Фактор «Возраст» ($\lambda = 0,484$; $p = 0,000$) влияет на параметры психологического благополучия «Личностный рост» ($F = 3,778$; $p = 0,025$) и «Общий показатель» ($F = 4,668$; $p = 0,011$). Фактор «Наличие партнера» ($\lambda = 0,350$; $p = 0,000$) оказывает вли-

Оцененные маргинальные средние ЛР

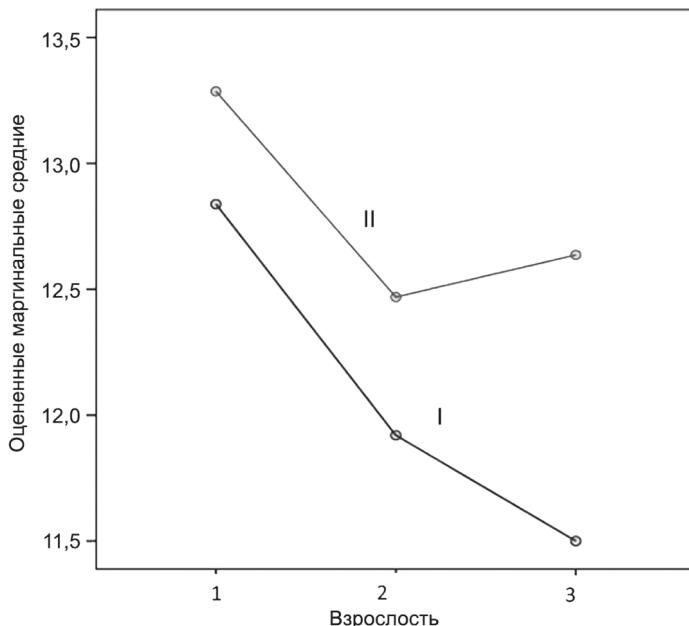

Рис. 4. Выраженность средних значений параметра психологического благополучия «Личностный рост»

Примечание: Наличие партнера: I — не имеют партнера; II — есть партнер. Возрастность — возрастные группы: 1 — 18–25 лет; 2 — 26–39 лет; 3 — 40–54 года.

яние на большинство параметров психологического благополучия: «Компетентность» ($F = 7,478$; $p = 0,007$), «Личностный рост» ($F = 4,340$; $p = 0,039$), «Позитивные отношения» ($F = 6,368$; $p = 0,013$), «Самопринятие» ($F = 12,544$; $p = 0,001$) и «Общий показатель» ($F = 6,421$; $p = 0,012$); а также на общий показатель жизнестойкости ($F = 3,847$; $p = 0,052$) и параметр «Принятие риска» ($F = 6,126$; $p = 0,014$).

Выраженность параметров «Личностный рост» (рис. 4) и «Самопринятие» в двух подвыборках (рис. 5) свидетельствует о том, что при наличии партнера женщины в большей степени стремятся к развитию и самореализации и имеют позитивное отношение к себе. От 18–25 к 26–39 годам в двух группах показатели снижаются, и в случае отсутствия партнера в период 40–54 года не имеют резких колебаний, что может свидетельствовать о чувстве скучи и незаинтересованности в жизни, ощущении неудовлетворенности собой, а при наличии партнера — показатели психологического благополучия повышаются.

В случае с показателями жизнестойкости ситуация схожая, о чем свидетельствует график на рис. 6.

Согласно графику (рис. 6), убежденность женщины в том, что все происходящее в ее жизни способствует развитию, становится ниже к 40–54 годам в случае отсутствия партнера, а если партнер есть, то, напротив, показатель выше.

Таким образом, мы можем говорить о том, что параметры психологического благополучия и жизнестойкости имеют различную выраженность на протяжении

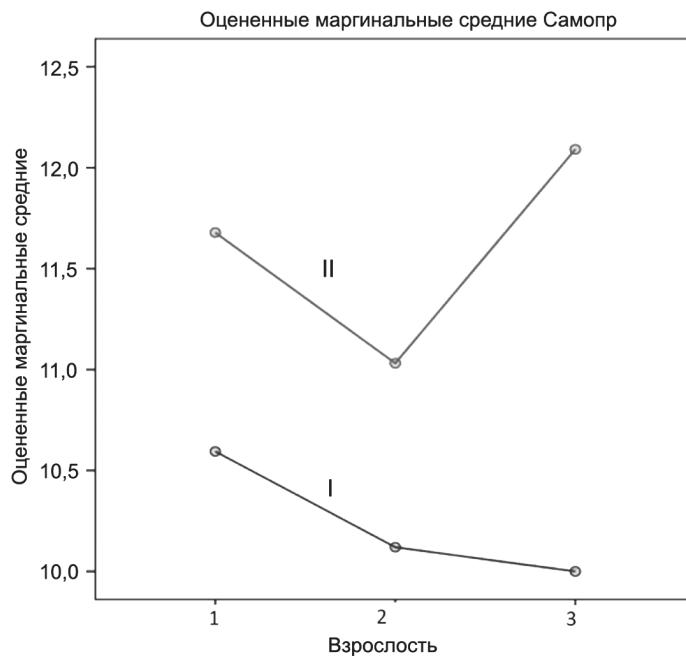

Рис. 5. Выраженность средних значений параметра психологического благополучия «Самопринятие»

Примечание: Наличие партнера: I — не имеют партнера; II — есть партнер. Взросłość — возрастные группы: 1 — 18–25 лет; 2 — 26–39 лет; 3 — 40–54 года.

периода взрослоти в зависимости от статуса отношений женщины. Это позволяет нам допустить, что изучаемые параметры могут по-разному обуславливать выраженность показателей одиночества при разном статусе отношений. Для проверки этого предположения мы использовали регрессионный анализ в группах с разным статусом отношений.

Рассмотрим особенности совладания с одиночеством в группе женщин, у которых партнер отсутствует (табл. 6).

Результаты регрессионного анализа для первой группы показали, что предикторами параметра ДОПО «Изоляция» выступают параметр жизнестойкости «Вовлеченность» (с отрицательным знаком) и такой показатель психологического благополучия, как «Позитивные отношения» (с отрицательным знаком). Кроме того, «Вовлеченность» (с отрицательным знаком) и «Позитивные отношения» (с отрицательным знаком) в совокупности с «Жизненными целями» (с отрицательным знаком), даже при наличии озабоченности ожиданиями других людей («Автономность»), являются предикторами «Отчуждения». «Вовлеченность» и «Жизненные цели» способствуют снижению параметра «Самоощущение». То есть снижению актуального одиночества у женщин, не имеющих партнера, способствует ощущение вовлеченности в происходящее и способность получать удовольствие от теплых и доверительных отношений с окружающими, а в совокупности с наличием целей в жизни и чувства направленности снижается убежденность в отсутствии близости с людьми.

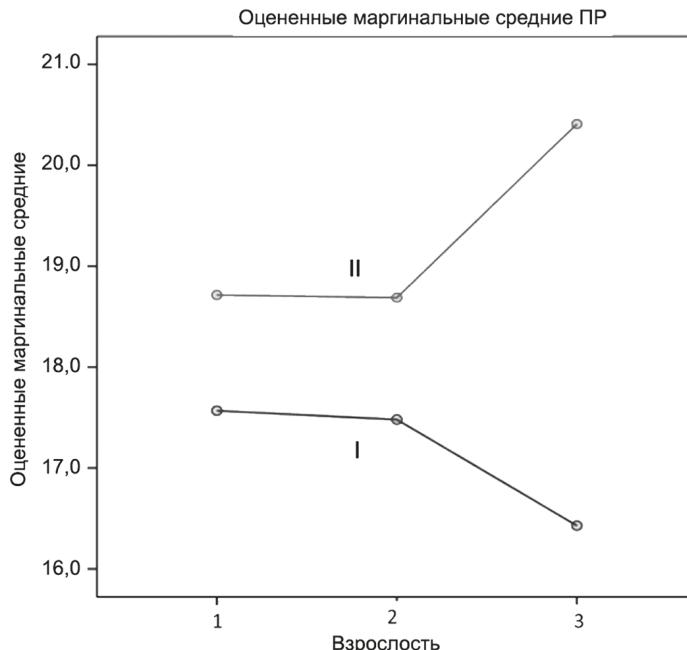

Рис. 6. Выраженность средних значений параметра жизнестойкости «Принятие риска»

Примечание: Наличие партнера: I — не имеют партнера; II — есть партнер. Взросłość — возрастные группы: 1 — 18–25 лет; 2 — 26–39 лет; 3 — 40–54 года.

Кроме того, «Вовлеченность» способствует снижению «Дисфории одиночества», т. е. негативных чувств, связанных с феноменом. Параметр жизнестойкости «Контроль» (с отрицательным знаком) лежит в основе формирования параметра «Одиночество как проблема». Следовательно, жизнестойкие убеждения снижают отрицательные эмоции в адрес феномена, убежденность в возможности влияния на происходящее в жизни для взрослой женщины, у которой партнер отсутствует, снижает убежденность в негативной оценке одиночества как проблемы. Такие параметры психологического благополучия, как «Компетентность» и «Автономность» понижают «Потребность в компании», даже при отсутствии удовлетворенности близостью в отношениях с окружающими.

Позитивному восприятию одиночества способствует «Личностный рост», выступая предиктором параметра «Ресурс уединения». То есть ощущение личностного развития и открытость опыта лежат в основе формирования продуктивного аспекта уединения.

Также «Личностный рост» в совокупности с параметром жизнестойкости «Вовлеченность» снижает показатель SELSA-S «Семейное одиночество». Таким образом, через реализацию собственного потенциала и вовлеченность в происходящее у одиноких женщин снижается ощущение одиночества в кругу семьи. Предиктором «Несемейного одиночества» выступает параметр психологического благополучия «Позитивные отношения» (с отрицательным знаком), следовательно, через возможность теплых и доверительных отношений с окружающими снижается

Таблица 6. Данные модели предикторов параметров одиночества в группе 1 (нет партнера)

Параметры отношения к одиночеству	Предикторы	R ²	B(SD)	β	p
Изоляция	Вовлеченность (Ж)	0,482	-0,144 (0,037)	-0,399	0,000
	Позитивные отношения (ПБ)		-0,564 (0,152)	-0,382	0,000
Самоощущение	Вовлеченность (Ж)	0,443	-0,198 (0,045)	-0,495	0,000
	Жизненные цели (ПБ)		-0,470 (0,227)	-0,232	0,042
Отчуждение	Вовлеченность (Ж)	0,638	-0,145 (0,041)	-0,362	0,001
	Позитивные отношения (ПБ)		-0,517 (0,144)	-0,317	0,001
	Жизненные цели (ПБ)		-0,640 (0,190)	-0,316	0,001
	Автономность (ПБ)		0,328 (0,154)	0,160	0,037
Дисфория одиночества	Вовлеченность (Ж)	0,290	-0,144 (0,026)	-0,538	0,000
Одиночество как проблема	Контроль (Ж)	0,088	-0,126 (0,047)	-0,296	0,009
Потребность в компании	Автономность (ПБ)	0,206	-0,461 (0,181)	-0,276	0,013
	Позитивные отношения (ПБ)		0,498 (0,151)	0,374	0,002
	Компетентность (ПБ)		-0,425 (0,178)	-0,272	0,019
Ресурс уединения	Личностный рост (ПБ)	0,089	0,461 (0,172)	0,298	0,009
Семейное одиночество	Вовлеченность (Ж)	0,442	-0,304 (0,066)	-0,434	0,000
	Личностный рост (ПБ)		-1,175 (0,310)	-0,360	0,001
Несемейное одиночество	Позитивные отношения (ПБ)	0,258	-1,212 (0,239)	-0,507	0,000
Романтическое эмоциональное одиночество	Компетентность (ПБ)	0,087	-0,491 (0,185)	-0,296	0,010

Примечание: Ж — параметр жизнестойкости; ПБ — параметр психологического благополучия.

чувство одиночества в кругу друзей, а «Компетентность» понижает «Романтическое эмоциональное одиночество» (убежденность в нереализованности в части романтических отношений).

Рассмотрим модель предикторов одиночества для женщин, у которых есть партнер (табл. 7).

Согласно полученным результатам, во второй группе в основе формирования параметра «Изоляция» лежат «Позитивные отношения» (с отрицательным знаком) и «Принятие риска» (с отрицательным знаком). Также вместе с «Вовлеченностью» «Позитивные отношения» снижают «Самоощущение» и даже при отсутствии «Самопринятия» способствуют понижению «Отчуждения». Следовательно, мы можем говорить о том, что большое значение при совладании с болезненным переживанием одиночества для неодиноких женщин имеет удовлетворенность от близких отношений с окружающими в совокупности с жизнестойкими убеждениями, даже

Таблица 7. Данные модели предикторов параметров одиночества в группе 2 (есть партнер)

Параметры отношения к одиночеству	Предикторы	R ²	B(SD)	β	p
Изоляция	Позитивные отношения (ПБ)	0,354	-0,668 (0,134)	-0,485	0,000
	Принятие риска (Ж)		-0,116 (0,053)	-0,211	0,033
Самоощущение	Вовлеченность (Ж)	0,338	-0,141 (0,046)	-0,338	0,003
	Позитивные отношения (ПБ)		-0,542 (0,186)	-0,321	0,005
Отчуждение	Позитивные отношения (ПБ)	0,505	-0,844 (0,149)	-0,546	0,000
	Вовлеченность (Ж)		-0,134 (0,041)	-0,350	0,002
	Самопринятие (ПБ)		0,340 (0,141)	0,230	0,018
Дисфория одиночества	Вовлеченность (Ж)	0,195	-0,092 (0,033)	-0,296	0,007
	Личностный рост (ПБ)		-0,315 (0,136)	-0,247	0,023
Одиночество как проблема	Контроль (Ж)	0,109	-0,143 (0,046)	-0,330	0,002
Потребность в компании	Личностный рост (ПБ)	0,130	-0,437 (0,167)	-0,274	0,011
	Автономность (ПБ)		-0,365 (0,173)	-0,221	0,039
Радость уединения	Автономность (ПБ)	0,078	0,337 (0,130)	0,280	0,011
Ресурс уединения	Компетентность (ПБ)	0,169	0,429 (0,156)	0,304	0,007
	Позитивные отношения (ПБ)		-0,465 (0,179)	-0,293	0,011
	Личностный рост (ПБ)		0,359 (0,179)	0,225	0,049
Семейное одиночество	Вовлеченность (Ж)	0,111	-0,291 (0,092)	-0,334	0,002
Романтическое эмоциональное одиночество	Контроль (Ж)	0,222	-0,115 (0,039)	-0,310	0,005
	Позитивные отношения (ПБ)		-0,391 (0,160)	-0,261	0,016

если женщина испытывает неудовлетворенность в себе и разочарованность в прошлом.

«Вовлеченность» (с отрицательным знаком) и «Личностный рост» (с отрицательным знаком) являются предикторами «Дисфории одиночества», а параметр «Одиночество как проблема» опосредуется «Контролем» (с отрицательным знаком). В основе формирования «Потребности в компании» лежат параметры психологического благополучия, такие как «Личностный рост» (с отрицательным знаком) и «Автономность» (с отрицательным знаком). То есть аспекты психологического благополучия, такие как ощущение реализованности собственного потенциала, независимость, снижают потребность в общении для избегания одиночества, а жизнестойкие убеждения в совокупности с личностным ростом преобразуют негативное восприятие одиночества.

В основе формирования позитивного отношения к одиночеству у женщин, имеющих партнера, лежат исключительно параметры психологического благополучия, такие как «Автономность», способствующая принятию одиночества, а так-

же «Компетентность» и «Личностный рост», заставляющие видеть позитивные аспекты в уединении даже при отсутствии близости в отношениях с окружающими (параметр «Позитивные отношения» с отрицательным знаком).

Такой параметр SELSA-S, как «Семейное одиночество» снижается у неодиноких женщин посредством «Вовлеченности», а «Романтическое эмоциональное одиночество» понижают параметры жизнестойкости «Контроль» и «Позитивные отношения».

Таким образом, регрессионный анализ свидетельствует о том, что предикторами различных аспектов переживания одиночества выступают параметры жизнестойкости и психологического благополучия, снижая болезненное переживание одиночества и способствуя позитивному его восприятию. То есть мы можем говорить о том, что жизнестойкость и психологическое благополучие выступают ресурсами совладания с одиночеством вне зависимости от статуса отношений взрослой женщины, при этом в зависимости от наличия партнера они включаются по-разному.

Обсуждение результатов

Наше исследование посвящено особенностям переживания одиночества и совладания с ним у взрослых женщин с разным статусом отношений. Полученные результаты свидетельствуют о том, что статус отношений женщины играет важную роль в части выраженности параметров одиночества, а также определяет выраженность таких параметров совладания с одиночеством, как психологическое благополучие и жизнестойкость, на разных этапах взрослости.

При сравнении данных моделей предикторов в группах женщин с разным семейным статусом мы можем отметить некоторые особенности. Параметры психологического благополучия и жизнестойкости включаются в параметры одиночества по-разному. В группе женщин, не имеющих партнера, вовлеченность является предиктором большого числа параметров одиночества. Вероятно, в ситуации отсутствия партнера именно убежденность в важности вовлеченности в происходящее имеет особое значение при совладании с одиночеством.

В группе 1 (нет партнера) автономность способствует преодолению ощущения отсутствия значимых связей с окружающими, в то время как ресурс уединения повышается через личностный рост, а в группе 2 (есть партнер) автономность повышает способность к принятию уединения.

Компоненты позитивного одиночества в целом опосредуются исключительно параметрами психологического благополучия, при этом ресурс уединения включается только в группе женщин, имеющих партнера, через комплекс показателей психологического благополучия, таких как компетентность и личностный рост (при отсутствии позитивных отношений). Интересно, что в исследовании И. Р. Муртазиной и соавт. позитивное одиночество имело мало связей с психологическим благополучием, и установлены связи только с позитивными отношениями (Муртазина и др., 2021а). Возможно, различия в результатах обусловлены особенностями выборок, поскольку выборка указанного исследования составляет представителей обоих полов, а уровень психологического благополучия в целом выше у женщин; также это исследование выполнено в период пандемии, и это может являться ре-

зультатом действия макрострессора (Муртазина и др., 2021а). Тогда в нашем случае наличие предикторов позитивного одиночества среди показателей благополучия вполне может объясняться спецификой нашей выборки, то есть женским полом респондентов.

Параметр «Позитивные отношения» связан с большим числом параметров одиночества в двух группах. То есть убежденность в наличии теплых и доверительных отношений с окружающими важна для совладания с одиночеством, что согласуется с данными зарубежных исследований, которые показывают, что само по себе отсутствие таковых выступает предиктором (или фактором риска) переживания одиночества (Elovainio et al., 2024). В этом ключе интересен взгляд на исследования, подчеркивающие значение окситоцина, в обзоре С. Бартон (S. Barton) с соавт. Согласно обзору, окситоцин играет существенную роль в поведенческой реакции женщин на стресс «tend-and-befriend» (что дословно переводится как «ухаживать и дружить») (Barton et al., 2024). В качестве примера исследователи ссылаются на публикацию С. Тэйлор (S. Taylor) с соавт., посвященной биоповеденческим реакциям на стресс у женщин (Taylor et al., 2002). С этой точки зрения создание теплых и доверительных отношений с окружающими вполне может являться естественной реакцией женщины на одиночество и эффективной стратегией совладания с ним.

Выводы

В представленной работе мы коснулись вопроса об особенностях переживания одиночества и совладания с ним взрослых женщин.

В результате сравнительного анализа определен уровень одиночества, психологического благополучия и жизнестойкости у женщин на разных этапах взрослоти. Выявлены различия между группами по параметру «Дисфория одиночества» в сторону наибольшей выраженности у самых молодых участников исследования. Параметр жизнестойкости «Вовлеченность» оказался наиболее выражен в старшей возрастной группе. Таким образом, показано, что негативное переживание одиночества наиболее характерно для возрастной группы 18–25 лет. При этом у них в меньшей степени выражены данные жизнестойкие убеждения, в то время как женщины возрастной группы 40–54 года в большей степени ощущают вовлеченность в происходящее. По параметрам психологического благополучия статистически значимых различий не обнаружено.

Проведен анализ взаимодействия эффектов возраста и статуса отношений на параметры переживания одиночества, психологического благополучия и жизнестойкости, который показал различную выраженность изучаемых параметров. Показано влияние факторов «Возраст» и «Наличие партнера» на изучаемые параметры одиночества, психологического благополучия и жизнестойкости, которые имеют различную выраженность на протяжении периода взрослоти в зависимости от статуса отношений женщины, однако в случае отсутствия партнера негативное переживание одиночества к старшей возрастной группе становится выше, а показатели психологического благополучия и жизнестойкости — ниже.

Произведена оценка вклада параметров жизнестойкости и психологического благополучия в одиночество женщин в зависимости от статуса отношений. Показа-

но, что параметры психологического благополучия и жизнестойкости по-разному включаются в параметры одночества в зависимости от статуса отношений женщины, снижая негативное переживание одночества и повышая показатели отношения к одночеству как к ресурсу. Полученные результаты свидетельствуют о подтверждении поставленных нами гипотез.

Мы можем заключить, что результаты исследования показали значимую роль жизнестойкости и психологического благополучия в совладании с одночеством взрослых женщин с разным статусом отношений. Выявленные особенности могут быть полезны в разработке психологических программ, направленных на работу с одночеством взрослых женщин. Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 23-28-00841.

Ограничения

Ограничения нашего исследования могут быть связаны с малым объемом выборки и неравным соотношением респондентов в возрастных группах. В будущих исследованиях мы планируем увеличивать выборку для того, чтобы более детально исследовать специфику переживания одночества женщин с учетом различных особенностей отношений, в которых они состоят (например, длительность периода отношений, наличие детей, близость между партнерами).

Литература

- Белова Е. В. Субъективное переживание одночества женщинами с различным семейным статусом // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 1-2 (115). С. 148–152. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.115.1.067>
- Головей Л. А., Петраши М. Д., Стрижицкая О. Ю., Савенышева С. С., Муртазина И. Р. Роль психологического благополучия и удовлетворенности жизнью в восприятии повседневных стрессоров // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26, № 4 (102). С. 8–26. <https://doi.org/10.17759/cpp.2018260402>
- Дьяченко И. А. Социально-психологические факторы переживания одночества в пожилом возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2014.
- Екимчик О. А., Крюкова Т. Л. Феноменология совладания с одночеством в романтических отношениях // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Сер. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2014. Т. 20, № 4. С. 81–86.
- Идобаева О. А. К построению модели исследования психологического благополучия личности: психолого-развитийный и психолого-педагогический аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 351. С. 128–134.
- Ишанов С. А., Осин Е. Н. Наедине с собой: уединение и одночество // Человек. 2019. Т. 30, № 3. С. 164–183. <https://doi.org/10.31857/S023620070005386-1>
- Китаева М. П., Лахтеева С. В. Особенности психосоматических проявлений при одночестве // International Journal of Medicine and Psychology. 2024. Т. 7, № 2. С. 262–271. <https://doi.org/10.58224/2658-3313-2024-7-2-262-271>
- Крюкова Т. Л. Психология совладания с одночеством // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 49. С. 1.
- Крюкова Т. Л., Ронч А. М. Детерминанты одночества и совладания с ним в супружеских отношениях // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Сер. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2012. Т. 18, № 4. С. 129–134.

- Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.
- Муртазина И. Р., Петраш М. Д., Стрижицкая О. Ю., Вартанян Г. А. Одиночество и психологическое благополучие взрослых мужчин и женщин // Вопросы устойчивого развития общества. 2021а. № 8. С. 99–107.
- Муртазина И. Р., Стрижицкая О. Ю., Петраш М. Д. Одиночество в разные периоды взрослости: отношение, представления, переживание // Петербургский психологический журнал. 2021б. № 35. С. 15–41.
- Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10, № 1. С. 55–81.
- Петраш М. Д., Стрижицкая О. Ю., Муртазина И. Р., Вартанян Г. А. Одиночество через призму демографических характеристик // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2020. № 8 (49). URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/odinochestvo-cherez-prizmu-demograficheskikh-kharakteristik.html> (дата обращения: 09.09.2024).
- Adamczyk K. An investigation of loneliness and perceived social support among single and partnered young adults // Current Psychology. 2016. Vol. 35. P. 674–689. <https://doi.org/10.1007/s12144-015-9337-7>
- Akhter-Khan S. C., Es van W., Prina M., Lawrence V., Piri I., Rokach A., Heu L. C., Mayston R. Experiences of loneliness in lowerand middle-income countries: A systematic review of qualitative studies // Social Science & Medicine. 2024. Vol. 340. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2023.116438>
- Barjaková M., Garner A., d'Hombres B. Risk factors for loneliness: A literature review // Social Science & Medicine. 2023. Vol. 334. Art. no. 116163. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2023.116163>
- Barton S., Zovko A., Müller C., Krabichler Q., Schulze J., Wagner S., Grinevich V., Shamay-Tsoory S., Hurlemann R. A translational neuroscience perspective on loneliness: Narrative review focusing on social interaction, illness and oxytocin // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2024. Vol. 163. Art. no. 105734. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2024.105734>
- Chang E. C., Tian W., Jiang X., Yi S., Liu J., Bai Yi., Liu C., Luo X., Wang W., Chang O. D., Li M., Hirsch J. K. Beyond the role of loneliness in psychological ill-being and well-being in females: Do social problem-solving processes still matter? // Personality and Individual Differences. 2020. Vol. 155. Art. no. 109729. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.109729>
- Chuning A. E., Durham M. R., Killgore W. D. S., Smith R. Psychological resilience and hardiness as protective factors in the relationship between depression/anxiety and well-being: Exploratory and confirmatory evidence // Personality and Individual Differences. 2024. Vol. 225. Art. no. 112664. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2024.112664>
- Compernolle E. L., Finch L. E., Hawkley L. C., Cagney K. A. Momentary loneliness among older adults: Contextual differences and their moderation by gender and race/ethnicity // Social Science & Medicine. 2021. Vol. 285. Art. no. 114307. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2021.114307>
- Danvers A. F., Efinger L. D., Mehl M. R., Helm P. J., Raison C. L., Polsinelli A. J., Moseley S. A., Sbarra D. A. Loneliness and time alone in everyday life: A descriptive-exploratory study of subjective and objective social isolation // Journal of Research in Personality. 2023. Vol. 107. Art. no. 104426. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2023.104426>
- Elovainio M., Airaksinen J., Nyberg S. T., Pentti J., Pulkki-Råback L., Alonso L. C., Suvisaari J., Jääskeläinen T., Koskinen S., Kivimäki M., Hakulinen C., Komulainen K. Estimating risk of loneliness in adulthood using survey-based prediction models: A cohort study // Journal of Psychiatric Research. 2024. Vol. 177. P. 66–74. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2024.06.030>
- Lee S. L., Pearce E., Ajnakina O., Johnson S., Lewis G., Mann F., Pitman A., Solmi F., Sommerlad A., Steptoe A., Tymoszuk U., Lewis G. The association between loneliness and depressive symptoms among adults aged 50 years and older: a 12-year population-based cohort study // The Lancet Psychiatry. 2021. Vol. 8 (1). P. 48–57. [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30383-7](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30383-7)
- Mason T. B. Loneliness as a moderator of the association of affective symptoms and binge eating among college women // Eating Behaviors. 2024. Vol. 54. Art. no. 101903. <https://doi.org/10.1016/j.eatbeh.2024.101903>
- Saei E., Lee R. T. Psychological hardiness, social support, and emotional labor among nurses in Iran during the COVID-19 pandemic: A cross-sectional survey study // International Journal of Nursing Studies Advances. 2024. Vol. 7. Art. no. 100249. <https://doi.org/10.1016/j.ijnsa.2024.100249>

Контактная информация:

Крупина Кристина Михайловна — аспирант; <https://orcid.org/0000-0003-2963-611X>,
kmkrupina@mail.ru

Characteristics of experiencing loneliness and ways of coping with it in women with different relationship statuses during adulthood*

K. M. Krupina

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Krupina K. M. Characteristics of experiencing loneliness and ways of coping with it in women with different relationship statuses during adulthood. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2025, vol. 15, issue 3, pp. 455–475. EDN NIQASA (In Russian)

Loneliness is a problem depended on social relationships that is relevant at all stages of human life. The phenomenon correlates with various physical and mental health disorders, which indicates the need to find methods of coping with it. The aim of the study was to examine the characteristics of experiencing loneliness and ways of coping with it in women at different stages of adulthood depending on the status of the relationship. The study involved 158 women living in different regions of the Russian Federation. Three age groups were identified: early (18–25 years; $n = 65$); middle (26–39; $n = 57$) and late adulthood (40–54; $n = 36$) and two with different relationship status: 48% — do not have a partner ($M_{age} = 30,64$; $SD = 9,82$); 52% of respondents have a partner ($M_{age} = 32,28$; $SD = 8,87$). The following methods were used for the analysis: differential questionnaire of the experience of loneliness (E. N. Osin, D. A. Leontiev); the scale of social and emotional loneliness for adults (SELSA-S) (adapted by O. Yu. Strizhetskaya et al.); the test of hardiness by S. Maddi (D. A. Leontiev, E. I. Rasskazova); the scale of psychological well-being by K. Ryff (adapted by E. G. Troshikhina, L. V. Zhukovskaya). As a result, statistically significant differences in the parameters of loneliness and hardiness in age groups were revealed. The analysis of the interaction of the effects of age and relationship status on the parameters of experiencing loneliness, psychological well-being and hardiness was conducted. The contribution of the parameters of hardiness and psychological well-being to women's loneliness was assessed depending on the relationship status. The results of the study showed the significant role of hardiness and psychological well-being in coping with loneliness in adult women with different relationship statuses.

Keywords: loneliness experience, hardiness, commitment, psychological well-being, autonomy, relationship status, social and emotional loneliness, solitude.

References

Adamczyk, K. (2016). An investigation of loneliness and perceived social support among single and partnered young adults. *Current Psychology*, 35: 674–689. <https://doi.org/10.1007/s12144-015-9337-7>

* The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation no. 23-28-00841.

- Akhter-Khan, S. C., Es van, W., Prina, M., Lawrence, V., Piri, I., Rokach, A., Heu, L. C., Mayston, R. (2024). Experiences of loneliness in lowerand middle-income countries: A systematic review of qualitative studies. *Social Science & Medicine*, 340. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2023.116438>
- Barjaková, M., Garner, A., d'Hombres, B. (2023). Risk factors for loneliness: A literature review. *Social Science & Medicine*, 334: 116163. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2023.116163>
- Barton, S., Zovko, A., Müller, C., Krabichler, Q., Schulze, J., Wagner, S., Grinevich, V., Shamay-Tsoory, S., Hurlemann, R. (2024). A translational neuroscience perspective on loneliness: Narrative review focusing on social interaction, illness and oxytocin. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 163: 105734. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2024.105734>
- Belova, E. V. (2022). Subjective experience of loneliness by women with different marital status. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, 1–2 (115): 148–152. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.115.1.067> (In Russian)
- Compernolle, E. L., Finch, L. E., Hawley, L. C., Cagney, K. A. (2021). Momentary loneliness among older adults: Contextual differences and their moderation by gender and race/ethnicity. *Social Science & Medicine*, 285: 114307. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2021.114307>
- Chang, E. C., Tian, W., Jiang, X., Yi, S., Liu, J., Bai, Yi., Liu, C., Luo, X., Wang, W., Chang, O. D., Li, M., Hirsch, J. K. (2020). Beyond the role of loneliness in psychological ill-being and well-being in females: Do social problem-solving processes still matter? *Personality and Individual Differences*, 155: 109729. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.109729>
- Chuning, A. E., Durham, M. R., Killgore, W. D. S., Smith, R. (2024). Psychological resilience and hardness as protective factors in the relationship between depression/anxiety and well-being: Exploratory and confirmatory evidence. *Personality and Individual Differences*, 225: 112664. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2024.112664>
- Danvers, A. F., Efinger, L. D., Mehl, M. R., Helm, P. J., Raison, C. L., Polsinelli, A. J., Moseley, S. A., Sbarra, D. A. (2023). Loneliness and time alone in everyday life: A descriptive-exploratory study of subjective and objective social isolation. *Journal of Research in Personality*, 107: 104426. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2023.104426>
- Dyachenko, I. A. (2014). *Social and psychological factors of experiencing loneliness in old age*. PhD dissertation (Psychology). St. Petersburg. (In Russian)
- Ekimchik, O. A., Kryukova, T. L. (2014). The phenomenology of coping with loneliness in romantic relationships. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psichologiya. Sotsial'naia rabota. Iuvenologiya. Sotsiokinetika*, 20, 4: 81–86. (In Russian)
- Elovainio, M., Airaksinen, J., Nyberg, S. T., Pentti, J., Pulkki-Råback, L., Alonso, L. C., Suvisaari, J., Jääskeläinen, T., Koskinen, S., Kivimäki, M., Hakulinen, C., Komulainen, K. (2024). Estimating risk of loneliness in adulthood using survey-based prediction models: A cohort study. *Journal of Psychiatric Research*, 177: 66–74. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2024.06.030>
- Golovey, L. A., Petrush, M. D., Strizhetskaya, O. Yu., Savenysheva, S. S., Murtazina, I. R. (2018). The role of psychological well-being and life satisfaction in perception of daily stress. *Konsul'tativnaia psichologiya i psikhoterapiia*, 26, 4 (102): 8–26. <https://doi.org/10.17759/cpp.2018260402> (In Russian)
- Idobaeva, O. A. (2011). Towards the construction of a model for studying the psychological well-being of an individual: psychological-developmental and psychological-pedagogical aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 351: 128–134. (In Russian)
- Ishanov, S. A., Osin, E. N. (2019). Alone with oneself: Solitude and Loneliness. *Chelovek*, 30, 3: 164–183. <https://doi.org/10.31857/S023620070005386-1> (In Russian)
- Kitaeva, M. P., Lakhteeva, S. V. (2024). Features of psychosomatic manifestations in loneliness. *International Journal of Medicine and Psychology*, 7, 2: 262–271. <https://doi.org/10.58224/2658-3313-2024-7-2-262-271> (In Russian)
- Kryukova, T. L. (2016). Psychology of coping with loneliness. *Psichologicheskie issledovaniia*, 9, 49: 1. (In Russian)
- Kryukova, T. L., Ronch, A. M. (2012). Determinants of loneliness and coping with it in marital relationships. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psichologiya. Sotsial'naia rabota. Iuvenologiya. Sotsiokinetika*, 18, 4: 129–134. (In Russian)
- Lee, S. L., Pearce, E., Ajnakina, O., Johnson, S., Lewis, G., Mann, F., Pitman, A., Solmi, F., Sommerlad, A., Steptoe, A., Tymoszuk, U., Lewis, G. (2021). The association between loneliness and depressive symp-

- toms among adults aged 50 years and older: A 12-year population-based cohort study. *The Lancet Psychiatry*, 8 (1): 48–57. [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30383-7](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30383-7)
- Leontiev, D. A., Rasskazova, E. I. (2006). *Hardiness survey*. Moscow, Smysl publ. (In Russian)
- Mason, T. B. (2024). Loneliness as a moderator of the association of affective symptoms and binge eating among college women. *Eating Behaviors*, 54: 101903. <https://doi.org/10.1016/j.eatbeh.2024.101903>
- Murtazina, I. R., Pettrash, M. D., Strizhitskaya, O. Yu., Vartanyan, G. A. (2021a). Loneliness and psychological well-being of adult men and women. *Voprosy ustoichivogo razvitiia obschestva*, 8: 99–107. (In Russian)
- Murtazina, I. R., Strizhitskaya, O. Yu., Pettrash, M. D. (2021b). Loneliness in different periods of adulthood: Attitude, representations, experience. *Peterburgskii psikhologicheskii zhurnal*, 35: 15–41. (In Russian)
- Osin, E. N., Leontiev, D. A. (2013). Differential questionnaire of loneliness experience: Structure and properties. *Psikhologiiia. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 10, 1: 55–81. (In Russian)
- Pettrash, M. D., Strizhickaya, O. Yu., Murtazina, I. R., Vartanyan G. A. (2020). Loneliness through the lens of demographic characteristics. *Mir pedagogiki i psikhologii: mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii zhurnal*, 8 (49). Available at: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/odinochestvo-cherez-prizmu-demograficheskikh-kharakteristik.html> (accessed: 09.09.2024). (In Russian)
- Saei, E., Lee, R. T. (2024). Psychological hardness, social support, and emotional labor among nurses in Iran during the COVID-19 pandemic: A cross-sectional survey study. *International Journal of Nursing Studies Advances*, 7: 100249. <https://doi.org/10.1016/j.ijnsa.2024.100249>
- Taylor, S. E., Klein, L. C., Lewis, B. P., Gruenewald, T. L., Gurung, R. A., Updegraff, J. A. (2002). Biobehavioral responses to stress in females: Tend-and-befriend, not fight-or-flight. *Psychol. Rev*, 107 (3): 411–429.

Received: November 24, 2024

Accepted: December 6, 2024

Author's information:

Kristina M. Krupina — Postgraduate Student; <https://orcid.org/0000-0003-2963-611X>,
kmkrupina@mail.ru

Факторная структура методики «Уровень эмоционального выгорания родственников» на выборке родственников пациентов с химической и нехимической аддикцией

А. М. Шишкова¹, В. В. Бочаров^{1,2}, А. И. Нечаева^{1a},
Т. В. Валиева³, Д. И. Громыко¹

¹ Национальный медицинский исследовательский центр
психиатрии и неврологии им. В. М. Бехтерева,
Российская Федерация, 192019, Санкт-Петербург, ул. Бехтерева, 3

² Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

³ Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Российская Федерация, 620062, Екатеринбург, ул. Мира, 19

Для цитирования: Шишкова А. М., Бочаров В. В., Нечаева А. И., Валиева Т. В., Громыко Д. И. Факторная структура методики «Уровень эмоционального выгорания родственников» на выборке родственников пациентов с химической и нехимической аддикцией // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 3. С. 476–487. EDN XBWIZE

Родственники больных с аддиктивными расстройствами, как правило, стремятся преодолеть недуг близкого, обеспечивая медицинскую, социальную и психологическую помощь больному, то есть фактически выступают в качестве неоплачиваемого ресурса в процессе лечения и поддержания его благополучия. При этом предпринимаемые ими усилия, а также состояние их собственного психического и физического здоровья часто оказываются вне поля зрения специалистов из-за недостаточной разработанности методологии и психодиагностического инструментария, позволяющего оценить динамику отношений, возникающих в процессе заботы об аддиктивном больном в семье. Методика «Уровень эмоционального выгорания родственников» направлена на изучение соотношения «вовлеченность — выгорание» в процессе опеки в сфере семейного взаимодействия. Целью настоящего исследования стала верификация факторной структуры методики «Уровень эмоционального выгорания родственников» на выборке из 374 родственников пациентов с химической (115 родственников пациентов с опиоидной зависимостью, 127 — с алкогольной зависимостью, 37 — с зависимостью от стимуляторов) и нехимической (95 родственников больных с зависимостью от азартных игр) аддикциями. Проверка факторной структуры опросника проводилась посредством конфирматорного факторного анализа. Показатели пригодности демонстрируют состоятельность построенной модели, факторная структура, выявленная в результате конфирматорного факторного анализа, хорошо подходит данным и подтверждает конструктивную валидность методики «Уровень эмоционального выгорания родственников». При проверке надежности шкал методики по большинству показателей выявлен хороший уровень коэффициента пригодности а Кронбаха, что говорит о достаточной внутренней согласованности методики. Применение инструмента, объективирующего соотношение деструктивных проявлений и ресурсного личност-

^a Автор для корреспонденции.

© А. М. Шишкова, В. В. Бочаров, А. И. Нечаева, Т. В. Валиева, Д. И. Громыко, 2025

ного потенциала родственника в процессе опеки хронически больного, позволит расширить как диагностические возможности, так и перспективы психотерапевтических интервенций.

Ключевые слова: аддикция, родственники больных, вовлеченность, выгорание, психо-диагностика.

Введение

Значительная роль аддиктивных расстройств в ухудшении здоровья и качества жизни населения уже давно является общепризнанной. Кроме прямых последствий, таких как нарушение социального функционирования больного, ущерб его физическому и психическому здоровью, аддиктивные расстройства также оказывают косвенное деструктивное влияние, связанное со стрессовым воздействием последствий болезни на микросоциальное окружение больного.

Близкое окружение часто рассматривается как неоплачиваемый ресурс, обеспечивающий медицинскую и социальную помощь больному. В то же время такое представление сопряжено с существенной недооценкой трудностей, переживаний и нужд опекающих больного родственников. Стressовая нагрузка, обусловленная необходимостью бороться с болезнью и поддерживать благополучие хронически больного близкого, как правило, негативно оказывается как на психосоциальном функционировании членов его семьи, так и на состоянии их физического здоровья (Бочаров, Шишкова, 2016; Нечаева и др., 2024; Copello et al., 2010; Settley, 2020). Это неизбежно приводит к значительным социальным затратам, которых можно было бы избежать в случае своевременной профилактики и сокращения влияния времени болезни.

Недооценка последствий деструктивного воздействия аддиктивных расстройств на микросоциальное окружение больного во многом обусловлена тем, что родственники таких пациентов длительное время оставались вне исследовательского фокуса и не рассматривались в качестве самостоятельного объекта исследований (Бочаров и др., 2018; Шишкова, Бочаров, 2021; Orford et al., 2013). Такая ситуация, в свою очередь, связана с процессом формирования представлений о психологии семьи аддикта.

В основе ранних представлений, существенно определяющих дальнейшее концептуальное развитие, лежат гипотезы о так называемой личностной дисфункциональности и декомпенсации (Futterman, 1953; Kalashian, 1959). В рамках этих гипотез поведение и переживания родственников аддиктов интерпретируются через призму представления об их преморбидной личностной дисфункциональности, которая способствует поддержанию заболевания для неосознанной компенсации близкими больного собственных внутриличностных конфликтов.

Идеи о преморбидной личностной дисфункциональности членов семьи аддикта в последующем воспроизводились в различных теоретических моделях, в частности в концепции созависимости, получившей широкое распространение в России (Роговая, 2024; Стряпухина, Посохова, 2024). Рассмотрение родственников аддиктов как личностно дисфункциональных и/или созависимых на длительный период отодвинуло осознание научным сообществом значимости изучения конструктивных аспектов заботы, осуществляющей близкими в отношении больного.

Это, в свою очередь, привело к формированию методологического и методического пробела в области изучения деятельности родственников, направленной на борьбу с болезнью и поддержание благополучия аддикта (Бочаров и др., 2018; Shishkova, Bocharov, 2022).

Анализ современных концепций, используемых для исследования психологии родственников хронически больных, показал, что в качестве одного из наиболее перспективных и многообещающих конструктов, применяемых для изучения той деятельности, которую осуществляет вовлеченный в жизнь больного родственник, и отношений, возникающих в системе «опекающий — опекаемый», выступает концепция эмоционального выгорания (ЭВ) (Бочаров и др., 2017; Савенышева, Разыграева, 2024; Gérain, Zech, 2019; De Souza Alves et al., 2019).

Конструкт ЭВ изначально разрабатывался и применялся в контексте трудовых отношений и лишь в конце 2000-х гг. стал активно использоваться вне трудового контекста. Несмотря на то что в настоящее время ЭВ изучается у родственников больных, страдающих различными соматическими и психическими заболеваниями, анализ существующих исследований выявил фактическое отсутствие специализированного инструментария для оценки ЭВ у данного контингента. Так, в подавляющем большинстве работ для измерения ЭВ у родственников выступают различные варианты адаптации Опросника выгорания Маслач (Maslach Burnout Inventory, MBI) (Maslach et al., 1996). Важно отметить, что прямой перенос инструментария, разработанного для оценки ЭВ в сфере трудовых отношений, в сферу семейного взаимодействия представляется неадекватным, поскольку осуществляется без учета специфики близкородственных отношений, заключающейся в первую очередь в их высокой личностной значимости. Кроме того, в качестве существенного недостатка существующих методов следует отметить, что опросники, созданные на основе MBI, позволяют отразить лишь совокупность деструктивных процессов и проявлений, вне их соотношения с ресурсным личностным потенциалом опекающего родственника.

Для восполнения существующего методического пробела нами была разработана специализированная методика «Уровень эмоционального выгорания родственников» (УЭВР), позволяющая оценить соотношение «вовлеченности — выгорания» в сфере семейного взаимодействия. Методика прошла первичную валидизацию на выборке родственников больных с химической аддикцией и показала хорошие психометрические характеристики по показателям надежности, внутренней конструктной и перекрестной валидности (Шишкова и др., 2021).

Целью настоящего исследования стала верификация факторной структуры методики УЭВР на выборке родственников пациентов с химической и нехимической аддикцией.

Методы

Выборка. В исследовании приняли участие 374 человека (средний возраст — 49,5 ($SD = 12,9$) лет), из них 115 родственников пациентов с опиоидной зависимостью (РОЗ), 127 родственников больных алкогольной зависимостью (РАЗ), 37 членов семей больных с зависимостью от стимуляторов (РЗС), а также 95 родственников больных с зависимостью от азартных игр (РАИ). Химические и нехимические

зависимости стали рассматриваться в едином контексте относительно недавно. Схожесть механизмов этиологии, патогенеза и нейробиологических характеристик химических и нехимических аддикций позволяет объединять их в единую группу расстройств (Егоров, 2020).

Основные социально-демографические характеристики респондентов обследованных групп представлены в табл. 1.

Таблица 1. Социально-демографические характеристики участников исследования

Показатель	Группа обследованных родственников			
	РОЗ	РАЗ	РЗС	РАИ
Состав группы (количество обследованных)				
• отцы	10	11	5	23
• матери	60	49	25	46
• мужья	4	5	0	0
• жёны	41	62	7	26
Возраст	49,42 (SD = 13,69)	51,01 (SD = 13,14)	49,17 (SD = 10,8)	46,59 (SD = 12,77)
Образование				
• неполное среднее	1,7 %	1,6 %	—	—
• среднее	4,3 %	5,5 %	13,9 %	1,1 %
• среднее специальное	48,7 %	37,8 %	25,0 %	24,2 %
• незаконченное высшее	13,0 %	8,6 %	5,5 %	6,3 %
• высшее	32,3 %	46,5 %	55,6 %	68,4 %
Наличие работы на момент обследования	67,8 %	66,1 %	83,3 %	83,2 %
Совместное проживание с близким, больным зависимостью	61,7 %	59,4 %	73,2 %	69,8 %

Примечание: РОЗ — родственники больных с опиоидной зависимостью; РАЗ — родственники больных алкогольной зависимостью; РЗС — родственники больных с зависимостью от стимуляторов; РАИ — родственники больных с зависимостью от азартных игр. В качестве описательной статистики количественных показателей представлены средние и среднеквадратичные отклонения.

Средний возраст больных опиоидной зависимостью составил 34,06 (SD = 6,14) года, средняя длительность систематического употребления — 12,17 (SD = 6,67) лет. Средний возраст больных алкогольной зависимостью — 38,52 (SD = 9,43) лет, средняя длительность систематического употребления — 13,76 (SD = 8,16) лет. Средний возраст больных зависимостью от стимуляторов — 28,51 (SD = 6,22) лет, средняя длительность систематического употребления — 4,88 (SD = 4,84) лет. Средний возраст больных зависимостью от азартных игр — 28,83 (SD = 6,4) лет, средняя длительность систематической игры — 3,52 (SD = 3,49) года.

Характеристика методики УЭВР. Методологические основания и основные принципы формирования методики, а также подробное описание ее шкал уже представлялись нами ранее (Бочаров, Шишкова, 2016; Бочаров и др., 2017). Здесь, для удобства рассмотрения результатов, будут кратко изложены лишь основные ее характеристики.

В качестве теоретической основы методики выступает двухполюсный конструкт, что обуславливает наличие в ней двух блоков: «Вовлеченность» и «Вы-

горание». Блок «Вовлеченность» включает шкалы «Энергия» (Vigor — Vig), «Наполненность смыслом» (Dedication — Ded), «Самоэффективность в лечении родственника» (Selfefficacy — Selfeff). Блок «Выгорание» — шкалы «Истощение» (Exhaustion — Exh), «Деперсонализация» (Depersonalization — Dep), «Редукция личных достижений» (Inefficacy — Ineff) и «Деструктивная разрядка напряжения» (Destruction — Des). Англоязычные названия и аббревиатуры шкал используются нами в связи с тем, что значительная часть изучаемых феноменов изначально были описаны в зарубежной литературе. Опросник включает 55 утверждений, предлагающих ответы «да» или «нет».

Предлагаемый инструмент отражает альтернативный по отношению к концепции созависимости подход к пониманию психологии родственников аддиктивных больных. Значимое место в разработанном конструкте занимает оценка степени их вовлеченности, где ощущение самоэффективности выступает в качестве основного индикатора ресурсной составляющей личностной активности родственников по преодолению болезни близкого в соотнесении с проявлениями выгорания, отражающими недостаточность их личностных ресурсов в процессе опеки больного.

Обработка данных осуществлялась при помощи статистического пакета SPSS (v. 23) и AMOS (v. 20).

Результаты

Факторная структура УЭВР. Проверка факторной структуры опросника проводилась посредством конфирматорного факторного анализа (КФА) по методу Scale-Free Least Squares для порядковых и категориальных данных. Итоговая апостериорная модель КФА со стандартизованными регрессионными коэффициентами представлена на рисунке. Регрессионные коэффициенты показывают, что вопросы являются показательными индикаторами шкал методики, которые, в свою очередь, являются значимыми индикаторами факторов второго порядка — F1 «Вовлеченность» и F2 «Выгорание». Факторы второго порядка не являются строго противоположными, между ними наблюдается средняя отрицательная связь.

Полученные значения критериев согласия говорят о приемлемой состоятельности построенной модели методики УЭВР. Таким образом, факторная структура, выявленная в результате КФА, хорошо подходит данным и подтверждает конструктивную валидность методики УЭВР.

Согласованность шкал УЭВР. Для определения надежности шкал опросника был использован коэффициент внутренней согласованности α Кронбаха, также для оценки точности измерения диагностируемого свойства на уровне отдельных испытуемых был произведен расчет стандартной ошибки измерения SEM для сырьих баллов (табл. 2).

Как видно из табл. 2, как по выборке в целом, так и по отдельным группам шкалы УЭВР в основном имеют хорошие показатели надежности, за исключением шкал «Самоэффективность в лечении родственника» (Selfeff) и «Энергия» (Vig) в группе РАИ, а также шкалы «Самоэффективность в лечении родственника» (Selfeff) в группе РЗС. Оценка стандартных ошибок измерения SEM показывает,

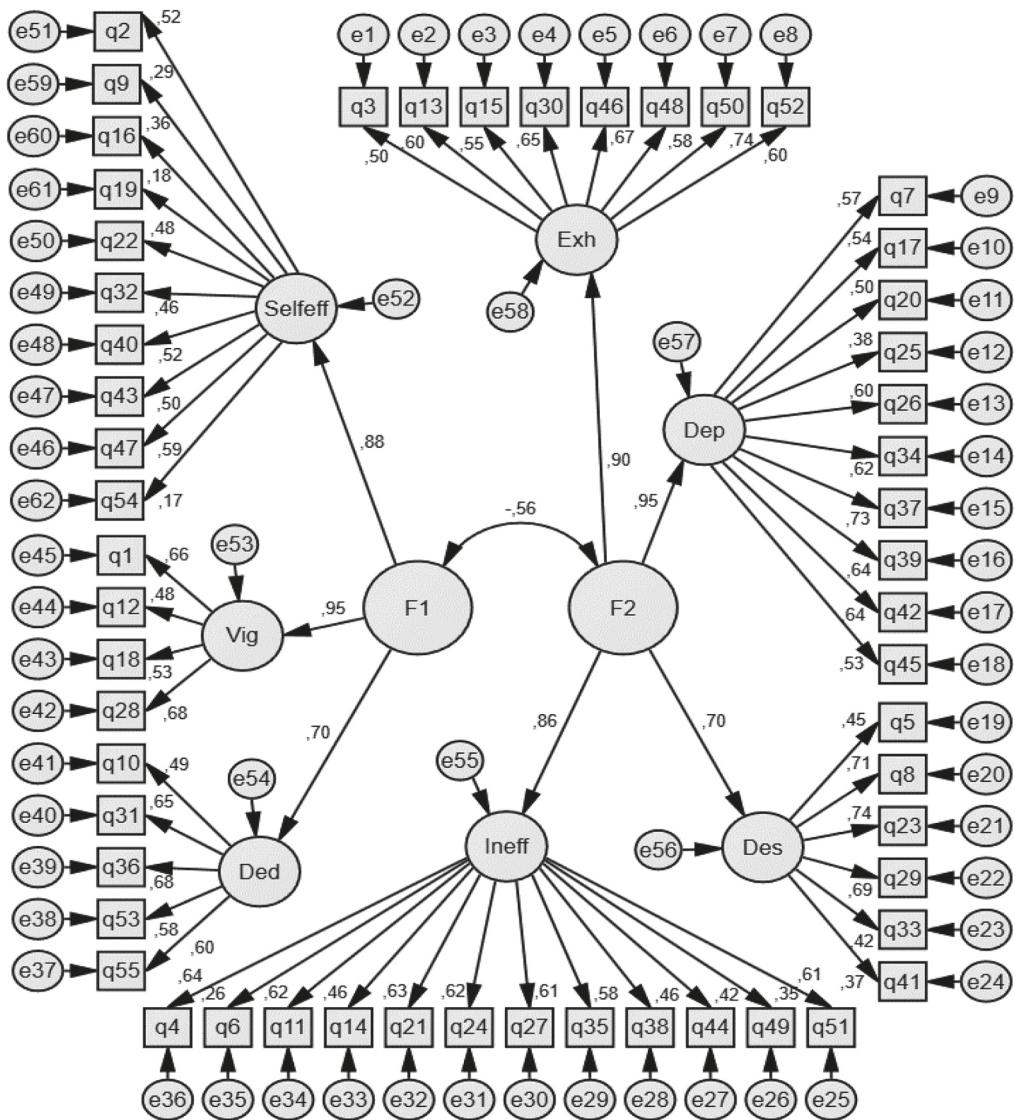

Рис. Итоговая апостериорная модель КФА ($CMIN = 2660,830; p < 0,0001$; $CMIN/df = 1,871$; $GFI = 0,927$; $AGFI = 0,921$; $NFI = 0,900$)

Примечание: Vig — Энергия, Ded — Наполненность смыслом, Selfeff — Самоэффективность в лечении родственника, Exh — Истощение, Dep — Деперсонализация, Des — Деструктивная разрядка напряжения, Ineff — Редукция достижений. $CMIN$ — критерий χ^2 ; p — уровень значимости χ^2 ; $CMIN/df$ — отношение χ^2 к количеству степеней свободы; GFI — критерий согласия; $AGFI$ — исправленный критерий согласия; NFI — нормированный индекс согласия.

Таблица 2. Согласованность и стандартные ошибки измерения шкал в общей выборке и группах родственников, опекающих больных с различными видами аддикции

Шкалы	α Кронбаха					SEM				
	общая выборка	РОЗ	РАЗ	РЗС	РАИ	общая выборка	РОЗ	РАЗ	РЗС	РАИ
Vig	0,74	0,73	0,75	0,86	0,55	0,89	0,92	0,92	0,74	0,86
Ded	0,74	0,69	0,80	0,82	0,68	0,88	0,89	0,83	0,82	0,91
Selfeff	0,67	0,73	0,73	0,63	0,46	1,30	1,30	1,32	1,28	1,16
Exh	0,83	0,83	0,82	0,73	0,83	1,09	1,09	1,10	1,16	1,04
Dep	0,83	0,83	0,82	0,80	0,80	1,27	1,29	1,29	1,29	1,28
Des	0,73	0,77	0,66	0,75	0,76	0,99	0,96	1,03	0,96	0,96
Ineff	0,81	0,84	0,79	0,81	0,78	1,39	1,35	1,47	1,25	1,27

что погрешность составляет от 0,74 до 1,45 сырых баллов, что необходимо принимать во внимание при оценке индивидуальных показателей методики УЭВР.

Обсуждение результатов

В ходе проверки факторной структуры методики УЭВР получены данные, лишь отчасти подтверждающие теоретические представления о биполярности конструкта «вовлеченность — выгорание». Полученные результаты согласуются с современными представлениями в области изучения профессионального выгорания, которое понимается как нарушение вовлеченности в трудовую деятельность (Leiter, Maslach, 2017; Luna et al., 2023). Вопрос о том, являются ли «вовлеченность» и «выгорание» полярными значениями одного континуума (Demerouti et al., 2001), либо же они представляют собой независимые явления, хотя и противоположные друг другу (Schaufeli et al., 2002), в настоящее время остается дискуссионным.

Описанная нами модель не позволяет однозначно подтвердить или опровергнуть конкурирующие в литературе позиций. В данном случае можно сказать, что явления вовлеченности и выгорания могут быть рассмотрены как отрицательно связанные (то есть не являющиеся независимыми или в строгом смысле противоположно полярными), поскольку выявлена достоверная отрицательная, но средняя по силе (превышающая по модулю 0,5, но не достигающая 0,7) связь между ними. Исходя из этого, изменчивость одного фактора может быть лишь частично объяснена действием другого фактора, в то же время существует влияние каких-то других неизвестных причин. Можно предположить, что явления вовлеченности и выгорания, наблюдаемые у опекающих больного близких в клинике аддиктивных расстройств, имеют сложную природу, включающую как элементы симбиотического сближения, так и конструктивной вовлеченности. Симбиотическое сближение здесь может выступать в качестве одного из факторов, определяющих специфику вовлеченности и выгорания у родственников аддиктивных больных.

При проверке надежности шкал УЭВР по большинству показателей выявлен хороший уровень коэффициента пригодности α Кронбаха, что говорит о достаточной внутренней согласованности методики. Снижение коэффициента пригодно-

сти по шкале «Самоэффективность в лечении родственника», выявляемое в группах РАИ и РЗС, отражает специфику, связанную с меньшей длительностью заболевания у опекаемого близкими пациента, по сравнению с группами РОЗ и РАЗ. Сравнительный анализ средних значений показателя длительности систематического употребления/систематической игры аттракта во всех обследованных группах показал, что в группах больных с РАИ и РЗС этот показатель значительно ниже ($p < 0,05$). Следует отметить, что в группе РАИ в подавляющем большинстве случаев диагностика осуществлялась в момент первичного обращения к профильным специалистам.

Отсутствие фактического опыта противостояния болезни и несформированность устойчивого представления о ее характере у опекающих больного близких обусловливают недостаточную актуализированность ресурсного потенциала таких родственников. Эта недостаточная актуализированность проявляется в сочетании ментальной готовности приложить усилия для разрешения сложившейся ситуации, ощущении личностной значимости и наполненности смыслом борьбы с болезнью с одновременной несогласованностью представлений о том, что именно необходимо делать, неустойчивостью субъективной оценки эффективности собственных действий по поддержанию благополучия близкого.

Выводы

Результаты верификации факторной структуры УЭВР свидетельствуют о принципиальной применимости конструкта «вовлеченность — выгорание» в сфере диагностики родственников, опекающих хронически больного. Разработан и валидизирован психодиагностический инструмент, позволяющий объективировать соотношение ресурсного потенциала личности родственников и выраженности у них деструктивных тенденций в процессе осуществления заботы о хронически больном близком. Применение методики позволит расширить диагностические возможности при обследовании родственников хронически больных как в групповом, так и в индивидуальном формате, а также расширить перспективы психотерапевтических интервенций.

Ограничения

Определенная специфичность выборки (родственники больных с химической и нехимической зависимостью) выступает в качестве ограничения проведенного исследования. В настоящий момент осуществляется сбор данных на более широком контингенте родственников, заботящихся о больных с различной психической и соматической патологией.

Литература

- Бочаров В. В., Шишкива А. М. Особенности личностного и семейного функционирования родственников наркозависимых. СПб.: Нестор-История, 2016.
- Бочаров В. В., Шишкива А. М., Черная Ю. С., Сивак А. А., Ипатова К. А. Перспективы исследования эмоционального выгорания родственников пациентов, страдающих алкоголизмом или опио-

- идной зависимостью (сообщение 1) // Обозрение психиатрии и мед. психологии им. В. М. Бехтерева. 2017. № 4. С. 27–34.
- Бочаров В. В., Шишкива А. М., Черная Ю. С., Сивак А. А., Ипатова К. А.* Перспективы исследования эмоционального выгорания родственников пациентов, страдающих алкоголизмом или опиоидной зависимостью (сообщение 2) // Обозрение психиатрии и мед. психологии им. В. М. Бехтерева. 2018. № 1. С. 80–88.
- Егоров А. Ю.* Нехимические (поведенческие) аддикции: вопросы типологии, диагностики и классификации // Вопросы наркологии. 2020. № 4 (187). С. 7–23. https://doi.org/10.47877/0234-0623_2020_4_7
- Нечаева А. И., Шишкива А. М., Громыко Д. И., Бочаров В. В., Илюк Р. Д.* Взаимосвязь субъективной оценки психического состояния и восприятия семейных отношений у родственников пациентов с аддиктивными расстройствами // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 2024. Т. 58, № 2. С. 89–97. <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2024-853>.
- Роговая О. С.* Копинг-ресурсы в преодолении трудностей взаимодействия с созависимыми // Человеческий капитал. 2024. № 6 (186). С. 182–190.
- Савенышева С. С., Разыграева Ю. С.* Родительское выгорание, посттравматический рост и социальная поддержка матерей детей с ограниченными возможностями здоровья // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2024. Т. 14, № 1. С. 128–142. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.108>
- Стряпухина Ю. В., Посохова С. Т.* Клинико-психологический подход в работе с созависимыми // Вестник психотерапии. 2024. № 89. С. 89–101. <https://doi.org/10.25016/2782-652X-2024-0-89-89-101>
- Шишкива А. М., Бочаров В. В.* Эмоциональное выгорание родственников больных с химической зависимостью: методология и инструментарий оценки. СПб.: Нестор-История, 2021.
- Шишкива А. М., Бочаров В. В., Стрижицкая О. Ю., Вукс А. Я.* Психометрические характеристики методики «Уровень эмоционального выгорания родственников» // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Т. 29, № 2. С. 100–118. <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290205>
- Copello A., Templeton L., Powell J.* The impact of addiction on the family: Estimates of prevalence and costs // Drugs: Education Prevention and Policy. 2010. Vol. 17 (suppl. 1). P. 63–74. <https://doi.org/10.3109/09687637.2010.514798>
- De Souza Alves L. C., Monteiro D. Q., Bento S. R., Hayashi V. D., Pelegrini L. N. C., Vale F. A.* Burnout syndrome in informal caregivers of older adults with dementia. A systematic review // Dementia & Neuropsychologia. 2019. Vol. 13 (4). P. 415–421. <https://doi.org/10.1590/1980-57642018dn13-040008>
- Demerouti E., Bakker A. B., Nachreiner F., Schaufeli W. B.* The job demands resources model of burnout // Journal of Applied Psychology. 2001. Vol. 86 (3). P. 499–512. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.86.3.499>
- Futterman S.* Personality trends in wives of alcoholics // Journal of Psychiatric Social Work. 1953. Vol. 23 (1). P. 37–41.
- Gérain P., Zech E.* Informal caregiver burnout? Development of a theoretical framework to understand the impact of caregiving // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. Art. no. 1748. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01748>
- Kalashian M. M.* Working with the wives of alcoholics in an outpatient clinic setting // Marriage and Family. 1959. Vol. 21 (2). P. 130–133.
- Leiter M. P., Maslach C.* Burnout and engagement: Contributions to a new vision // Burnout Research. 2017. Vol. 5. P. 55–57. <https://doi.org/10.1016/j.burn.2017.04.003>
- Luna D., Figuerola-Escoto R. P., Sienra-Monge J. J. L., Hernández-Roque A., Soria-Magaña A., Hernández-Corral S., Toledano-Toledano F.* Burnout and its relationship with work engagement in healthcare professionals: A latent profile analysis approach // Healthcare (Basel). 2023. Vol. 11 (23). Art. no. 3042. <https://doi.org/10.3390/healthcare11233042>
- Maslach C., Jackson S. E., Leiter M. P.* The Maslach Burnout Inventory manual. 3rd ed. Palo Alto: Consulting Psychologist Press, 1996.
- Orford J., Velleman R., Natera G., Templeton L., Copello A.* Addiction in the family is a major but neglected contributor to the global burden of adult ill-health // Social Science & Medicine. 2013. Vol. 78. P. 70–77. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2012.11.036>

- Schaufeli W.B., Salanova M., González-Romá V., Bakker A. The measurement of engagement and burnout: A two sample confirmatory factor analytic approach // *Journal of Happiness Studies*. 2002. Vol. 3. P. 71–92. <https://doi.org/10.1023/A:1015630930326>
- Settley C. The physical and psychological wellbeing of caregivers of individuals suffering from substance addiction // *Archives of Psychiatric Nursing*. 2020. Vol. 34 (3). P. 107–109. <https://doi.org/10.1016/j.apnu.2020.03.007>
- Shishkova A. M., Bocharov V. V. The burnout concept as a theoretical framework for investigating the caregiving impact of relatives of patients with addictive disorders // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2022. Vol. 15 (3). P. 111–132. <https://doi.org/10.11621/pir.2022.0307>

Статья поступила в редакцию 12 октября 2024 г.;
рекомендована к печати 15 апреля 2025 г.

Контактная информация:

Шишикова Александра Михайловна — канд. психол. наук, ст. науч. сотр.;
<https://orcid.org/0000-0001-9707-138X>, shishaspb@mail.ru
Бочаров Виктор Викторович — канд. психол. наук, доц.; <https://orcid.org/0000-0003-0874-4576>, bochvilkvik@gmail.com
Нечаева Анастасия Игоревна — мл. науч. сотр.; <https://orcid.org/0000-0002-2531-8707>, netchaeva.nastya@yandex.ru
Валиева Татьяна Валентиновна — канд. психол. наук, доц.;
<https://orcid.org/0000-0003-4945-1542>, t.v.valieva@urfu.ru
Громыко Дмитрий Иванович — канд. мед. наук, вед. науч. сотр.;
<https://orcid.org/0000-0002-3221-3161>, dmrgrom@list.ru

Factor structure of the “Level of Relatives’ Emotional Burnout” questionnaire on the sample of substance and non-substance addicted patients’ relatives

A. M. Shishkova¹, V. V. Bocharov^{1,2}, A. I. Nechaeva^{1a},
T. V. Valieva³, D. I. Gromyko¹

¹ V.M. Bekhterev National Medical Research Centre for Psychiatry and Neurology,
3, ul. Bekhtereva, St. Petersburg, 192019, Russian Federation

² St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

³ Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
19, ul. Mira, Ekaterinburg, 620062, Russian Federation

For citation: Shishkova A. M., Bocharov V. V., Nechaeva A. I., Valieva T. V., Gromyko D. I. Factor structure of the “Level of Relatives’ Emotional Burnout” questionnaire on the sample of substance and non-substance addicted patients’ relatives. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2025, vol. 15, issue 3, pp. 476–487. EDN XBWIZE (In Russian)

Relatives of patients with addictive disorders, as a rule, make attempts to overcome the disease of a loved one, providing medical, social and psychological assistance to the patient. So, they frequently act as an unpaid resource in the process of treatment and maintaining his/her well-being. At the same time, their efforts, as well as the state of their own mental and physical health, are often out of sight of specialists due to insufficient development of methodology and psychodiagnostic tools for assessment of the dynamics of relationships that arise in the process of caring for an addictive patient in the family. The “Level of Relatives’ Emotional Burnout” measure is aimed at studying the ratio between engagement and burnout during the process of caretaking in the field of family interaction. The aim of this study was to verify the

factor structure of the “Level of Relatives’ Emotional Burnout” on the sample of 374 relatives of patients with substance (115 relatives of patients with opioid use disorder, 127 with alcohol use disorder, 37 with stimulant use disorder) and non-substance (95 relatives of patients with gambling) addiction. The factor structure of the questionnaire was carried out by confirmation factor analysis. Indices of fit demonstrate high consistency with empirical data and confirm the design validity of the tool. Testing reliability of the questionnaire scales, showed good level of the Cronbach’s α coefficient for the most indicators. The use of the tool will expand both diagnostic capabilities and perspectives of psychotherapy.

Keywords: addiction, relatives of patients, involvement, burnout, psychological assessment.

References

- Bocharov, V. V., Shishkova, A. M. (2016). *Features of personal and family functioning of relatives of drug addicts*. St. Petersburg, Nestor-Historia Publ. (In Russian)
- Bocharov, V. V., Shishkova, A. M., Chernaya, Yu. S., Sivak, A. A., Ipatova, K. A. (2017). Prospects for research on emotional burnout in relatives of patients with alcoholism or opioid dependence (report 1). *Obozrenie psichiatrii i meditsinskoi psikhologii im. V. M. Bekhtereva*, 4: 27–34. (In Russian)
- Bocharov, V. V., Shishkova, A. M., Chernaya, Yu. S., Sivak, A. A., Ipatova, K. A. (2018). Prospects for research on emotional burnout in relatives of patients with alcoholism or opioid dependence (report 2). *Obozrenie psichiatrii i meditsinskoi psikhologii im. V. M. Bekhtereva*, 1: 80–88. (In Russian)
- Copello, A., Templeton, L., Powell, J. (2010). The impact of addiction on the family: Estimates of prevalence and costs. *Drugs: Education Prevention and Policy*, 17 (suppl. 1): 63–74. <https://doi.org/10.3109/09687637.2010.514798>
- Demerouti, E., Bakker, A. B., Nachreiner, F., Schaufeli, W. B. (2001). The job demands resources model of burnout. *Journal of Applied Psychology*, 86 (3): 499–512. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.86.3.499>
- De Souza Alves, L. C., Monteiro, D. Q., Bento, S. R., Hayashi, V. D., Pelegrini, L. N. C., Vale, F. A. (2019). Burnout syndrome in informal caregivers of older adults with dementia. A systematic review. *Dementia & Neuropsychologia*, 13 (4): 415–421. <https://doi.org/10.1590/1980-57642018dn13-040008>
- Egorov, A. Yu. (2020). Non-chemical (behavioral) addictions: typology, diagnosis and classification issues. *Voprosy narkologii*, 4 (187): 7–23. https://doi.org/10.47877/0234-0623_2020_4_7 (In Russian)
- Futterman, S. (1953). Personality trends in wives of alcoholics. *Journal of Psychiatric Social Work*, 23 (1): 37–41.
- Gérain, P., Zech, E. (2019). Informal caregiver burnout? Development of a theoretical framework to understand the impact of caregiving. *Frontiers in Psychology*, 10: 1748. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01748>
- Kalashian, M. M. (1959). Working with the wives of alcoholics in an outpatient clinic setting. *Marriage and Family*, 21 (2): 130–133.
- Leiter, M. P., Maslach, C. (2017). Burnout and engagement: Contributions to a new vision. *Burnout Research*, 5: 55–57. <https://doi.org/10.1016/j.burn.2017.04.003>
- Luna, D., Figuerola-Escoto R. P., Sienra-Monge J. J. L., Hernández-Roque, A., Soria-Magaña, A., Hernández-Corral, S., Toledano-Toledano, F. (2023). Burnout and its relationship with work engagement in healthcare professionals: A latent profile analysis approach. *Healthcare (Basel)*, 11 (23): 3042. <https://doi.org/10.3390/healthcare11233042>
- Maslach, C., Jackson, S. E., Leiter, M. P. (eds.). (1996). *The Maslach Burnout Inventory manual*. 3rd ed. Palo Alto, Consulting Psychologist Press.
- Nechaeva, A. I., Shishkova, A. M., Gromyko, D. I., Bocharov, V. V., Ilyuk, R. D. (2024). The relationship between subjective assessment of mental state and perception of family relationships in relatives of patients with addictive disorders. *Obozrenie psichiatrii i meditsinskoi psikhologii im. V. M. Bekhtereva*, 58 (2): 89–97. <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2024-853>. (In Russian)
- Orford, J., Velleman, R., Natera, G., Templeton, L., Copello, A. (2013). Addiction in the family is a major but neglected contributor to the global burden of adult ill-health. *Social Science & Medicine*, 78: 70–77. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2012.11.036>
- Rogovaya, O. S. (2024). Coping resources in overcoming difficulties of interaction with co-dependents. *Chelovecheskii kapital*, 6 (186): 182–190. (In Russian)

- Savenysheva, S. S., Razygraeva, Yu. S. (2024). Parental burnout, posttraumatic growth, and social support in mothers of children with disabilities. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 14 (1): 128–142. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.108> (In Russian)
- Schaufeli, W. B., Salanova, M., González-Romá, V., Bakker, A. (2002). The measurement of engagement and burnout: A two sample confirmatory factor analytic approach. *Journal of Happiness Studies*, 3: 71–92. <https://doi.org/10.1023/A:1015630930326>
- Settley, C. (2020). The physical and psychological wellbeing of caregivers of individuals suffering from substance addiction. *Archives of Psychiatric Nursing*, 34 (3): 107–109. <https://doi.org/10.1016/j.apnu.2020.03.007>
- Shishkova, A. M., Bocharov, V. V. (2021). *Emotional burnout of relatives of patients with chemical dependence: methodology and assessment tools*. St. Petersburg, Nestor-History Publ. (In Russian)
- Shishkova, A. M., Bocharov, V. V. (2022). The burnout concept as a theoretical framework for investigating the caregiving impact of relatives of patients with addictive disorders. *Psychology in Russia: State of the Art*, 15 (3): 111–132. <https://doi.org/10.11621/pir.2022.0307>
- Shishkova, A. M., Bocharov, V. V., Strizhickaya, O. Yu., Vuks, A. Ya. (2021). Psychometric characteristics of the method “Level of emotional burnout of relatives”. *Konsul'tativnaia psikhologii i psikhoterapiia*, 29 (2): 100–118. <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290205> (In Russian)
- Stryapukhina, Yu. V., Posokhova, S. T. (2024). Clinical and psychological approach to working with codependents. *Vestnik psikhoterapii*, 89: 89–101. <https://doi.org/10.25016/2782-652X-2024-0-89-89-101> (In Russian)

Received: October 12, 2024

Accepted: April 15, 2025

Authors' information

- Alexandra M. Shishkova* — PhD in Psychology, Senior Researcher;
<https://orcid.org/0000-0001-9707-138X>, shishaspb@mail.ru
- Viktor V. Bocharov* — PhD in Psychology, Associate Professor;
<https://orcid.org/0000-0003-0874-4576>, bochvikvik@gmail.com
- Anastasia I. Nechaeva* — Junior Researcher; <https://orcid.org/0000-0002-2531-8707>, netchaeva.nastya@yandex.ru
- Tatiana V. Valieva* — PhD in Psychology, Associate Professor;
<https://orcid.org/0000-0003-4945-1542>, t.v.valieva@urfu.ru
- Dmitriy I. Gromyko* — PhD in Medicine, Leading Researcher;
<https://orcid.org/0000-0002-3221-3161>, dmrgrom@list.ru